В. В. КАРГАЛОВ

КОНЕЦ ОРДЫНСКОГО ИГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «Страницы истории
нашей Родины»

В. В. КАРГАЛОВ

КОНЕЦ ОРДЫНСКОГО ИГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1980

Каргалов В. В. **Конец ордынского ига.** М.: Наука, 1980.

Книга посвящена героической борьбе русского народа против ордынского ига — ее решающему этапу, который начинается с Куликовской битвы 1380 г. и завершается осенью 1480 г., когда на р. Угре русские воины дали отпор нашествию хана Большой Орды Ахмеду. Освобождение от иноземного гнета представлено автором книги как закономерный итог длительной и самоотверженной борьбы русского народа против завоевателей.

Ответственный редактор

доктор исторических наук

В. И. БУГАНОВ

К $\frac{10604-323}{054(02)-80}$ 44—80 НП. 0505010000

ВВЕДЕНИЕ

История человечества знает несколько опустошительных, варварских нашествий, которые остались в памяти народов как время тяжких бедствий, неисчислимых жертв, разрушений памятников культуры, насилий и бесчинств завоевателей.

Народы Западной и Южной Европы с ужасом вспоминают о нашествии азиатских кочевников — гуннов, которые в V в. новой эры буквально сокрушили тогдашнюю европейскую цивилизацию; имя вождя гуннов Аттилы стало символом бессмысленных разрушений и жестокости.

Значительно меньше вспоминали в Западной Европе об ордынских завоеваниях, потому что полчища внука основателя Монгольской империи, возглавившего было поход «к морю Франков», Батыя только кратковременно и с самого края затронули европейские государства. Нашествие остановилось, споткнувшись на русском пороге. Героическая борьба русского народа и других народов нашей страны — вот что спасло европейскую цивилизацию, сорвало бредовые планы завоевателей о создании «мировой империи».

С удивительной для своего времени, гениальной прозорливостью оценил всемирно-историческое значение борьбы Руси против завоевателей А. С. Пушкин: «России определено было великое предназначение: ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились в степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной Россией» [1]. Великий русский революционер-демократ Н. Г. Чернышевский писал: «Нет, не завоевателями и грабителями выступают в истории политической русские.., а спасителями — спасителями от ига.., которое они сдержали на мощной вые

своей, не допустив его до Европы, быв стеной ей, правда, подвергавшеюся всем выстрелам, стеною, которую вполовину было разбили враги...» [2].

Немало усилий приложили апологеты завоевательных войн, чтобы оправдать ордынские завоевания, отыскать какое-то «благо» от подчинения народов власти ханов «мировой империи», рассуждали об особой «избранности» завоевателей и военных талантах Чингисхана и его последователей [3]. История опровергает подобные рассуждения. Завоевания стали страшным бедствием и для их жертв, и для самих завоевателей, обрекая последних на социальный и культурный застой. Размышляя о судьбе завоевателей, молодой Чернышевский писал в 1846 г.: «Жалко или нет бытие подобных народов? Быша и бяша, яко и не бывше. Прошли, как буря, все разрушили, сожгли, полонили, разграбили и только... Быть всемогучими в политическом и военном смысле и ничтожными по другим, высшим элементам жизни народной?» [4].

События нашествия Батыя и последующих 240 лет ордынского ига на Руси можно рассматривать с точки зрения тех бедствий и страданий для русского народа, которые принесло завоевание; некоторые историки так и делают. Но возможна и диаметрально противоположная точка зрения. Столетия ордынского ига были не только временем угнетения и хищнической эксплуатации ордынскими ханами Руси, но и временем героической борьбы русского народа за свободу и независимость, временем великого подвига народного, национального подъема и осознания русскими людьми единства родной земли, которое привело к созданию могучего Российского государства. Если рассматривать отечественную историю XIII—XV вв. с этой точки зрения, то яснее становится историческая перспектива, сама сущность жизни русского народа в тяжкие столетия ордынского владычества. В конечном итоге за этой точкой зрения главное — историческая правда, подтвержденная опытом истории.

Глава 1

«БАТЫЕВ ПОГРОМ»

Нашествие Батыя на Северо-Восточную Русь началось поздней осенью или в начале зимы 1237 г.; однако другие народы нашей Родины давно уже вели борьбу против завоевателей, сдерживая их продвижение на запад. Три года воевали с полчищами Чингисхана, основателя Монгольской империи, народы Средней Азии (1219—1221), несмотря на то что 200-тысячному войску завоевателей хорезм-шах Мухаммед смог противопоставить только феодальные ополчения, разбросанные по отдельным крепостям. Из уст в уста передавались сказания о славном воителе Тимур-Мелике, который с отрядом храбрецов, неожиданно нападая, неоднократно разбивал многочисленные ордынские рати и уходил от преследования, чтобы снова в другом месте обрушиться на врага. В тылу завоевателей поднимались народные восстания. Чингисхану удалось установить в Средней Азии «тишину», но это была тишина кладбища. Цветущая ранее страна превратилась в пустыню, сотни тысяч людей погибли, уцелевшие были проданы в рабство или превращены в ордынских данников. Сгорели богатые города, разрушены сложные ирригационные системы, которые строились веками, погибли многие выдающиеся памятники архитектуры и искусства. Разорение Средней Азии хорошо показало, что́ несли завоеватели соседним оседлым странам. А завоевательные планы Чингисхана были поистине безграничными. По словам современника, он замышлял «разорить или обратить в рабство всю землю».

В 1222 г. тридцатитысячное конное войско Джебэ и Субудая вторглось в Закавказье, «совершая по прежнему обыкновению избиение и грабежи на всяком месте, которое попадалось на пути». Знамя борьбы с завоевателями подхватили народы Азербайджана и Грузии, которые нанесли им большие потери, но не сумели остано-

вить продвижение ордынских туменов дальше на север. По берегу Каспийского моря Джебэ и Субудай прошли на Северный Кавказ, в земли аланов. Здесь их ожидали новые бои. Аланы и кочевавшие поблизости половцы, как свидетельствует персидский историк Рашид-ад-Дин, сообща сразились с ордынцами, но «никто из них не остался победителем». Предводителям ордынского войска помогло только коварство. Подарками и обещаниями мирного договора они склонили половецких вождей к уходу из земли аланов, а затем «одержали победу над аланами, совершив все, что было в их силах по части убийства и грабежа». А потом напали на половцев, «когда они, полагаясь на мирный договор, спокойно разошлись по своим областям». Ордынцы «нагрянули внезапно, убивая всякого, кого находили».

Русские полки впервые встретились с завоевателями в 1223 г. на р. Калке, куда они пришли, чтобы помочь половцам. Феодальные дружины русских князей потерпели поражение, многие воины погибли, «и был вопль и печаль по всем городам и волостям», горько отмечал летописец. Но Субудай и Джебэ не пошли дальше на запад. Их разведывательный поход показал, что народы Восточной Европы будут оказывать завоевателям упорное сопротивление и что для нашествия на запад потребуются значительно бо́льшие силы. К тому же на обратном пути ордынские полководцы потерпели сильное поражение от волжских болгар. По свидетельству арабского историка Ибн-аль-Асира, болгары «в нескольких местах устроили им засады, выступили против них, встретились с ними и, заманив до тех пор, пока они зашли за место засад, напали на них с тыла, так что они остались в середине. Поял их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие». Чингисхан так и не сумел начать вожделенный поход на запад, к «морю Франков». Он умер в 1227 г., завещав «покорение вселенной» своим преемникам. Главная роль в наступлении на Восточную Европу отводилась хану улуса Джучи, западной части Монгольской империи, внуку Чингисхана Бату-хану, которого русские летописцы называли Батыем [1].

Решение о возобновлении наступления на Восточную Европу было принято новым великим ханом Угедеем на курултае (съезде кочевых феодалов) 1229 г. В степи Прикаспия вторглись конные тысячи улуса Джучи. Вско-

ре в войну были вовлечены и волжские болгары, земли которых примыкали к прикаспийским степям. Однако успехи Батыя, которого восточные авторы называли «очень могущественным», оказались весьма скромными. За пять лет войны завоеватели дошли на западе до низовьев Волги, на севере — до границы леса и степи, где волжские болгары воздвигли мощные оборонительные линии и остановили их продвижение; по словам летописца, ордынцы «зимоваша, не дошедше Великого града Балгарьскаго». Оказал сопротивление завоевателям и башкирский народ.

В 1235 г. великий хан Угедей «во второй раз устроил большой курултай и назначил совещание относительно уничтожения и истребления остальных непокорных». О том, кого великий хан считал «непокорными», явствует из решения курултая «завладеть странами Булгар, Асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату, не были еще покорены и гордились своей многочисленностью». Новый поход планировался как общемонгольский: «в помощь и подкрепление Бату» было направлено 14 «царевичей», потомков Чингисхана, со своими ордами. Осенью 1236 г. «в пределах Булгарии царевичи соединились. От множества войск земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные» [2]. Нашествие Батыя началось.

Объединенное войско нескольких ордынских улусов значительно превосходило по численности войска стран, которые становились жертвами нашествия: в распоряжении Батыя было около 150 тысяч конных воинов, объединенных единым командованием, хорошо вооруженных, привычных к длительным переходам [3].

Весной 1237 г. завоеватели перешли Волгу и начали затяжную и далеко не легкую для них войну с половцами и аланами, буртасами, мокшей и мордвой. Эта война продолжалась все лето. Венгерский миссионер Юлиан, проезжавший близ границ Руси осенью, застал ордынское войско, отправленное Батыем «к морю на всех команов» (так на западе называли половцев.— *В. К.*), еще в степях. Упорное сопротивление половцев и аланов позволило Батыю сосредоточить войска для похода в Северо-Восточную Русь только глубокой осенью.

На Руси знали не только о том, что готовится нашествие, но даже и о месте сосредоточения ордынского войска. Тверской летописец указывал, что Батый стоял

«под Черным лесом, и оттоле приидоша безвестно на Рязаньскую землю летом»[4]. Однако страна, переживавшая период феодальной раздробленности и разделенная на многие самостоятельные, часто враждовавшие между собой княжества, не могла подготовиться к обороне. Даже если бы удалось собрать общерусское войско, оно по численности значительно уступало бы войску Батыя. Объективные исторические условия делали такое объединение невозможным. Каждое княжество оборонялось самостоятельно, что облегчало завоевателям поход на Северо-Восточную Русь.

Но и в этой неравной борьбе русские князья не ограничивались обороной укрепленных городов. Полевые сражения во время нашествия Батыя — яркие проявления героизма, самопожертвования, исторического оптимизма, свойственных русскому народу. На эту сторону войны против Батыя мне хотелось бы особо обратить внимание.

Где-то у «предел Рязанских» в начале зимы 1237 г. рязанские, муромские и пронские дружины встретили «в поле» тумены Батыя, и была «сеча злая», упорная и кровопролитная, отмечал автор «Повести о разорении Рязани Батыем».

На границе своего княжества, под Коломной, прикрывавшей удобный зимний путь к стольному Владимиру, решил встретить завоевателей и великий князь Юрий Всеволодович. В исторической литературе порой недооценивается коломенское сражение, сводится чуть ли не к столкновению с ордынскими авангардами «владимирского дозорного отряда воеводы Еремея Глебовича»[5]. Анализ источников позволяет по-иному представить сражение под Коломной в январе 1238 г.

Прежде всего здесь был не «дозорный отряд», а фактически все силы, которые успел к тому времени собрать великий князь: «Юрьи посла сына своего Всеволода *со всими людми*» (курсив мой.— *В. К.*). Кроме собственно владимирской рати, под Коломной собрались остатки рязанских и пронских полков с князем Романом Игоревичем, ополченья отдельных городов (например, москвичи). Суздальский летописец указывал даже, что к Коломне пришли «Новгородци с своими вои»; может быть, здесь шла речь об отряде из Нижнего-Новгорода.

Единодушно свидетельствуют летописцы о крупных масштабах битвы: «бысть сеча велика» (Лаврентьевская и Суздальская летописи), «бишася крепко» (Новгородская

Первая и Тверская), «у Коломны бысть им бой крепок» (Львовская). О крупном сражении говорят и восточные источники. Рашид-ад-Дин отмечал, что к «городу Икэ» (Коломне) подошло соединенное войско всех «царевичей», ранее осаждавших Рязань (Бату, Орды, Гуюкхан, Кулькан, Кадан, Бури и др.); причем «Кулькану была нанесена там рана, и он умер». При монгольских обычаях ведения боя, когда даже тысячники и темники *, не говоря о ханах-чингисидах (потомках Чингисхана), управляли боем, находясь позади боевых линий, гибель «царевича» была возможна лишь в крупном сражении, которое сопровождалось нарушением строя и глубокими прорывами противника. Кстати, Кулькан был единственным чингисидом, погибшим во время нашествия.

По количеству сражавшихся и по упорству битвы столкновение под Коломной можно считать одним из центральных событий похода Батыя на Северо-Восточную Русь. Это была попытка объединенной великокняжеской рати сдержать нашествие на рубежах Владимирского княжества. Только большое численное превосходство позволило Батыю сломить сопротивление русских полков под Коломной, которые сумели нанести противнику значительные потери. Погибло и почти все русское войско, «много мужей побиша», и только сын великого князя «в мале дружине прибежа в Володимерь» [6].

Еще одно крупное полевое сражение произошло на р. Сити, притоке Мологи, где великий князь Юрий Всеволодович собирал полки для продолжения войны с Батыем. Военно-стратегическое значение «стана» на р. Сити было весьма большим. Юрий Всеволодович, остановившись «за Волгой», вынудил Батыя выделить немалую часть своего войска для действия против него. Угроза с севера помешала Батыю распустить свое конное воинство для «облавы» — поголовного ограбления северо-восточных русских княжеств, что позволило населению укрыться в лесах или бежать за Волгу. Наконец, ослабленный отправкой больших сил к р. Сити, сам Батый на две недели задержался под небольшим городком Торжком, что фактически сорвало поход на Новгород. В начале марта 1238 г. ордынские отряды оказались разбросанными на огромном пространстве от Торжка до Вологды, и собрать их вместе

* Темник командовал «туменом» («тьмой») — отрядом, состоящим из 10 тысяч всадников.

для похода на «северную столицу» Руси до наступления весенних оттепелей было невозможно.

О цели «отъезда» великого князя из Владимира в летописи прямо сказано: «еха на Волгу... совкупляти вое противу Татаром». Точно указывали летописцы и маршрут движения: «поиде к Ярославлю, а оттоле за Волгу, и ста на Сити». Сюда собирались князья со своими дружинами, ополчения близлежавших городов. Но великий князь Юрий Всеволодович не получил времени, достаточного для сбора большого войска. Ордынцы двинулись к «стану» сразу же после падения Владимира, в первой половине февраля. Сначала они «погнашася по Юрьи по князи на Ярославль», но затем отборное войско, возглавляемое известным полководцем Бурундаем, повернуло на север, к Угличу, откуда вела прямая дорога к р. Сити.

Видимо, великий князь знал о приближении ордынцев. Он «повеле воеводе своему Жирославу Михайловичу совокупляти воинство и окрепляти люди, и готовитися на брань»; навстречу Бурундаю был послан трехтысячный сторожевой отряд воеводы Дорожа — «пытати татар». Однако наступление Бурундая оказалось неожиданно быстрым. Воевода Дорож вернулся в «стан» с известием, что «уже, княже, обошли нас».

Было утро 4 марта. Русские полки «поидоша противу поганым, и сступишася обои, и бысть сеча зла». Так повествует летописец о начале битвы на р. Сити.

Летописные известия о самой битве очень кратки и неясны. Русские полки не выдержали удара ордынской конницы, который наносился, вероятно, с разных сторон, и «побегоша пред иноплеменники», «убиен великии князь Юрий Всеволодич на реце на Сити и вои его мнози погибоша». Подробности гибели великого князя неизвестны. «Бог же весть, како скончася, много бо глаголют о нем иные»,— замечает летописец [7].

О том, что народ видел высшую доблесть и героизм именно в «прямом бою» с завоевателями, свидетельствует создание народного сказания о подвиге Евпатия Коловрата, рязанского богатыря. 1700 «удальцов» Евпатия Коловрата напали на войско Батыя именно «в поле». Вот описание этого подвига:

«В то же время некто из вельмож русских, именем Евпатий Коловрат, был в Чернигове с князем Ингорем Ингоревичем, и услышал приход на Русскую землю зловерного царя Батыя, пришел из Чернигова с малой дру-

жиной, и гнал быстро, и приехал в землю Рязанскую, и увидел ее опустевшей, города разорены, церкви и дома сожжены, а люди побиты, а иные сожжены, а иные в воде потоплены. Евпатий же, видя это, распалися сердцем: был он очень храбр. И собрал немного воинов, всего 1700 человек, которые уцелели вне города. И погнался за безбожным царем Батыем, чтобы отомстить за кровь христианскую. И догнали его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы на Батыевы. И начали сечь без милости и смешались полки... И едва поймали от полка Евпатиева пять человек воинов, изнемогших от великих ран. И привели их к Батыю. Он же спросил их: «Какой вы веры и какой земли, что мне зло творите?» Они же ответили: «Веры христианской, а воины мы великого князя Юрия Ингоревича Рязанского, а полка Евпатия Коловрата. Посланы мы тебя, царя сильного, почтить и честно проводить». Царь же удивился ответу их и мудрости. И послал на Евпатия шурина своего Хозтоврула, и с ним многие полки... Хозтоврул похвалился царю Батыю Евпатия Коловрата руками живого взять и к нему привести. И сошлись полки. Евпатий наехал на Хозтоврула-богатыря и рассек его мечом надвое до седла... и многих богатырей... побил, одних надвое рассекая, а иных до седла. И известили Батыя, он же, слышав сие, горевал о шурине своем, и повелел навести на Евпатия множество пороков, и начали пороки бить по нему, и едва сумели так убить крепкорукого и дерзкого сердцем и львояростного Евпатия. И принесли его мертвого к царю Батыю. Батый же, увидев его, удивился с князьями своими храбрости его и мужеству. И повелел тело его отдать оставшейся дружине его, которая в том бою была пленена. И повелел их отпустить и ничем не вредить...».

Князья ордынские сказали Батыю: «Мы со многими царями во многих землях, на многих бранях бывали, а таких удальцов и резвецов не видали, и отцы наши не рассказывали нам. Сии люди крылаты и не имеют смерти, так крепко и мужественно бьются, один с тысячей, а два с тьмой. Ни один из них не может уйти живым с поля боя». А сам Батый говорил: «О, Евпатий Коловрат! Многих сильных богатырей моей орды побил ты, и многие полки пали. Если бы у меня такой служил — держал бы я его против сердца своего!» [8].

Образ богатыря Евпатия Коловрата олицетворяет собой образ всего русского народа, в годину страшного

народного бедствия мужественно и стойко сражавшегося за родную землю. Евпатий Коловрат погиб в неравной сече, но тысячи других народных героев продолжали борьбу. Большой кровью платили завоеватели за каждый шаг по русской земле.

Мужественно сопротивлялись завоевателям русские города, и в множественности эпизодов этих противоборств, соединившихся вместе в непрерывное большое противоборство, следует искать причины конечной неудачи ордынских завоевателей. Орды хана Батыя надолго задержались в русских землях и пришли в Центральную Европу ослабленными, неспособными к дальнейшему активному наступлению.

16 декабря полчища хана Батыя «оступиша град Рязань и острогом оградиша». Войска в Рязани осталось немного, но все горожане взялись за оружие. Пять дней ордынские тысячи, сменяя друг друга, непрерывно штурмовали деревянные стены Рязани. Непрерывное сражение измотало защитников города, что позволило свежим ордынским отрядам взойти на городские стены. «В шестой день рано,— повествует автор «Повести о разорении Рязани Батыем»,— придоша погании ко граду, овии с огнем, а инии с топоры, а инии с по́роки, и с токмачи, и лестницами, и взяша град Рязань месяца декабря в 21 день». Город подвергся страшному разорению, почти все горожане погибли. «Множество мертвых лежаша, и град разорен, земля пуста, церкви пожжены ... только дым и земля и пепел...»

Упорное сопротивление оказала Москва, тогда еще рядовой городок на окраине Великого княжества Владимирского, с небольшим деревянным Кремлем. В Москве с «малым войском» были сын великого князя Владимир Юрьевич и воевода Филипп Нянка. Но москвичи не сдались, несмотря на подавляющее превосходство сил противника. Ордынцам пришлось штурмовать Москву. По сообщению Рашид-ад-Дина (которое, впрочем, некоторые историки считают недостоверным), завоеватели взяли Москву только «сообща в пять дней». Русский летописец сообщал о взятии Москвы следующее: «Взяша Москву ... и воеводу убиша Филипа Нянка, а князя Володимера яша руками ... а люди избиша от старьца и до сущего младенца, а град и церкови святыя огневи предаша, и монастыри вси и села пожгоша, и много имения вьземше, отъидоша» [9].

Летописи не сохранили данных об обороне других русских городов между Рязанью и Владимиром по пути похода хана Батыя. Однако можно предположить, что ему пришлось неоднократно задерживаться для осады и штурмов укрепленных городов. От Рязани до Владимира ордынцы шли по льду Оки и Москвы-реки, а затем — по водоразделу Москвы-реки и Клязьмы и по самой Клязьме — около 40 дней, преодолев расстояние менее 500 километров. Таким образом, скорость движения ордынского войска составляла всего 10—15 километров в день, намного меньше той, о которой сообщали современники (до 80 километров за дневной переход!). Такое медленное движение Батыя вряд ли можно объяснить только зимними условиями.

4 февраля ордынцы подошли к Владимиру, столице Северо-Восточной Руси. Великий князь уже покинул город «с малой дружиной», и оборону возглавляли его сыновья Всеволод и Мстислав и воевода Петр Ослядякович. Вся тяжесть борьбы легла на плечи вооруженного посадского населения и крестьян из соседних волостей, укрывшихся за крепостными стенами. На предложение ордынцев сдаться защитники Владимира ответили решительным отказом. Хану Батыю пришлось перейти к планомерной осаде. Его войско «сташа станом пред Золотыми враты... множество вои бещислено около всего града», потом «начаша наряжати лесы и пороки ставиша до вечера, а на ночь огородиша тыном около всего города Володимеря». Непрерывно долбили деревянные стены камнеметные орудия — пороки. 6 февраля стены в нескольких местах были пробиты, но после ожесточенного боя в проломах защитники Владимира «во град их не пустили».

Решительный штурм начался 7 февраля. Снова была пробита пороками городская стена «у Золотых Ворот, у святого Спаса». Одновременно рухнули стены и в других местах Владимира: у «Ирининых», «Медяных» и «Волжских» ворот. Ордынцы ворвались в город. Примыкавший к Золотым Воротам «Новый город» они «взяша ... до обеда». Уцелевшие горожане бежали в Средний, «Печернии город», надеясь организовать оборону на внутренней стене. Но участь столицы уже была решена, потому что, по словам В. Н. Татищева, здесь «оборонять было уже некому, многих тут побили и пленили». Недолго продержался и Детинец, последний оплот защитников

столицы. Описанный летописцами драматический эпизод сожжения ордынцами собора, где собрались княжеская семья и «множество бояр и народа»,— последняя страница обороны великого города. Владимир пал.

Упорное сопротивление владимирцев, видимо, произвело большое впечатление на современников. Рашид-ад-Дин в своей «Истории Угедей-каана» среди записей о важнейших событиях специально указывал: «город Юргия Великого взяли в 8 дней. Они ожесточенно сражались» [10].

Есть данные об упорном сопротивлении Переяславля-Залесского, который был хорошо укреплен; Н. Н. Воронин утверждает, что этот сравнительно небольшой город имел укрепления, «которые уступали только Владимиру». По свидетельству Рашид-ад-Дина, бои под Переяславлем продолжались пять дней, и взяли его ордынцы «сообща», т. е. большими силами.

22 февраля ордынцы осадили Торжок, крепость на пути к Новгороду. Торжок имел большое стратегическое значение, и есть основания полагать, что руководил осадой сам Батый, пока остальные его рати опустошали междуречье Оки и Волги. В Торжке не оказалось ни князя, ни княжеской дружины, и оборону возглавили «Иванко посадник Новоторжскыи, Яким Влункович, Глеб Борисович, Михайло Моисеевич» и другие руководители посадского населения. Первый приступ ордынцев был отбит, и они вынуждены были перейти к «правильной» осаде: «отыниша тыном всь около, якоже инии гради имаху, и бишася пороки по две недели». Только после двухнедельных непрерывных приступов, когда «изнемогоша людие в граде», 5 марта, Торжок пал [11].

Широко известна героическая оборона Козельска, стойкость защитников которого удивляла Рашид-ад-Дина: «Батый пришел к городу Козельску и, осаждая его два месяца, не смог овладеть им». Сопротивление козельцев сломили только дополнительные силы, приведенные ханами Каданом и Бури. Факт семинедельной обороны Козельска подтверждают и русские летописцы. «Батый ж, взя град Козелеск и изби въся и до отрочате, ссущих млеко, а о князи Василии не ведомо се: инии глаголяху, яко в крови утопе, понеж бо млад бе» [12].

Не менее упорное сопротивление встретили ордынцы в городах Южной Руси. Осенью 1240 г. «приде Батыи Кыеву в силе тяжьце, многом множьством силы своеи,

и окружи град ... и быс град во обдержаньи велице. И бе Батыи у города, и отроци его обьсядаху град, и не бе слышати от гласа, скрипения телег его, множества ревения вельблуд его и рьжания от гласа стад конь его, и бе исполнена земля Руская ратных».

Но киевляне не устрашились множества врагов и отклонили предложение о сдаче города. Основной удар ордынцы наносили с юга, со стороны Лядских ворот, где поставили множество пороков и, обстреливая укрепления день и ночь, «выбиша стены». После ожесточенного боя они взошли на вал и разрушенные стены, но сразу в город ворваться не сумели, «седоша того дне и нощи» на стенах «города Ярослава». Уцелевшие защитники Киева во главе с воеводой Дмитром, раненным в дневном бою, отступили во внутренний «город Владимира».

Наутро бой возобновился, и снова была «брань межи ими велика». Сражались на стенах и на улицах города, внутри жилищ. Археологическими раскопками обнаружены лежавшие в беспорядке костяки защитников «города Владимира» и в развалинах жилищ, и у городской стены, и у «Батыевых ворот». Последним оплотом обороны стала Десятинная церковь, которую ордынцам пришлось разбивать пороками. 6 декабря город пал, и «люди от мала до велика вся убиша мечем». Но большие потери понесли и завоеватели, их наступательный порыв ослабевал.

Теперь, двигаясь на запад, они оставляли невзятыми города, которые давали им особенно яростный отпор. Так, по свидетельству летописца, хан Батый, «видев же Кремянец и град Данилов, яко не возможно прияти ему, и отиде от них». Отразил все приступы чужеземцев и хорошо укрепленный г. Холм [13].

Хотелось бы обратить внимание еще на одну героическую страницу борьбы народов нашей страны с завоевателями, недостаточно освещенную в исторической литературе. Речь идет о пребывании ордынцев в половецких степях с лета 1238 г. до осени 1240 г. Такая длительная остановка совершенно необъяснима, если представлять ее как простой отдых, как неожиданный перерыв в нашествии. Но эта «неожиданность» становится понятной, если восстановить картину борьбы с завоевателями народов причерноморских степей и окружавших степи земель.

Все время пребывания Батыя в причерноморских степях заполнено непрерывными войнами с половцами, аланами и черкесами, походами на порубежные русские

крепости, мешавшими дальнейшему продвижению завоевателей на запад, подавлениями народных восстаний.

Военные действия в Дешт-и-Кыпчак (так называют восточные историки половецкие степи) начались с большого похода на Северный Кавказ, в землю черкесов. Почти одновременно вспыхнула война с половцами, еще кочевавшими между Доном и Днепром. Рашид-ад-Дин сообщал: «в год собаки (1238), осенью, Менгу-каан и Кадан пошли походом на черкесов и зимой убили государя тамошнего по имени Тукара», а «Берке отправился в поход на кыпчаков».

Война с половцами оказалась трудной и затяжной. Со стороны Батыя это была истребительная война, закончившаяся физическим уничтожением большей части прежнего населения половецких степей. Европеец Плано Карпини, проезжавший здесь в 40-х годах XIII в., писал: «мы нашли многочисленные головы и кости мертвых людей, лежащие на земле подобно навозу». Ему вторит другой путешественник XIII столетия — Рубрук, который не увидел в разоренной «Комании» ничего, «кроме огромного количества могил команов». Даже само название «половцы» осталось только в памяти соседних народов да в исторических сочинениях.

Несколько крупных походов совершили завоеватели в 1239 г. Мордовские племена, завоеванные два года назад, восстали, и большое ордынское войско, возглавленное сразу четырьмя ханами-чингисидами, двинулось из половецких степей на северо-восток. Лаврентьевская летопись сообщает под этим годом, что «на зиму ... взяша Мордовьскую землю и Муром пожгоша, и по Клязме воеваша, и град ... Гороховець пожгоша, а сами идоша в станы своя». Тверской летописец добавляет, что ордынцы во время этого похода взяли «Городец Радиловь на Волзе». Тогда же «приходиша ... в Рязань и пополениша ю всю».

В том же году ордынцы значительными силами напали на русские города на левобережье Днепра, крепости которых прикрывали от нашествия Южную Русь. 3 марта 1239 г. после недолгой осады был «взять град Переяславль копьем, изби весь». 18 октября после ожесточенных боев под стенами города был взят приступом Чернигов. Последней крупной военной акцией Батыя в 1239 г. было вторжение в Крым. Сюда, «к берегу моря», бежали остатки половцев, следом за ними в Крым ворвались

ордынцы. В конце декабря ордынская конница дошла до Сурожа [14].

Военные действия продолжались и в 1240 г. Весной большое войско из «туменов» Гуюк-хана и Менгу-хана двинулось на юго-восток, прошло по побережью Каспийского моря к Дербенту. Рашид-ад-Дин сообщал, что ханы, «назначив войско для похода, поручили его Букдаю и послали его к Тимур-Кохалка («Железным воротам») с тем, чтобы он занял его» [15]. А осенью началось нашествие Батыя на Южную Русь.

Весной 1241 г., закончив опустошение Южной Руси, полчища Батыя «иде Угры». Завоеватели покинули на время пределы русских земель. Для Руси «Батыев погром», как называли это нашествие современники, закончился. Впереди были долгие годы ордынского ига.

Героическая борьба русского народа и других народов нашей страны, ослабившая наступательный порыв завоевателей, не только спасла от разгрома европейскую цивилизацию. Упорное сопротивление, которое встретил Батый на Руси, имело важные последствия для нее самой. Русь не стала «ордынским улусом», сохранила собственное управление, культуру, веру. На территории русских княжеств фактически не было ордынской администрации. В исторической перспективе это создавало возможности для самостоятельного развития страны и для борьбы против власти завоевателей.

Однако зависимость от завоевателей русским князьям пришлось признать — опустошенная Русь еще не могла надеяться на отражение нового нашествия. В 1243 г. Батый, вернувшийся из западного похода на Волгу и основавший большое государство — Золотую Орду, вызвал к себе великого владимирского князя Ярослава Всеволодовича. Из рук хана Ярослав Всеволодович принял «ярлык» на великое княжение. По словам летописца, Батый «почти Ярослава великою честью, и мужи его, и отпусти его, рек ему: „Ярославе, буди ты стареи всем князем в Русском языце“. Ярослав же възвратися в свою землю с великою честью» [16]. Этот акт был формальным признанием зависимости от Золотой Орды. Однако до фактического установления ига было еще далеко.

Глава 2

НАЧАЛО ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ

Попытки освободиться от власти ордынского хана начались вскоре после нашествия Батыя. Сохранили свои военные силы многие русские города, не подвергавшиеся «Батыеву погрому»: Новгород, Псков, Смоленск, Витебск, Полоцк. В Южной Руси продолжал сопротивление завоевателям князь Даниил Романович Галицко-Волынский, который сумел нанести ордынцам несколько чувствительных ударов.

В этих условиях, признав формально свою зависимость от Золотой Орды, великий князь Ярослав Всеволодович исподволь готовился к освобождению своей страны. Известно, например, что он пробовал вести переговоры о военном союзе с Западом против ордынцев. По данным Б. Я. Рамма, в 1246 г. князю Ярославу были направлены послания римского папы, а русское посольство ездило в Лион [1]. Возможно, слухи об антиордынских настроениях Ярослава и его переговорах с Западом и послужили причиной его гибели в ставке великого монгольского хана.

Довольно независимо вел себя по отношению к Орде сын Ярослава великий князь Андрей. За время его великого княжения (1249—1252) летописцы не упоминали ни о поездках русских князей в Орду, ни о посылке «даров», а «дани и выходы», как сообщает В. Н. Татищев, платились тогда «не сполна». Великий князь Андрей Ярославич сделал попытку открыто выступить против власти завоевателей. Для этого он добивался союза с другим русским князем, продолжавшим сопротивление,— Даниилом Галицко-Волынским. Косвенные сведения об этом союзе имеются в летописях. В 1250 г. киевский митрополит Кирилл приезжал в Северо-Восточную Русь. Между детьми владимирского и галицко-волынского князей был заключен брачный союз, что, видимо, явилось внешним отражением складывавшегося военно-политического союза двух сильнейших русских княжеств: «оженися княз Ярославичь Андреи Даниловною Романовича и венча и митрополит в Володимери». Сделана была, вероятно, и попытка привлечь к союзу Великий Новгород, куда тоже поехал митрополит Кирилл.

Антиордынский характер складывавшегося союза не вызывает сомнений. Лаврентьевская летопись отмечает, что великий князь Андрей предпочел «с своими бояры бегати, нежели царем служити», а Никоновская летопись приводит гордые слова великого князя о том, что лучше бежать в чужие земли, чем служить ордынцам.

Можно спорить, насколько реальной в тех исторических условиях была попытка сразу же освободиться от ордынской зависимости; общепринятое в исторической литературе мнение о том, что единственно правильным был курс на мирные отношения с Ордой, который проводил следующий великий владимирский князь — Александр Ярославич Невский, ставит под сомнение саму такую возможность. Однако, на наш взгляд, кое-какие основания для выступления против Орды у великого князя Андрея Ярославича были. За полтора десятилетия, которые прошли со времени «Батыева погрома», разогнанное население в основном возвратилось на прежние места, восстанавливались города, заново создавалось войско.

Следует учитывать, что обширные области Руси вообще избежали разорения; оформляется союз с Южной Русью, которая сумела быстро оправиться от нашествия и готовилась к борьбе с Ордой. Были у великого князя Андрея и надежды получить военную помощь с запада.

Следует учитывать и политические затруднения, возникшие в самой Золотой Орде. Хан Батый имел в своем распоряжении теперь не общемонгольское войско, как во время нашествия 1237—1240 гг., а только военные силы улуса Джучи. К тому же его внимание было отвлечено борьбой за великоханский престол, которая разгорелась между отдельными ханами улусов. Два улуса — Джучи и Тулуя — объединились для борьбы с улусами Угедея и Чагатая и только в начале 50-х годов добились решительного перевеса над своими соперниками. Военные силы Батыя принимали участие в завоевании Ирана, в войне на Северном Кавказе, где завоевателям продолжали оказывать упорное сопротивление аланы. Все это создавало большие трудности для организации нового нашествия на Русь и, видимо, учитывалось великим князем Андреем Ярославичем. Кстати, на трудности полного подчинения Руси власти золотоордынских ханов указывал в свое время В. Т. Пашуто: «Золотоордынские ханы поставили в качестве одной из важнейших задачу подчинить все русские земли, как завоеванные ими, так и незавоеван-

ные. Однако героическое сопротивление русского народа, а также притиворечия между золотоордынскими и великими ханами, возникшие из-за права обладания богатым «русским улусом», отсутствие необходимых военных сил и должного уровня государственной организации не позволяли им рассчитывать на быстрое осуществление их планов» [2].

Однако историческая возможность далеко не всегда становится исторической реальностью. В развитие событий властно вмешиваются факторы, которые не могли предвидеть современники. Антиордынские планы великого князя Андрея Ярославича столкнулись с политической линией на мирные отношения с завоевателями, которую последовательно проводил его брат Александр Ярославич Невский и поддерживала значительная часть других русских князей.

В 1252 г. хан направил в Северо-Восточную Русь большое карательное войско «салтана» Неврюя. Перед лицом грозной «Неврюевой рати» великий князь Андрей остался почти в одиночестве; его открыто поддержал только тверской князь Ярослав Ярославич. По сообщению Софийской I летописи, конные тумены Неврюя «под Владимерем бродиша Клязму», «поидоша к граду Переяславлю таящеся». Там «срете их великыи князь Андрей с своими полкы, и сразишася обои полци, и бысть сеча велика». Кроме великокняжеского войска, в сражении приняли участие только тверские дружины с воеводой Жирославом. Силы оказались явно неравными, и воины великого князя Андрея и воеводы Жирослава «погаными побеждени быша». Андрей бежал «за море». Новым великим князем стал Александр Ярославич Невский.

«Неврюева рать» сыграла значительную роль в установлении ордынского владычества над Русью. Она принесла победу тем князьям, которые стояли за примирение с завоевателями, за подчинение власти ордынского хана (естественно, постаравшись обеспечить при этом свои собственные классовые интересы). Изменился на многие десятилетия характер освободительной борьбы русского народа, который не покорялся завоевателям даже в самых сложных условиях. Эта освободительная борьба приняла во второй половине XIII в. характер стихийных народных восстаний.

Первые крупные антиордынские народные выступления связаны с проведением переписи русских земель в

1257—1259 гг., которая была организована завоевателями для обложения Руси регулярной данью. Суздальский летописец сообщал о переписи очень кратко: «Приехаша численици, исщетоша всю землю Суждальскую и Рязаньскую и Мюромьскую и ставиша десятники и сотники и тысячники и темники, и идоша в Орду, только не чтоша игуменов, чёрньцов, попов, крилошан, кто зрит на святую богородицу и на владыку». Видимо, в «низовских землях» (как называли новгородцы Владимиро-Суздальскую Русь), где великокняжеская администрация была достаточно сильной, перепись при ее содействии прошла без серьезных волнений. Но в Новгороде...

Первые же известия о переписи вызвали взрыв возмущения новгородцев. Был убит посадник Михалко, ставленник великого князя. Восставшим, видимо, сочувствовал и новгородский наместник князь Василий, сын Александра Невского; при приближении великокняжеских полков он бежал в Псков. В этой обстановке послы ордынские могли приехать в Новгород только в сопровождении самого великого князя и его дружины. Это было похоже на настоящий военный поход, в котором приняли участие многие русские князья. По свидетельству Никоновской летописи, «поехаша численици Ардинскиа, и князь велики Александр Ярославичь Владимерский, и Андрей Ярославичь Суздалский, и князь Борис Василковичь Ростовский счести Новгородцкиа земли». Начались расправы и казни новгородских «мятежников», но сломить сопротивление непокорного города так и не удалось. По словам новгородского летописца, «почаши просити послы десятины, тамгы, и не яшася новгородьци по то, даша дары цесареви и отпустиша я с миром». Новгородские подарки хану и отпуск ордынских послов «с миром» не меняют сущности дела: перепись в Новгороде в 1257 г. провести не удалось.

Только через год под угрозой карательного похода («аже не иметеся по число, то уже полкы на Низовьской земли»), новгородцы, наконец, согласились принять «численников» для переписи. В 1259 г. в Новгород поехали ордынские послы Беркай и Касачик «и инех много»; их снова сопровождал великий князь с дружиной. Но опять «бысть мятеж велик в Новегороде», ордынские послы жаловались великому князю, что «избьють нас», и «повеле князь стережи их сыну посадничю и всем детем боярьским по ночем». Как и в прошлый раз,

против ордынцев активно выступили городская чернь, народные низы. «Чернь не хотеша дати числа,—отмечал летописец,— но реша: умрем честно за святую Софью и за домы ангельскыя». Наоборот, новгородское боярство склонялось к признанию дани, и в городе «бысть мятежь велик», «издвоишася люди», «болшии веляху меншим ятися по число, а они не хотеху». С большим трудом при поддержке великого князя, «перемогоша бояре чернь, и яшася под число», «почаша ездити оканьянии по улицам пишюче домы... и отъехаша оканьнии, взямше число»[3].

Упорная борьба «менших» людей Новгорода не прошла бесследно. Они добились существенных уступок от ордынских послов. В великом северном городе никогда не было ни представителей хана — баскаков, ни откупщиков ордынской дани — «бесерменов», и Новгород самостоятельно собирал «ордынский выход».

Следующее крупное антиордынское народное выступление связано именно со злоупотреблениями «бесерменов», которые находились во многих русских городах для сбора дани. Это была целая серия городских восстаний, о которых Лаврентьевская летопись (под 1262 г.) сообщала так: «избави бог от лютого томленья бесурьменьскаго люди Ростовьския земля, вложи ярость в сердца крестьяном, не терпяще насилья поганых, изволиша вечь и выгнаша из городов из Ростова, из Володимеря, ис Суждаля, из Ярославля, откупахуть бо ти оканьнии бесурмене дани, и от того велику погубу людем творяхуть». Суздальский летописец добавлял: «изгнаша поганых *от всех градов* (курсив мой.— *В. К.*)»[4]. Никоновская летопись утверждала даже, что выступление носило организованный характер[5]. Правда, учитывая политику великого князя по отношению к Орде в то время, сомнительным представляется мнение некоторых историков о его непосредственном участии в подготовке восстаний в русских городах. Судя по летописным известиям, ведущая роль в событиях принадлежала самим горожанам, которые выступили «вечем».

Серия городских восстаний 1262 г. имела важные последствия. Народные выступления привели к изгнанию сборщиков дани, присылаемых непосредственно из Орды. Постепенно сбор «ордынского выхода» начал переходить к русским князьям, что увеличивало самостоятельность Руси.

Следующая серия городских восстаний привела к

изгнанию из русских княжеств ханских баскаков. В первые десятилетия ордынского ига баскаки играли важную роль в организации властвования Золотой Орды над Русью. Напомним: Русь не входила непосредственно в состав Золотой Орды, не была простым ордынским улусом. В русских княжествах сохранялась своя военно-административная организация, русские князья правили от имени верховной власти хана, получая из его рук «ярлыки» на свои княжения, но правили самостоятельно. Повседневный контроль за их деятельностью и осуществляли ханские представители — баскаки (дословный перевод с тюркского — «давители»).

Баскаки не были «наместниками» хана в покоренных землях: для этого они не имели ни военной силы, ни своей администрации. Но по «доносам» баскаков хан посылал на непокорного князя карательное войско или вызывал его на расправу в Орду. Итальянец Плано Карпини, побывавший в середине XIII в. в Монгольской империи, достаточно определенно очерчивает круг обязанностей баскаков в тех землях, куда завоеватели позволили вернуться прежним правителям, сохранив за ними их владения: «как вождям, так и другим подобает повиноваться их мановению, и если люди какого-нибудь города или земли не делают того, что они (баскаки.— *В. К.*) захотят, то эти башафы возражают им, что они неверны...» [6] Для усмирения непокорных баскаки вызывали отряды ордынцев, которые внезапно обрушивались на жителей и истребляли их. Русские летописцы представляли баскаков как доносчиков хана, которые посылали «клеветы» в Орду и «наводили» на русские земли ордынские «рати». За вторую половину XIII в. ордынцы 14 раз вторгались в пределы русских княжеств, а «Дюденева рать» 1293 г. по своим масштабам напоминала «Батыево нашествие». Занозами сидели баскаки при княжеских дворах, и под их бдительным присмотром трудно было надеяться собрать силы для борьбы против завоевателей. Ликвидация системы баскачества облегчила бы подготовку к свержению иноземного ига, ослабила бы власть хана над Русью. Но баскаки находились под защитой грозного «царева гнева» [7].

То, на что не решились князья, сделали безвестные горожане — «вечники». Первыми восстали «вечники» древнего русского города Ростова. Ростовские князья поддерживали особенно тесные связи с Ордой. По сви-

детельству летописца, в 1289 г. много было ордынцев в Ростове, «и изгнаша их вечьем, и ограбиша их». В 1320 г. снова «собравшеся людие, изгониша их из града»[8].

В 1327 г. произошло большое антиордынское восстание в Твери, куда пришел с отрядом ордынской конницы «посол силен зело царевичь Щелкан Дюденевичь изо Орды, от царя Азбяка». В ответ на насилия и грабежи приезжих ордынцев в Твери поднялось восстание, бой на улицах продолжался до захода солнца, «и побежа Щелкан Дюденевичь на сени, и зажгоша под ним сени и двор весь... и ту сгоре Щелкан и с прочими... А гостей ординских старых и новопришедших, иже с Щелканом Дюденевичем пришли, аще и не бишася, но всех изсекоша, а иных истопиша, а иных в костры дров складше сожгоша»[9].

Городские восстания конца XIII — первой четверти XIV в. привели к ликвидации баскачества на Руси; под давлением антиордынских выступлений русских «вечников» хан пошел на серьезную уступку, которая объективно ослабляла его власть над Русью[10]. Таким образом, именно выступления народных масс открыли национально-освободительную борьбу Руси против завоевателей, смели с русской земли «бесерменов» и баскаков.

К тому же времени относятся выступления против ханской власти отдельных русских князей. Старший сын Александра Невского великий князь владимирский Дмитрий Александрович открыто воспротивился решению хана передать ярлык на великое княжение своему брату Андрею Александровичу. Для того чтобы принудить его к повиновению, хану пришлось посылать на Русь в 1281 г. большое карательное войско. Андрей сел на великокняжеский «стол», но ненадолго. Уже в следующем году он доносил в Орду, что Дмитрий «тебе, царю, повиноваться не хочет, и даней твоих тебе платить не хочет», и снова просил о помощи.

В 1282 г. хан послал на Русь «рать многую, Турантемира и Алына». Дмитрий Александрович на этот раз уступил, но не прекратил борьбу за великое княжение, несмотря на явное противодействие ордынского хана. А в 1285 г. он сам нанес ордынцам серьезный удар. По словам летописца, «того же лета князь Андрей Александровичь Городецкий приведе царевичя изо Орды на старейшаго своего брата, великого князя Дмитреа Александровича».

На этот раз Дмитрий не стал «отъезжать» от опасности на север, а выступил сам навстречу «царевичу», который по ордынскому обычаю «распустил облавой» свое войско для ограбления русских земель (и жестоко поплатился за недооценку противника): «князь же Дмитрей Александровичь собрався со многою ратью и иде на них, и побеже царевичь во Орду» [11].

В исторической литературе установилось мнение, что первую победу в полевом сражении русские одержали над ордынцами лишь в 1378 г. на р. Воже. В действительности же победа «в поле» была вырвана полками старшего «Александровича» — великого князя Дмитрия — почти на сто лет раньше. Удивительно живучими оказываются для нас порой традиционные оценки.

Ощутимые удары по ордынцам наносили и другие русские князья, не останавливаясь перед открытым вооруженным сопротивлением. В 1300 г. князь Даниил Московский разгромил под Переяславлем-Рязанским сильный ордынский отряд, пришедший на помощь местному князю. В 1310 г. под стенами своего города сражался с ордынцами князь Святослав Брянский. А в 1315 г. с завоевателями, которые пришли из Орды под Торжок, билось новгородское войско.

Тверской князь Михаил преградил в 1317 г. путь в свое княжество ордынскому войску полководца Кавгадыя. Как повествует тверской летописец, «великий же князь Михайло съвокупися, и мужи тверичи и кашинци поидоша противу Юрию» (вместе с которым пришли ордынцы), «и ступишася обои, и бысть сеча велика», и «Кавгадый повеле дружине своей стяги поврещи, а сам поиде не люба а в стани», «неволею сам побежал» [12]. Неоднократно вступал в бои и князь Константин Суздальский и Нижегородский. Летописец отметил, что он «княжил лет 15, честно и грозно боронил свою отчину».

Однако эпизодические выступления князей против ордынских ратей и отдельные частные успехи не могли серьезно ослабить Орду. Для свержения ига была необходима общерусская борьба с завоевателями. Но на Руси еще не было центра, вокруг которого могли бы сплотиться для решительного боя с Ордой русские силы.

Такой центр начинает складываться только с возвышением Москвы. Начальный период истории Московского княжества почему-то не привлекал внимания историков. Вероятно, прав был академик М. Н. Тихомиров, когда

писал, что «в глазах позднейшего потомства имя Калиты вытеснило имена его предшественников и наследников, и только Дмитрий Донской оставил по себе такой же памятный след в родословцах» [13]. Не привлекала внимания историков и личность первого московского князя Даниила, младшего «Александровича». Между тем известные нам факты позволяют оценить время княжения Даниила Александровича вообще в отечественной истории, а в частности в возвышении Москвы.

Выделение Москвы из состава Великого княжества Владимирского относится к началу великого княжения Дмитрия Александровича, старшего сына Александра Невского. Став в 1276 г. великим князем, Дмитрий Александрович пробовал продолжать политику своего отца, направленную на усиление великокняжеской власти, и сразу встретил сопротивление других князей, особенно ростовских, углицких, ярославских. Чтобы усилить свои позиции, он выделил самостоятельные уделы своим младшим братьям. Андрей получил Городецкое княжество, а Даниил — Московское.

Дата образования Московского княжества, впервые названная А. В. Экземплярским, автором капитального труда о великих и удельных князьях Северо-Восточной Руси (1276), признана советскими историками [14].

О первом московском князе Данииле Александровиче (1276—1303) известно немного — он не пользовался особым вниманием летописцев. Даниил родился в 1261 г., за два года до смерти своего отца Александра Невского, его мать Васса вскоре умерла. По мнению А. В. Экземплярского, Даниил находился под опекой своего дяди Ярослава Тверского, а после его смерти, в великое княжение своего старшего брата Дмитрия, получил самостоятельный удел. Неизвестно даже имя жены Даниила, от которой он имел несколько сыновей: Юрия, Александра, Бориса, Афанасия, Ивана [15].

Первоначально территория Московского княжества была небольшой. Она включала земли по среднему течению Москвы-реки с ее левыми притоками: Рузой, Озерной, Истрой, Всходней, Яузой, Пехоркой, и с правыми притоками: Сетункой, Пахрой, а также верхнее течение р. Клязьмы с притоками Учей, Ворей, Шерной, Вохонкой и Дрезной. Верхнее течение Москвы-реки с городом Можайском принадлежало смоленским князьям, нижнее с городом Коломной — рязанским; рязанские владения

доходили на север примерно до р. Гжелки. Московское княжество протянулось с востока на запад на 150—200 километров, с севера на юг — на 100—120 километров. В нем было всего три укрепленных города: Москва, Звенигород и Радонеж. С этого небольшого клочка земли, затерянной среди лесов, началась Россия.

В первой четверти XIII в. Москва занимала Боровицкий холм, на котором стоял деревянный Кремль, часть Китайгородского холма и Подола — низины между Боровицким холмом и Москвой-рекой. Основная часть городского посада располагалась на этих возвышенностях и лишь в двух местах языками спускалась к Москве-реке: на Подоле и между Кремлем и болотистым Васильевским лугом, где были торговые пристани. «Великий посад», простиравшийся примерно до Богоявленского монастыря, был опоясан рвом. За р. Неглинной и на другом берегу Москвы-реки, где расстилался «луг великий», поселений еще не было. В окрестностях были «села красные, хорошие» и монастыри. Обычный, ничем не выделявшийся из ряда других северорусский город, столица небольшого удела, каких много было на Руси.

Летописцы ничего не сообщают о первых годах княжения Даниила Московского. Создается впечатление, что московский князь старался избежать участия в междоусобной борьбе. Он не упоминается в летописях в связи с событиями феодальных войн, не участвует в неоднократных походах великого князя Дмитрия на Новгород. Нет его имени и в списках князей, периодически ездивших в Орду, «ко царю». Даниил Московский остался в стороне и от ожесточенной борьбы за великое княжение, разгоревшейся между старшими «Александровичами» — великим князем Дмитрием и князем Андреем Городецким. Поэтому ордынские рати 1281 и 1282 гг., которые Андрей «наводил» на своего старшего брата, миновали Москву. Значительная часть Северо-Восточной Руси, от берегов Клязьмы и чуть ли не до Торжка, подверглась ордынскому разорению, а Московское княжество уцелело.

В этих событиях прослеживается основная политическая линия Даниила Московского: не вмешиваться в усобицы, поддерживать мирные отношения и с великим князем, и с его соперниками, накапливать силы и заботиться прежде всего о собственном княжестве. Впрочем, когда самой Москве угрожала опасность, Даниил действовал достаточно смело и решительно. Так, в 1282 г.,

когда великий князь Дмитрий предъявил какие-то требования северо-западным русским князьям и Великому Новгороду, Даниил немедленно взялся за оружие. По свидетельству летописца, «князь велики Тферьскы Святослав Ярославич с Тферичи, и князь Данило Александрович с Москвичи, и Новогородци поидоша ратью на великого князя Дмитрия Александровича к Переяславлю» [16]. Великому князю пришлось уступить.

Очень важным для Московского княжества, для роста его авторитета и политического влияния был 1285 год. Москва впервые выступила активным участником вооруженной борьбы с внешними врагами. По сообщению летописца, тогда «воевали Литва Тферьскаго владыки волость Олешню, и совкупившеся Тферичи, Москвичи, Волочане, Новоторьци, Зубчане, Рожевичи, и шедше биша Литву на лес в канун Спасову дни, и великого князя их Домонта убиша, а иных изъимаша, а овых избиша, полон весь отъяша, а инии розбежашася» [17]. Первый выход Москвы на «международную арену» закончился, таким образом, блестящей победой. В том же году московские полки с Даниилом Александровичем участвовали в разгроме ордынского «царевича». Летописную запись о том, что великий князь Дмитрий, «съчтася с братьею, царевича прогна», известный советский историк А. Н. Насонов расшифровывал следующим образом: вместе с великим князем против «царевича» сражались князья Даниил Московский и Михаил Тверской [18]. В 1288 г. московские полки в составе великокняжеского войска участвовали в походе на Новгород. Как покажут дальнейшие события, сближение с великим князем Дмитрием обернется серьезными неприятностями для Даниила.

Первые два десятилетия княжения Даниила Московского, небогатые внешними событиями, сыграли важную роль в возвышении Москвы. Объективные процессы, проходившие в Северо-Восточной Руси, предопределили изменения в соотношении сил русских феодальных княжеств и выдвинули молодое Московское княжество на первый план.

Именно в последней четверти XIII в. отчетливо выявились все выгоды географического положения Москвы в центре русских земель. Московское княжество меньше, чем другие, страдало от внешних врагов. От Литвы его защищала территория Тверского княжества, а от ордын-

ских ратей — леса и территории Рязанского, Переяславского, Владимирского и других княжеств. Приток населения из районов, постоянно разоряемых ордынцами, наблюдался и раньше, но в последней четверти XIII в., когда ордынские вторжения стали регулярными (вспомним 14 ордынских ратей за какие-нибудь 20 лет), бегство населения на северо-запад Руси, к Москве и Твери, стало массовым. Московские земли и раньше были районом развитых для того времени земледелия и промыслов. Теперь же в связи с постоянным притоком населения экономический потенциал княжества быстро возрастал. Вокруг Москвы появлялись новые деревни и села, умножались посадские дворы в городах. Избавленная почти на двадцать лет от опустошительных ордынских ратей и почти не принимавшая участия в феодальных войнах, Москва постепенно накапливала силы, создавала материальные и людские ресурсы для будущей борьбы за ведущую роль на Руси.

Возвышению Москвы способствовали важные речные и сухопутные торговые пути, которые делали Московское княжество центром торговых и иных связей между русскими землями, обогащали княжескую казну. Вокруг Москвы складывалось этническое ядро, из которого выросла великорусская (русская) народность.

Все эти подспудные, малозаметные со стороны процессы подготавливали новую расстановку сил на северо-востоке Руси: центр политической жизни постепенно перемещался с берегов Клязьмы на Москву-реку. Однако, прежде чем это произошло, Московское княжество ждали серьезные испытания.

В 1293 г. князь Андрей Городецкий снова «навел» на своего старшего брата великого князя Дмитрия Александровича «Дюденеву рать». На этот раз разгрому подверглось и Московское княжество. Андрей захватил великое княжение (Дмитрий Александрович в следующем году умер); ростовская группировка князей, возглавляемая им, восторжествовала. Даниил Московский, лишенный теперь поддержки старшего брата, оказался в опасности.

В середине 90-х годов начинает складываться союз трех княжеств — Московского, Тверского и Переяславского, которым правил единственный сын и наследник Дмитрия Александровича князь Иван. Они единым фронтом выступили против притязаний великого князя Анд-

рея Александровича, когда тот попробовал захватить Переяславль. По свидетельству летописца, «князь Андреи Александрович собра рати многы и въсхоте ити на Переяславль», но «князь же Данило Московъскы и брат его князь Михаило Тверьски собраша противу многы же рати и шед сташа близ Юрьева на полчищи, и не даша ити князю Андрею к Переяславлю» [19]. Великий князь вынужден был отступить.

Значение этих событий далеко выходило за пределы спора из-за Переяславля. Фактически Москва отстаивала свою самостоятельность, свою независимую от великого князя политическую линию. Поражение великого князя Андрея в споре с Москвой и Тверью подорвало его авторитет, развязало руки Даниилу Московскому. Создавались условия для расширения территории Московского княжества: великий князь уже не имел возможности воспрепятствовать этому. Москва переходила к активной, наступательной политике.

Первый удар был нанесен рязанскому князю, который владел землями в нижнем течении Москвы-реки. Летописец записал под 1300 г.: «тое же осени князь Данила Московски ходи на Рязань ратию и бися у города у Переяславля (Рязанского) и одоле князь Данило и много татар изби, а князя Константина Рязанского изнимав приведе на Москву» [20]. Результаты своего победоносного похода Даниилу удалось закрепить на состоявшемся в том же году княжеском съезде, хотя там «о княженьях и бысть млъва велиа». А отвоеванные у рязанского князя земли были весьма значительными. Речь шла не только о Коломне, как обычно характеризуется «примысел» Даниила Московского в исторической литературе, а о всех рязанских владениях севернее Оки — от Коломны до Серпухова. По подсчетам М. К. Любавского, это «увеличило и территорию, и количество населения Московского княжества если не вдвое, то, по крайней мере, на 2/3» [21].

Следующим крупным успехом Даниила было присоединение обширного и богатого Переяславского княжества. Бездетный Иван Переяславский перед смертью завещал свою «отчину» Даниилу, и тот сразу же, в 1302 г., «посла наместники своя на Переяславль, а княж же Андреяви наместницы избежаша». Это был смелый шаг, потому что по обычаю «выморочные» княжения переходили к великому князю, и присоединение к Москве «отчины» кня-

зя Ивана неизбежно должно было встретить сопротивление великого князя Андрея. К тому же Андрей имел преимущественное право на Переяславль не только как великий князь, но и как старший «Александрович». Не могло не вызвать противодействия такому расширению территории Московского княжества и соперничество Твери. Но Даниил решился на этот шаг и выиграл. Знаменитые плодородные переяславские «ополья», бортные леса, соляные варницы и рыбные ловли на Плещеевом озере, славившиеся по всей Руси, обогатили московского князя. Присоединение Переяславского княжества имело большое военно-стратегическое значение: владения московского князя теперь непосредственно примыкали к территории Владимирского княжества. М. Н. Тихомиров высказывал предположение, что одновременно с Переяславлем к Москве отошел и город Дмитров [22].

Несомненно, именно Даниилом Александровичем была проведена политическая и военная подготовка к присоединению Можайска. В Московском летописном своде под 1303 г. записаны рядом два известия: «Марта в 4 (день.— *В. К.*) преставись князь Данило Александровичь Московъскии... Тое же весны князь Юрьи Даниловичь з братиею своею ходи ко Можайску, и Можаиски князь, а князь Святославь, изнима и приведе его на Москву» [23]. В результате этого похода к Москве отошли земли в бассейнах верхней части Москвы-реки и ее притоков: Иночи, Исконы, Колочи, верхней Протвы, Гжати с притоками, верхней и средней Вори.

«Примыслы» Даниила Александровича не только увеличили территорию Московского княжества по меньшей мере втрое, но и раздвинули ее до естественных границ: на юге — до р. Оки, на западе — до лесных массивов на водоразделе Волги и Днепра. Владение «младшего Александровича» превратилось в одно из самых обширных и сильных княжеств Северо-Восточной Руси и, как показали дальнейшие события, уже могло претендовать на ведущую роль в политических делах страны. Преемник Даниила — московский князь Юрий Данилович (1303—1325) — открыто вступил в борьбу за великокняжеский ярлык. Именно при Данииле сформировалась основная государственная территория Московского княжества, был создан материальный фундамент, на котором его преемники начали строить хрупкое здание главенства над Русью. В этом — главный итог княжения Даниила

Московского, сына Александра Невского, правнука Всеволода Большое Гнездо.

Соперницей Москвы в борьбе за великокняжеский ярлык выступала Тверь. При Юрии Даниловиче соперничество между Москвой и Тверью проходило с переменным успехом. Л. В. Черепнин, автор капитального исследования по истории образования Русского централизованного государства, так оценивал результаты этой борьбы: «из длительной феодальной войны между Московским и Тверским княжествами, ведшейся в первой четверти XIV в., первое вышло значительно окрепшим. Москва еще не стала центром государственного объединения земель Северо-Восточной Руси и ее национально-освободительной борьбы. Но ее политическая роль значительно возросла» [24].

Перелом наступил в княжение следующего московского князя Ивана Даниловича Калиты (1325—1340). После восстания 1327 г. в Твери все княжество было разорено карательным ордынским походом и позиции тверского князя в споре за великокняжеский ярлык оказались ослабленными. Московский князь Иван Данилович Калита получил великое княжество Владимирское и больше уже не выпускал его из рук.

Иван Калита активно проводил политику подчинения Москве других земель и княжеств. В зависимость от Москвы попали ростовские князья, а в самом Ростове обосновался московский наместник. Л. В. Черепнин считает также, что «при Калите были установлены какие-то формы зависимости от московского князя Галича, Белоозера и Углича». Во всяком случае Дмитрий Донской называл эти города «куплями деда своего». Иван Калита широко практиковал приобретение земель в чужих княжествах, поощрял земельные владения своих бояр за пределами Московского княжества. Влияние московского князя в соседних землях неуклонно росло.

Однако и при Иване Калите Москва еще не превратилась в центр национально-освободительной борьбы русского народа против ордынского ига. Наоборот, Калита старался поддерживать мирные отношения с ханом, «откупаться» от него увеличенными данями и выражением покорности, старался обеспечить себе покровительство хана и пользоваться ордынцами для решения своих политических задач. Указывая на результаты «если не покровительства, то во всяком случае признания ордынского

хана», Л. В. Черепнин писал: «Калита использовал его для укрепления на Руси своей власти, которую в дальнейшем московские князья употребили против Орды». «Тишина великая», наступившая в связи с временным прекращением ордынских набегов, объективно способствовала общему подъему экономики страны [25].

Сыновья Ивана Калиты — московские князья Семен Гордый и Иван Красный — продолжали политический курс на возвышение Москвы и политическое объединение Руси под ее главенством. Однако действовать им пришлось в более сложных исторических условиях. Быстрое усиление Москвы стало вызывать беспокойство в Орде, оно противоречило самим основам ордынской политики на Руси: не давать ни одному князю чрезмерно усиливаться, поддерживать слабых князей против сильных, не допускать образования центра освободительной борьбы. Ханы содействовали укреплению самостоятельности других великих княжеств: Суздальско-Нижегородского, Тверского, Рязанского, явно стараясь противопоставить их Москве. Становилось ясным, что Орда не допустит политического объединения Руси, что политика централизации невозможна без свержения ордынского ига. Сама логика развития исторических событий вела к превращению Москвы в центр национально-освободительной борьбы русского народа. Знамя общерусской освободительной войны против ордынцев поднял впервые внук Ивана Калиты князь Дмитрий Иванович Донской (1359—1389). Это он привел общерусское войско на Куликовское поле, но путь к «полю Куликову» был длинным и трудным.

Глава 3

РУСЬ ОБЪЕДИНЯЕТСЯ, РУСЬ ГОТОВИТСЯ

Московскому князю Дмитрию Ивановичу, будущему Донскому, пришлось отстаивать свое право на великое княжение в упорной борьбе сначала с суздальско-нижегородским, а затем с тверским князем; причем оба они пользовались поддержкой хана, а тверской князь — еще и поддержкой Литвы [1]. Московский князь умело исполь-

зовал «замятню», очередную вспышку междоусобной войны за власть в Орде, и поочередно принудил своих основных соперников к повиновению. Но это отнюдь не означало, что опасность со стороны Орды в первые десятилетия княжения Дмитрия Ивановича ослабла. Наоборот, «замятня» все чаще и чаще выплескивала отдельные орды, которые пробовали вторгаться в пределы русских земель. Пограничные русские княжества подвергались разорению, и Москве неоднократно приходилось принимать меры к обороне южной границы. Особенно участились ордынские походы во второй половине 60-х — 70-х годов. Больше всего от них страдали Рязанское и Нижегородское княжества.

В 1365 г. в рязанские земли «приходил ратию» ордынский князь Тагай «и взя город Переславль и пожже». Однако князья Олег Рязанский и Владимир Пронский «собра воя многа и угониша его, и бысть сеча зла, и победи их князь Олег». В 1367 г. князь ордынский Булат-Темир пробовал вторгнуться в Нижегородское княжество, но был встречен русскими полками на р. Пьяне и поспешно отступил; летописец отмечал, что при преследовании Булат-Темира русские воины многих врагов «остаточных избиша». А в 1370 г. князь Дмитрий Константинович Нижегородский сам ходил с войском «на Болгары», столицу улуса Булат-Темира. В 1373 г. ордынцы снова появились в Рязанской земле. Опасность, видимо, угрожала и Московскому княжеству, потому что князь Дмитрий Иванович с полками «стоял все лето у Оки на брезе». В 1374 г. в Нижнем Новгороде вспыхнуло антиордынское восстание, во время которого были убиты ханские послы и полторы тысячи сопровождавших их ордынцев. В 1376 г. объединенное московско-нижегородское войско организовало второй большой поход «на Болгары». Под стенами города ордынцам нанесли поражение, мир был подписан «по всей воле» московского князя. Болгары уплатили огромную по тем временам контрибуцию (до 5000 рублей!), в городе остались русские «даруга» — наместник и таможенник. В ответ Орда резко активизировала враждебные действия против Нижегородского княжества.

В 1377 г. на Нижний Новгород двинулся ордынский царевич Арапша (Араб-шах). Узнав об этом, Дмитрий Иванович направил на помощь нижегородскому князю свои полки. Объединенное московско-нижегородское вой-

ско во главе с князем Иваном, сыном Дмитрия Константиновича Нижегородского, вышло к р. Пьяне навстречу ордынцам. Но русские воеводы, «оплошашася», не приняли необходимых мер к предупреждению неожиданного нападения ордынцев («небрежением хожаху»), и Арапше удалось разгромить русское войско на берегах р. Пьяны. Погибло «бояр и слуг и народа бесщислено», а ордынцы напали 5 августа на Нижний Новгород. Князь Дмитрий Константинович бежал в Суздаль, оставив свою столицу на произвол судьбы. Часть нижегородцев спаслась, отплыв на судах вверх по Волге к Городцу, а остальные были перебиты или взяты в плен, город сожжен дотла. Одновременно другая ордынская «рать» напала на Переяславль-Рязанский и разрушила его; князь Олег едва успел бежать, «изстрелян». А царевич Арапша совершил набег на Засурье, которое «пограбил» и «огнем пожег».

В 1378 г. ордынцы снова подошли к Нижнему Новгороду. Город еще не успел оправиться от прошлого разорения, князя там не было, и «гражане град повергъше, побегоша за Волгу». Ордынцы ворвались в беззащитный город. Им предложили «окуп», но они не согласились принять его, снова подожгли город и «повоевали» весь уезд. А тем временем царевич Арапша по всей Волге «избил гостей русских много», а затем совершил набег на Рязань. Это были карательные походы, которыми ордынцы хотели ослабить крепнувшую Русь.

Усиление ордынского военного давления было связано с временным прекращением «замятни» в Орде. Власть захватил темник Мамай, который сумел объединить бо́льшую часть прежней территории Золотой Орды. В 1378 г. он послал большое войско под командованием Бегича и нескольких других мурз на Русь. Бегич шел через рязанские земли, но целью похода была Москва. По свидетельству летописца, «ординскии погании князь Мамаи посла Бегича ратью на великого князя Дмитрея Ивановича, рати все совокупя ординские».

Великий князь Дмитрий Иванович решил не просто отразить вторжение, но и нанести врагу решительное поражение. Только победа «в поле» могла заставить друзей и врагов Москвы забыть о позорном поражении на р. Пьяне в прошлом году. Русские полки под командованием самого великого князя форсировали р. Оку и пошли по Рязанской земле навстречу Бегичу. Раньше,

чем ордынцы, они успели подойти к р. Воже и приготовиться к бою. Бегич не решился переходить реку на виду у русского войска и, по словам летописца, «стоял много дней». Тогда Дмитрий Иванович сам решил отойти от реки, «отдать берег» ордынцам, чтобы вынудить их к «прямому бою». Бегич попался в расставленную западню. 11 августа его конница начала переправляться через Вожу и скапливаться на ее левом, русском берегу.

Атака русского войска была стремительной и неудержимой. «В лицо» неприятеля ударил «большой полк» под предводительством великого князя, а два других полка — окольничего Тимофея и князя Даниила Пронского — зашли с флангов. Вражеская конница в беспорядке откатывалась к р. Воже, а русские воины, настигая ордынцев, «бьючи их, секучи, и колючи, и убиваша их множество, а инии в реце истопоша»; погиб в сече и сам Бегич. Преследование разбитого врага продолжалось до темноты, в руки победителей попала богатая добыча. Остатки воинства Бегича «побежали к Орде». Ордынцы потерпели полное поражение.

Карательный поход Мамая в Рязанскую землю, задуманный им, чтобы отомстить за поражение, не изменил общей обстановки; разграбив Переяславль-Рязанский, ордынцы «возвратишася в страну свою», не осмелившись идти дальше на Москву. Власть их над Русью оказалась поколебленной. Чтобы восстановить ее, необходимо было организовать новый большой поход. Но возросшие силы Руси заставляли Мамая быть осторожным. Два года потребовалось правителю Золотой Орды, чтобы подготовиться к этому походу. Готовился и великий князь Дмитрий Иванович, укрепляя единство страны, собирая общерусское войско.

Военные историки (Е. А. Разин, А. А. Строков, А. Н. Кирпичников) считают княжение Дмитрия Ивановича временем значительных перемен в организации, тактике и вооружении русского войска. Если суммировать их наблюдения, эти перемены можно свести к следующим основным моментам.

Раньше вооруженные силы феодальной Руси состояли из отдельных полков удельных князей и отрядов бояр, вассалов великого князя, «городовых» и сельских ратей-ополчений, которые собирались вместе лишь для отражения вражеского нашествия. Постоянным ядром войска были «двор» великого князя, его собственные военные

слуги, дворяне и дети боярские, но они не составляли большинства. Феодальные же ополчения выступали во главе со своими князьями и боярами, под своими знаменами, плохо подчинялись единому командованию. Профессиональных воинов — военных слуг князей и бояр — насчитывалось сравнительно немного, а ополченцы были плохо вооружены, не имели необходимой воинской выучки.

При Дмитрии Ивановиче значительно увеличилось постоянное ядро русского войска — «двор». Увеличилось количество военных слуг великого князя, к ним присоединились отряды «служилых князей». В ходе освободительной борьбы против ордынского ига изменялся характер войска, постепенно нарушалась средневековая кастовость военной организации и в войско получали доступ демократические элементы, выходцы из народных низов. Об этом свидетельствует значительное возрастание роли пехоты, «пешцев», которые набирались из крестьян и горожан. Особенно важна была сильная пехота в сражениях с ордынской конницей: о глубокий и сомкнутый пехотный строй разбивались атаки ордынцев. Русское войско приобретало национальный характер. Это была вооруженная организация складывавшейся великорусской народности.

Значительно улучшилась организация войска, что выразилось как в едином командовании, так и в проведении общерусских мобилизаций в случае большой войны. На это обстоятельство специально обращал внимание академик Б. А. Рыбаков: «По всей вероятности, при Дмитрии Ивановиче впервые вводятся разрядные книги, подробные росписи полков и воевод, благодаря которым можно точно представить районы мобилизации и участников похода». Первая такая роспись относилась к 1375 г., вторая — к самой Куликовской битве, третья — к 1385 г. «В этой росписи перечислены уже не князья-вассалы, как десять лет назад, а, так сказать, военные округа, посылавшие свои рати»; «координация действий ратей, разбросанных на многие сотни верст, представляла значительные трудности, и осуществление ее свидетельствует о больших организационных и стратегических способностях князя Дмитрия Ивановича и его ближайших помощников» [2]. Успешное осуществление общерусской мобилизации военных сил явилось важнейшей предпосылкой победы в Куликовской битве.

Такая мобилизация предполагает существование определенной системы сбора войска, военно-административного аппарата. Мобилизационные мероприятия касались не только «военных слуг», но и широких слоев городского и сельского населения. Горожане составляли «городовые полки», крестьяне выделяли ратников с определенного числа дворов. Все военные силы были объединены под командованием великого князя.

Единство общерусского войска обеспечивалось также общностью политических целей: несмотря на классовые противоречия, неизбежные в феодальном обществе, антиордынскими настроениями были охвачены все слои населения от владетельного князя до простолюдина. Войне с Мамаем великий князь Дмитрий Иванович сумел придать общенародный характер.

Какое войско могла выставить тогда Русь при максимальной мобилизации? Другими словами, сколько воинов привел Дмитрий Иванович на Куликово поле?

Вопрос этот достаточно сложный. Летописные известия о численности русского войска крайне противоречивы и малодостоверны. Ермолинская, Львовская и некоторые другие летописи называли цифру «близ двухсот тысяч». В Московском летописном своде конца XV в. утверждалось, что «было всей силы и всех ратей числом с полтораста тысяч или с двести». Устюжский летописец говорил о 300 тысяч «рати». Никоновская летопись уточняла, что от 150 до 200 тысяч воинов было собрано Дмитрием Ивановичем в Коломне накануне похода к Дону, а затем численность войска будто бы увеличилась вдвое: «изочли больше четырех сот тысяч воинства конного и пешего» и т. д. Данные летописцев, несомненно, значительно завышены: 400-тысячной рати Русь выставить не могла.

Крайне противоречивы и мнения историков. А. А. Кирпичников определяет численность войска на Куликовом поле примерно в 36 тысяч человек. Ход его рассуждений весьма прост: известно, что на Куликовом поле было шесть «полков», а в XVI в. в «полку» было от 2000 до 6000 ратников (по XIV в. данных нет). Поэтому достаточно перемножить число полков на максимальную известную их численность, чтобы получить искомую цифру [3]. При всей кажущейся простоте и убедительности этих расчетов нужно помнить, что полк XVI столетия, являвшийся тактической единицей, несопоставим с «пол-

ком» времени Дмитрия Донского, когда «полк» являлся частью общерусской рати, объединявший для похода или сражения военные силы нескольких крупных городов и княжеств, и численность его могла быть очень значительной.

Военный историк Е. А. Разин определял численность войска Дмитрия Донского в 50—60 тысяч человек[4]. Он исходил из мобилизационных возможностей страны (в войско можно было привлечь не более 10—15% населения), возможности переправы за одну ночь через Дон по пяти мостам, площади удобной для битвы части Куликова поля. Но переправа через Дон могла проходить, кроме ночи, и весь день накануне. При расчете, сколько могло «вместить» Куликово поле воинов, Е. А. Разин предусматривал «наличие интервалов между тактическими и организационными полками», тогда как летописцы единодушно свидетельствовали о страшной «тесноте».

Другой военный историк, А. А. Строков, писал о 100-тысячном войске Дмитрия Донского[5]. М. Н. Тихомиров считал «близкой к истине» летописную «цифру в 100 или 150 тысяч воинов»[6]. Б. А. Рыбаков, как бы подводя итоги спорам, указывает, что, «по исчислениям историков», на Куликовом поле было 150 тысяч русских воинов и 300 тысяч ордынских[7]. Как бы то ни было, все историки без исключения признают, что великий князь Дмитрий Иванович собрал для битвы с Мамаем огромное по тем временам войско.

Значительные изменения произошли и в тактике русского войска. Оно делилось на полки, что облегчало управление во время боя, позволяло маневрировать силами, применять разнообразные построения, сосредоточивать на решающих направлениях ударные группировки.

Полками командовали лучшие, наиболее опытные воеводы, которые назначались великим князем; если даже во главе полка оставался удельный князь, то в помощь ему назначались великокняжеские воеводы. Полки имели единообразную организацию, делились на тысячи, сотни, десятки, воевали под своими стягами. Характерной особенностью русского военного искусства было управление боем. Это управление осуществлялось подъемом или опусканием стягов, сигналами труб, заранее спланированными действиями отдельных полков в различных боевых ситуациях. Все это было показано русскими военачальниками в Куликовской битве.

Военные историки единодушно указывают также на значительное повышение индивидуальной боевой выучки русских воинов. Русский воин времен Дмитрия Донского — это боец-универсал, одинаково хорошо владевший всеми видами наступательного и оборонительного оружия. Стирается грань между лучниками и копейщиками, в результате чего исчезают отдельные отряды лучников.

Улучшается и вооружение. Основным ударным оружием становятся единообразные, с узколистным наконечником, длинные копья «таранного» действия. Кроме них, применяются легкие и короткие копья-сулицы, которые можно использовать как метательное оружие и как оружие в ближнем бою. На вооружении «пешцев» были также массивные тяжелые рогатины с наконечниками лавролистной формы, боевые топоры, секиры-чеканы, боевые палицы.

Новым явилось и применение в русской коннице сабель. Длинные, тонкие, резко загнутые к концу клинки оказались очень удобны в схватках с легковооруженными ордынскими всадниками. Обычным оружием дальнего боя были в русском войске луки.

Значительно улучшилось и защитное вооружение русских воинов. Головы защищали плавно вытянутые и заостренные кверху шлемы — «шишаки», с металлическими «наушиями» и кольчужной сеткой-«бармицей», которая прикрывала шею. Появилась «дощаная защита», «чешуйчатая», «пластинчатая» или «наборная броня», в которой кольчуга комбинировалась с железными пластинами на груди, плечах. Такая броня была прочнее и надежнее в бою и сохраняла главные достоинства русского боевого доспеха — легкость и гибкость.

Длинные миндалевидные щиты, характерные для древнерусского войска, стали почти повсеместно заменяться маленькими круглыми щитами, которые прикрывали в основном лицо, плечи и грудь. Легкие и прочные щиты, предназначенные не только для защиты, но и для активного отражения ударов, были удобнее в бою. Появились и небольшие треугольные, сердцевидные и прямоугольные щиты, тоже удобные для рукопашного боя.

В целом русское войско было вооружено лучше, чем ордынская конница (особенно по защитному вооружению). Безвестные русские умельцы, ремесленники-оружейники, снарядили своих защитников надежным, удобным оружием.

Говоря о подготовке русских к сражению с Мамаем, нельзя не упомянуть и о сторожевой службе. Еще задолго до похода Мамая великий князь Дмитрий Иванович разработал систему прикрытия опасной границы. Эта система включала «сторожи крепкие», «заставы», гонцовскую службу, быстрое выдвижение к «берегу» * Оки, являвшейся тогда основным оборонительным рубежом Московского княжества.

«Сторожи» выходили далеко в степи на пути возможного движения ордынского войска. В летописных рассказах о Куликовской битве, например, упоминается о «муже неком, именем Фома Кацибей», который был «поставлен стражем от великого князя на реке на Чире» на «крепкой стороже от татар». Хорошо организованная сторожевая служба позволила Дмитрию Ивановичу перейти к стратегии активной обороны, встречать врага далеко за пределами русской земли.

Большое значение имело укрепление «берега» Оки. Кроме крепости в Коломне, была построена сильная крепость в Серпухове, возведен каменный кремль в Москве. Дмитрий Иванович мог смело выходить с полками «в поле»: и «рубеж» Московского княжества, и его столица были надежно защищены. Создание и вооружение общерусского войска, организация сторожевой службы, строительство крепостей потребовали огромных народных усилий. Все жертвы и затраты могли искупиться лишь одним — решительной победой над ордынцами. А война приближалась.

Готовился к войне и Мамай. Он сумел объединить для нашествия силы почти всей Золотой Орды и собрал огромное по тому времени войско. Не случайно академик М. Н. Тихомиров считал поход Мамая в 1380 г. крупнейшим военным предприятием, которое знала Восточная Европа в XIV столетии.

По свидетельствам летописцев, Мамай выступил в поход «со всеми князьями ордынским» и еще «многие орды присоединил к себе». Для похода были специально наняты сильные отряды наемников, которые должны были восполнить недостаток в ордынском войске пехоты. Среди них летописцы называли «бесерменов», «фрязов» (генуэзцев), «буртасов», «ясов» и др.

---

* Тогда этот оборонительный рубеж называли просто «берегом».

Одновременно Мамай договорился о совместных действиях против Руси с Литвой и Рязанью. Против великого княжества Дмитрия Ивановича сложилась, таким образом, целая коалиция. Над Русью нависла серьезная опасность.

Поход Мамая начался в июне или начале июля 1380 г. Ордынцы «перевезеся великую реку Волгу» и вышли к устью Воронежа. Здесь Мамай «стал со всеми силами, кочуя» и поджидая выступления великого князя литовского Ягайло; об их намерении соединиться «на берегу у Оки» сообщают летописцы. 23 июля 1380 г. в Москве была получена «весть» о походе Мамая. «Сторож крепкий» Андрей Попов, сын Семенов, прискакал в Москву и сообщил: «Идет на тебя, государь, царь Мамай со всеми силами ордынскими, а ныне он на реке на Воронеже» [8]. Немедленно во все столицы русских княжеств, в города и земли были разосланы грамоты: «да готовы будут». Местом сосредоточения основных сил русского войска была назначена Коломна, крепость близ устья Москвы-реки, на кратчайшей дороге от «берега» к столице.

Между тем, «из поля» приходили все новые и новые вести. «Сторожи» подтверждали, что «Мамай стоит на Воронеже, кочуя с многими силами», что «неложно Мамай грядет во многой силе». Наконец, московский посол Захарий Тютчев, посланный навстречу Мамаю, прислал «весть», что «Олег князь Рязанский и Ягайло князь Литовский приложились к царю Мамаю». А затем две «сторожи крепкие», которые были посланы с наказом «на Быстрой или на Тихой Сосне стеречи со всяким опасеньем, и под Орду ехати языка добывати», выполнили свою задачу, прислали «прямые вести» и захваченного «языка нарочитого царева двора». Стратегическая обстановка прояснилась. Мамай медлил, поджидая литовское войско, которое должно было соединиться с ним для совместного удара на Русь. Между тем в Москве уже собирались русские полки.

У великого князя Дмитрия Ивановича появились две возможности: оборонять всеми силами «традиционный» рубеж «берега» Оки или выступить «в поле» навстречу ордынцам. Оборонительная тактика в этом случае была стратегически невыгодной. Упустив инициативу, великому князю пришлось бы иметь дело с объединенными ордынско-литовскими силами. Наступательная операция позволяла разбить врагов поодиночке, но представлялась

сложной и опасной. Русское войско во время похода на Мамая могло подвергнуться фланговым ударам со стороны союзников орды — Литвы или Рязани.

Великий князь Дмитрий Иванович решился на активные наступательные действия. Так был задуман поход «к Дону-реке», который привел русское войско на Куликово поле.

Глава 4

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

Трудно назвать какое-либо другое событие отечественной истории, о котором написано больше, чем о Куликовской битве 1380 г. «Мамаеву побоищу» посвящены много научно-популярных работ [1], обширные разделы в обобщающих трудах гражданских [2] и военных историков [3], специальные статьи [4], целые главы в специальных монографических исследованиях по эпохе образования Российского государства [5]. Между тем немало вопросов, связанных с Куликовской битвой, еще не нашло однозначного решения даже в исторической литературе последних лет. Мы уже указывали на серьезные разногласия историков по вопросу о численности русского войска на Куликовом поле. Недостаточно ясными представляются и хронология похода, и его маршрут, и время перехода русского войска через Дон, и даже количество русских полков, пришедших на поле битвы (пять или шесть?).

Академик М. Н. Тихомиров объяснял такое положение особенностями источниковедческой базы. Он писал: «В истории русского народа „Донское побоище", как его называли современники, было великим событием. Сражение на Дону сделалось символом непобедимого стремления русского народа к независимости, и ни одна русская победа над иноземными врагами вплоть до Бородинского сражения 1812 г. не послужила темой для такого количества прозаических и поэтических произведений, как Куликовская битва. Первоначальные краткие рассказы ... позже обросли поэтическими вымыслами и литературными украшениями, и за их цветистой внешностью не всегда легко увидеть истину, даже представить себе с полной

ясностью настоящий ход событий, связанных с битвой 1380 г.»[6]

Представляется полезным дать общий очерк Куликовской битвы 1380 г. в том виде, в котором эти события оказалось возможным воссоздать при нынешнем состоянии разработанности вопроса.

Великий князь Дмитрий Иванович, непрерывно получая вести о медленном движении Мамая, перенес срок сбора русских полков в Коломне: обстановка позволяла хорошо подготовиться к отражению врага. По словам летописца, он «повелел всему воинству своему быть на Коломне на успенье», т. е. 15 августа. Здесь собирались военные силы соседних городов и земель, а остальное войско, прежде всего из северных и восточных городов, стягивалось к Москве.

«Многие люди приспешили», «сошлись многие от всех стран на Москву» — записано в летописях. По приказу великого князя в Москву пришли князья белозерские, и было «вельми доспешно и конно войско их»; князья кемский, каргопольский, андомские, ярославские, ростовский, серпейский, устюжские и другие. Это была, несомненно, общерусская мобилизация, и автор «Задонщины» Софоний Рязанец именно так и оценивал сбор полков в Москве: «На Москве кони ржут, звенит слава по всей земле Русской. Трубы трубят на Коломне, в бубны бьют в Серпухове, стоят стяги у Дона великого на берегу... Тогда как орлы слетелись со всей северной страны. Это не орлы слетелись, съехались все князья русские к великому князю Дмитрию Ивановичу...»[7].

Утром 20 августа русское войско по трем дорогам выступило из Москвы. Летописец добавляет: «того ради не пошли одною дорогою, что невозможно было им вместиться». Для обороны столицы был оставлен с войском воевода Ф. А. Кошка, а также великокняжеская семья.

24 августа великокняжеский «двор» подошел к Коломне. Князья и воеводы, уже находившиеся с полками под Коломной, встретили Дмитрия Ивановича на р. Северке. На следующее утро на «Девиче поле» был произведен смотр всего войска. «От начала мира не бывала такова сила русских князей!» — восклицает летописец. Тогда же Дмитрий Иванович «каждому полку воеводу поставил». Источники сохранили имена русских воевод, которые повели полки к Дону навстречу Мамаю. Это Иван Радионович Квашня, Михаил Бренк, Микула Васильевич, Тимо-

фей Волуевич, Иван Родионович, Андрей Серкизович, Федор Грунка, Лев Морозов и другие; многие из них погибли на «Мамаевом побоище», защищая родную землю.

Всего, по свидетельствам летописцев, в войске Дмитрия Ивановича было 23 князя, не считая многочисленных воевод. Вот список русских городов, откуда пришли рати на «Девиче поле» под Коломной: Псков, Брянск, Таруса, Кашин, Смоленск, Новосиль, Ростов, Стародуб, Ярославль, Оболенск, Молога, Кострома, Елец, Городец-Мещерский, Муром, Кемь, Каргополь, Андом, Устюг, Коломна, Владимир, Юрьев, Белоозеро, Переяславль-Залесский, Дмитров, Можайск, Серпухов, Звенигород, Боровск, Углич, Суздаль. Некоторые летописцы сообщали о прибытии военных отрядов из Великого Новгорода и Твери, но историки высказывали сомнения в достоверности этих известий. Кроме того, в походе принимали участие рати украинцев и белорусов. Известно, что на службу к Дмитрию Ивановичу пришел с Волыни воевода Боброк, а один из литовских князей «Олгердовичей» — Андрей — привел полоцкую рать. По подсчетам академика М. Н. Тихомирова, мобилизация для борьбы с Мамаем охватила от двух третей до половины всех возможных военных сил Руси. Это было объединенное общерусское войско, вооруженные силы складывавшейся великорусской (русской) народности. Войско являлось однородным по национальному составу, что обеспечивало внутренне единство и высокие боевые качества (важное преимущество перед разноязычным и разноплеменным воинством Мамая).

Общерусский характер войска подтверждается анализом его социального состава. Кроме княжеских и боярских дружин, под знаменами Дмитрия Ивановича собрались многочисленные городские и крестьянские рати. Летописцы подчеркивали, что великий князь собирал «всех людей», на битву вышла «вся сила русская», «сыны крестьянские от мала до велика». Особенно много «черных людей» было среди «пещцев». По свидетельству летописцев, к Дмитрию Ивановичу «пришло много пешего воинства, многие люди и купцы со всех земель и градов». Перечисляя героев битвы, автор «Сказания о Мамаевом побоище» упоминал и Юрка Сапожника, и Васюка Сухоборца, и Сеньку Быкова, и других «воев», уменьшительные имена и прозвища которых не вызывают сомнений в их простонародном происхождении.

Войско великого князя Дмитрия Ивановича перед Куликовской битвой было общерусским по территориальному охвату мобилизацией, и общенародным по составу: объединяло все социальные слои Руси. И в этом единении для решения великой национальной задачи — свержения ненавистного чужеземного ига — был залог будущей победы. На Куликовом поле победил русский народ, и величие Дмитрия Донского как полководца и государственного деятеля в первую очередь проявилось в том, что он сумел правильно понять и возглавить общенародное патриотическое движение.

По прямой от Коломны до Куликова поля было примерно 150 километров. Но великий князь Дмитрий Иванович выбрал другой путь, более длинный, но более выгодный. Он двинулся из Коломны на запад вдоль Оки к устью Лопасни. Видимо, при выборе пути русские военачальники учитывали и политические, и стратегические соображения.

Прямой путь на юг проходил по территории Рязанского княжества, а в Москве были получены сведения о «единачестве» Олега Рязанского и Мамая. Если это соответствовало действительности, то в Рязанском княжестве великокняжеские полки ждали бои и осады укрепленных городов, что привело бы к ненужным потерям. Если же рязанский князь еще не решил окончательно перейти на сторону Мамая, то вторжение московского войска он мог воспринять как враждебный шаг, как повод для открытого разрыва. Входить в пределы Рязанского княжества было неразумно.

Соображения стратегии диктовали прежде всего необходимость разъединить силы Мамая и его союзника, великого литовского князя Ягайло. Форсируя Оку возле Лопасни, Дмитрий Иванович как бы вклинивался между Мамаем, медленно приближавшимся со стороны Дона, и литовским войском, которое ожидалось со стороны р. Угры. Смелый бросок русского войска на юг разъединял основных противников, давал возможность разгромить их поодиночке. Дмитрий Иванович так и поступил.

После 60-километрового перехода от Коломны до Лопасни русские полки остановились лагерем, чтобы дождаться прихода из Москвы пешей рати. Вскоре сюда пришли «все вои остаточные» во главе с московским тысяцким Тимофеем Васильевичем Вельяминовым. Снова были «пересчитаны» и «устроены» полки. Однако «пеш-

цев» в русском войске все еще было мало, и Дмитрий Иванович поручил тысяцкому собирать дополнительные рати и самостоятельно вести их к Дону. По словам летописца, «была ему печаль, что мало пешей рати, и оставил у Лопасни великого своего воеводу Тимофея Васильевича тысяцкого, когда придут пешие рати или конные, чтобы проводил их».

В конце августа русские полки «начали возитися за Оку». Первым «перебродился с двором своим» князь Владимир Андреевич Серпуховский-Боровский, двоюродный брат великого князя, за ним — остальные полки. Обстановка была очень сложной. С запада на помощь Мамаю спешила литовская рать. Она уже подходила к Одоеву, от которого до Куликова поля было немногим больше 100 километров, а русским предстояло преодолеть не менее 125 километров под угрозой флангового удара. Нужно было спешить, и русское войско быстро пошло на юг.

Таких решительных действий не ожидали ни Ягайло, ни Олег Рязанский, ни сам Мамай. Дмитрий Иванович опередил всех своих противников, навязал им свою стратегическую инициативу. Враждебная Москве коалиция фактически распалась. По словам автора «Слова о Мамаевом побоище», «услышал князь Олег рязанский, что князь великий собрал большое войско и идет навстречу безбожному царю Мамаю ... и начал Олег рязанский остерегаться, переходить с места на место со своими единомысленниками, говоря: „Если бы нам было возможно послать весть о таком деле к (князю.— *В. К.*) литовскому, как он об этом думает, да нет у нас пути...“».

«Пути» у рязанского князя действительно не было: русские полки вклинились между Рязанью и Одоевым, где остановился Ягайло. И рязанский князь решил: «Ныне я так думаю, кому из них господь поможет, к тому и присоединюсь!». А Ягайло «пришел к граду Одоеву и услышал, что великий князь собрал многое множество воинов, всю Русь ... и пошел к Дону ... и убоялся Ягайло, и остался там, и не двинулся далее». Правда, спустя некоторое время Ягайло все-таки пробовал соединиться с Мамаем, но было уже поздно: к началу Куликовской битвы он не поспел. Всего 30—40 километров отделяли литовцев от Куликова поля, но эти немногие километры так и остались непройденными.

Еще с Оки великий князь Дмитрий Иванович «отпустил третью стражу избранных удальцов, чтобы встретились с татарскими сторожевыми в степи: Семена Мелика, да Игнатия Кренева, да Фому Тынину, да Петра Горского, да Карпа Олексина, Петрушу Чуракова и иных бывалых людей 90 человек»; Семену Мелику было приказано «своими очами увидеться» с ордынскими полками.

4—5 сентября русские полки пришли «на место, называемое Березуй, за тридцать три версты от Дона». Тульский историк профессор В. Н. Ашурков, много писавший о Куликовской битве, связывает летописный Березуй с селом Березово, Веневского района, Тульской области, что стоит на Епифанской дороге. В истории похода 1380 г. с Березуем связано многое. Сюда пришли на помощь Дмитрию Ивановичу литовские князья Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский. Здесь великий князь получил от своих сторожевых точные сведения о стане Мамая: «царь на Кузьмине гати стоит, но не спешит, ожидает Ягайло литовского и Олега рязанского», но все же «после трех дней будет он на Дону». За три оставшиеся дня русское войско должно было дойти до Дона, выбрать удобное место и приготовиться к сражению.

Осторожно, непрерывно «вести переимая» от сторожевых отрядов, русские полки двигались к Дону. Утром 6 сентября они остановились на донском берегу, неподалеку от устья Непрядвы. В. Н. Ашурков предполагает, что русский стан был разбит у впадения в Дон р. Себенки, близ современного села Себино. Только здесь основное войско, наконец, догнала «пешая рать» — тысяцкий Тимофей Вельяминов выполнил поручение великого князя и вовремя подоспел с пехотой. Своевременное соединение на берегу Дона «пешей рати» и остальных полков — большой успех русских воевод. Весь поход от Коломны до Дона протяженностью около 200 верст русские полки прошли за 11 дней (включая стоянки у Лопасни и на Березуе).

На берегу Дона великий князь Дмитрий получил «прямые вести» о наступлении Мамая. По словам летописца, «6 сентября прибежали семь сторожей в шесть часов дня, Семен Мелик с дружиною своею». За ним гналось много ордынцев, «мало его не догнали, столкнулись с полками нашими и возвратились вспять и сказали царю Мамаю, что русские, ополчившись, стоят у Дона... множество людей. И повелел (Мамай.— *В. К.*) своим воинам вооружаться».

Главные силы Мамая, по свидетельству летописца, находились всего в 8—9 километрах от устья Непрядвы, «на Гуснице на броде стоят». Утром следующего дня ордынцы уже могли быть на Куликовом поле. Противники сблизились вплотную.

В придонской деревне Чернова собрался военный совет. Летописцы, уделившие этому совету очень много внимания, выдвигали в качестве инициатора похода за Дон и самого великого князя, и коллективно «князей и воевод великих», и литовских князей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей, и воеводу Дмитрия Боброка-Волынца. Думаю, спор об «авторстве» наступательной тактики, к которому позднее присоединились и историки, не является принципиальным. Ясно, что решительные действия отражали настроения всего русского войска и, больше того, естественно вытекали из общего плана войны. Решительный поход навстречу Мамаю преследовал цель его разгрома, что можно было сделать только в прямом бою, в полевом сражении. Пассивно стоять на берегу Дона, прикрывшись от противника широкой и полноводной рекой, было бессмысленно и опасно. Инициатива в таком случае отдавалась Мамаю, литовский князь Ягайло получал время для соединения с ордынцами. Наконец, впереди, за Доном, было самое удобное место для сражения с Мамаем. Великий князь Дмитрий Иванович, как считают военные историки, специально двигался к Куликову полю, и переправа через Дон была просто одним из этапов этого целенаправленного движения.

Русские воеводы хорошо знали особенности военной тактики степняков. Ордынцы обычно начинали бой атаками конных лучников, которые связывали боем строй противника, а тем временем главные силы ордынской конницы совершали опасные обходные маневры, наносили удары с флангов и тыла. Особенности Куликова поля мешали Мамаю использовать сильные стороны ордынской конницы. Поле было с трех сторон ограждено реками: с запада и северо-запада — Непрядвой, с севера — самим Доном, с востока и северо-востока — р. Рыхоткой. Мамай имел возможность наступать только с юга, со стороны Красного холма, отлогой возвышенности посередине Куликова поля.

Само Куликово поле имело ширину примерно 8 километров, однако его ровная низинная часть, собственно поле боя, была значительно у́же. В восточной части поля

протекала р. Смолка, впадавшая в Дон, а за ней на возвышенности находилась Зеленая Дубрава; большие массы конницы здесь пройти не могли. С западной стороны Куликово поле ограничивали притоки Непрядвы — Верхний, Средний и Нижний Дубяки, тоже с лесистыми, глубокими долинами. Ширина удобного для боя места не превышала 4—5 километров, и русские полки могли прикрыть его сплошным глубоким строем. Сами условия местности вынуждали Мамая предпринимать фронтальное наступление, которого ордынцы не любили и в котором были слабее русских полков.

О времени переправы через Дон летописцы сообщали противоречивые сведения; нет единого мнения и в исторической литературе. Историки называли и 6 сентября, и 7 сентября, и ночь с 7 на 8 сентября, и даже утро непосредственно перед битвой. Наиболее вероятным представляется, что 6 сентября через Дон переправились только сторожевые отряды, которые потом вернулись к войску с «прямыми вестями» о неприятеле. Переправа же главных сил могла начаться утром 7 сентября. Только в этом случае полки успевали переправиться и изготовиться к сражению, которое, как известно, началось утром 8 сентября. К тому же, по свидетельству летописцев, утром был сильный туман. В тумане войско в 150 тысяч человек не успело бы занять свое место в боевом строю. В «Сказании о Мамаевом побоище» содержится прямое указание на то, что воеводы начали расставлять полки еще с вечера, а ночью сам великий князь выезжал на разведку в «поле» между русскими и золотоордынским станами.

Переправившись, великий князь приказал разрушить позади войска мосты: он хотел сражаться до конца. С военной точки зрения это было рискованным, но очень выгодным маневром. Широкая и полноводная река прикрывала теперь русское войско с тыла от возможного удара литовского войска, которое находилось всего в одном переходе от места сражения.

Прикрыв тыл своего войска рекой, Дмитрий Иванович применил новаторский для своего времени тактический маневр. Военные историки считают, что к признанию положительного значения реки в тылу войска западноевропейская теоретическая мысль пришла только спустя четыре столетия, в период «тридцатилетней войны» 1618—1648 гг.

Русское войско переправлялось через Дон в 1—2 километрах от устья р. Непрядвы, где-то близ современной деревни Татинка, Куркинского района, Тульской области. Полки великого князя Дмитрия «вышли в поле чисто в Ордынской земле на устье Непрядвы», совсем немного опередив Мамая. В ночь с 7 на 8 сентября ордынцы подошли к Красному холму, откуда до места переправы было всего 6—7 километров. Но они опоздали. Русские войска уже успели закончить без помех переправу и выйти первыми на Куликово поле. Они сосредоточивались и принимали боевой порядок за холмами, невидимые для ордынских «сторожей», чтобы утром спуститься в низину между долинами р. Смолки и Нижнего Дубяка. По свидетельству летописца, «начал князь великий с братом своим Владимиром Андреевичем и литовскими князьями до шестого часа полки уряжать» (что по современному счету времени примерно соответствует 10 часам вечера). «Расставлял» полки Дмитрий Боброк-Волынец, которого летописцы называли «нарочитым воеводой и полководцем и изрядным во всем». Построение полков, таким образом, было закончено вечером 7 сентября, до наступления темноты.

Русский строй был сомкнутым и глубоким, способным выдержать сильные лобовые атаки ордынской конницы. Великий князь Дмитрий выделил частный резерв, который стоял несколько позади и слева от главных сил, и сильный общий резерв — «засадный полк». Неожиданным для Мамая было выделение «сторожевого полка» как особой тактической единицы. «Сторожевой полк» не только выполнял функции боевого охранения: его задачи были шире. Выдвижение перед главными силами «сторожевого полка» держало на почтительном расстоянии от основного строя конных ордынских лучников. Они не могли, как всегда делали раньше, еще до битвы обстрелом нанести потери русским полкам, внести замешательство в их ряды. Из рук Мамая, таким образом, было выбито грозное ордынское оружие — «наезды» лучников, тысячи стрел, которые могли обрушиться на русских «пешцев».

Всего в русском строе было пять линий. Впереди встал «сторожевой полк» под командованием князей Семена Оболенского и Ивана Тарусского, за ним — передовой полк князей Дмитрия и Владимира Всеволожских. Он должен был принять на себя первый удар ордынской конницы, задержать и ослабить ее. Только после этого в

сражение вступали главные силы русского войска, плотно перекрывавшие все пространство между устьями Нижнего Дубяка и Смолки — большой полк, полки правой и левой руки. Командовали ими тысяцкий Тимофей Вельяминов, литовский князь Андрей Ольгердович и коломенский тысяцкий Микула Вельяминов, князья Василий Ярославский и Федор Моложский. Позади главных сил был оставлен сильный отряд другого Ольгердовича — князя Дмитрия, выполнявший роль частного резерва. Видимо, великий князь допускал прорыв ордынцами своего левого фланга и оставил силы, чтобы подкрепить главные силы. И, наконец, за левым флангом русского войска, в Зеленой Дубраве, прятался общий резерв — отборный засадный полк под командованием Андрея Владимировича Серпуховско-Боровского и лучшего воеводы Дмитрия Боброка-Волынца. Если Мамай прорвется по левому флангу, он должен был неминуемо подставить свой фланг и тыл под удар засадного полка. Местом засады выбрали возвышенность южнее современного села Монастырщина, Кимовского района, Тульской области, заросшую дубовым лесом. Это и была знаменитая Зеленая Дубрава.

Основной тактической идеей построения русских полков на Куликовом поле было вынудить ордынцев к невыгодной для них фронтальной атаке, сдержать натиск Мамая и неожиданным ударом засадного полка решить исход сражения. Победа ковалась Дмитрием Ивановичем еще до начала сражения. Различные источники дают свои «варианты» росписи князей и воевод по полкам, но в общей характеристике боевого построения они сходятся. Шестиполковое построение, которое было новинкой для того времени, обеспечивало более маневренное управление войсками во время сражения.

Не покидая своих мест в боевом строю, русские воины ждали рассвета. И оно пришло, утро Куликовской битвы. «Настал 8 день месяца сентября... На рассвете в пятницу, на восходе солнца, была мгла как дым. И начали знамена простираться... ратные трубы трубить. Уже русские кони оживились от трубного зова, каждый воин под своим знаменем. Радостно видеть стройные полки, расставленные крепким воеводой Дмитрием Боброком-Волынцем. Когда же настал седьмой час утра... начали с обеих сторон трубы трубить страшно... и сливались голоса трубные в единый голос, слышать страшно. Полки обеих сторон еще друг друга не видят, потому что утро мгли-

стое, как дым, но земля грозно стонет... Обширное поле Куликово перегибается, реки выступили из своих берегов, потому что никогда не было столько людей на том месте». Так описывает автор «Сказания о Мамаевом побоище» канун знаменитой битвы.

Великий князь Дмитрий Иванович в последний раз объехал полки, воодушевляя воинов «Ныне же, братья,— призывал он,— устремимся на битву, от мала до велика, победными венцами увенчаемся!» Затем переоделся в доспехи простого дружинника и поехал в первые ряды войска, чтобы собственноручно биться с ордынцами.

Туман постепенно редел. Вперед, в низину между истоками Нижнего Дубяка и Смолки, первым спустился «сторожевой полк». Он и столкнулся с ордынским авангардом. Воеводы «сторожевого полка» выполнили поставленную перед ними задачу. Ордынские конные лучники, которые, как всегда, кинулись вперед, чтобы засыпать русский строй ливнем стрел, были встречены в поле ратниками «сторожевого полка» и отбиты. Не случайно в летописях отсутствовали даже упоминания о лучниках и о потерях, которые они могли бы нанести русскому войску. Начало битвы было выиграно Дмитрием Донским. Его противнику оставалось только искать победу в «прямом бою», во фронтальной атаке.

«В шестом часу дня» (примерно 11 часов утра.— *В. К.*) началось сближение главных сил. Русские полки, сохраняя общий строй, поднялись на возвышенность. На противоположном краю низины появились массы ордынской конницы, черные ряды генуэзской пехоты. Солнце стояло уже высоко, туман рассеялся, и противники впервые увидели друг друга. «И страшно было видеть две силы великие, съезжающиеся на скорую смерть». По словам современника, «русская сила в светлых доспехах, как река льющаяся, как море колеблющееся, в солнце светло сияло на ней, лучи испуская».

Сам Мамай «с тремя князьями своими большими взошел на высокое место, на холм, и тут стал, хотя видеть человеческое кровопролитие». На Красном холме, вдали от рукопашной сечи, Мамай оставался до конца сражения. Ордынцы наступали в обычном для них боевом порядке: сильный центр, состоявший из пехоты и конницы; «крылья» отборной конницы, которые должны были нанести решающие удары; общий резерв, спрятанный до времени позади Красного холма. Порядок был привычным

для ордынского полководца, но развернуть его на Куликовом поле полностью, охватить «крыльями» конницы фланги противника Мамай, как мы уже говорили, не смог: поле битвы оказалось не подходящим для такого маневра. Поэтому пришлось перестраиваться на ходу. Мамай усилил центр, поставил там фалангой тяжелую генуэзскую пехоту, чтобы одним ударом сломить русский большой полк. Одновременно вперед двинулась на флангах ордынская конница. «И встретились полки, пошли навстречу, и гудела земля, горы и холмы тряслись от множества воинов бесчисленных».

Столкновению предшествовал еще один героический эпизод — поединок богатырей. «Уже близко сходятся сильные полки,— повествовал летописец,— выехал громадный татарин из великого полка татарского, показывая свое мужество перед всеми. Увидев его, старец Александр Пересвет выехал из полка и сказал: «Этот человек ищет равного себе, я хочу встретиться с ним!» И возложил старец на голову вместо шлема куколь (монашеский суконный колпак.— *В. К.*), а поверх одежды надел свою мантию. И сел он на коня своего, и устремился на татарина, и ударились крепко копьями, и копья переломились, и оба упали с коней своих на землю мертвыми, и кони их пали».

В дальнейшем церковники постарались придать подвигу «изящного послушника инока Пересвета» чисто религиозную окраску. Пересвет, говорили они, сразил ордынского богатыря Темирь-Мурзу потому, что будто бы был «вооружен схимою» и «взял в руки посох преподобного отца Сергия», а сам отличался подвижнической жизнью и «святостью». Но на самом деле Пересвет вовсе не был смиренным, отрешенным от мирской жизни схимником. Судя по скупым летописным рассказам, «Пересвет — чернец, любечанин родом», был профессиональным воином, происходил из брянских бояр и, поступив на службу в Троицу, оставался при своей прежней «специальности». Летописцы подчеркивали его военное мастерство и физическую силу. «Сей Пересвет, когда в миру был, славный богатырь был, великую силу и крепость имел, величеством же и шириною всех превзошел и умел был к воинскому делу и наряду!»

Огромные рати сошлись в яростной сече. Всеми силами ордынцы обрушились на передовой полк, и «была брань крепкая и сеча злая». Почти весь полк погиб,

«как сено посечено», но и наступательный порыв ордынцев был ослаблен. В дело вступил большой полк, защищавший центр русского строя. Началась упорная сеча, которая непрерывно продолжалась четыре часа, «с шестого часа до девятого». Летописец повествовал: «Сошлись обе силы великие вместе надолго, и покрыли полки поле на десять верст от множества воинов, и была сеча ожесточенная и великая и бой упорный, сотрясение весьма великое; от начала мира не бывало у великих князей русских, как у этого великого князя всея Руси. Когда бились они с шестого часу до девятого, пролилась как дождевая туча кровь обоих — сыновей русских и поганых; пало бесчисленное множество трупов мертвых... смешались и перемешались, каждый ведь своего противника стремился победить».

Летописцу вторит автор «Сказания о Мамаевом побоище», добавляя красочные детали: «Крепко сражались, жестоко друг друга уничтожали, не только от оружия, но и от великой тесноты под конскими копытами умирали, потому что нельзя было вместиться на том поле Куликовом: то место между Доном и Непрядвою было тесным. Выступили из полков кровавые зори, а в них сверкали сильные молнии от блистания мечей. И был треск великий и шум от ломающихся копий и от ударов мечей, так что нельзя было в тот горький час обозреть это грозное побоище... Уже многих убили, многие русские богатыри погибли, как деревья приклонились, точно трава от солнца усыхает и под копыта постилается...».

Большой полк выстоял, несмотря на большие потери, снова и снова смыкал строй, «и вновь укреплялся стяг». Не удалось ордынцам прорвать и полк правой руки. Тогда Мамай перенес главный удар на левый фланг русского войска. Замысел его состоял в том, чтобы сосредоточить там превосходящие силы (за счет введения в бой своего общего резерва), обойти русский большой полк, прижать его к Непрядве и уничтожить. Надо сказать, что частично выполнить этот план Мамаю удалось: фронт полка левой руки был прорван ордынцами, их силы начали обтекать большой полк, рвались к переправам. Но они не подозревали о засадном полке, спрятанном великим князем Дмитрием в Зеленой Дубраве, и это погубило Мамая.

Нужно отдать должное выдержке и воинскому мастерству предводителей засадного полка. Ордынцы уже тесни-

ли с фланга большой полк, русские воины погибали в неравной сече. Но воевода Дмитрий Боброк-Волынский медлил. Еще нужно было выжидать. Преждевременный удар засадного полка не переломил бы ход битвы. Мамай мог повернуть свои резервы против засадного полка и остановить его. С другой стороны, запоздалое вмешательство засадного полка обрекало на гибель воинов большого полка, с трудом отбивавших фронтальные и фланговые атаки ордынцев.

Драматизм момента хорошо передает автор «Сказания о Мамаевом побоище». «Видя такой урон ... князь Владимир Андреевич не мог терпеть и сказал Дмитрию Волынцу: «Какая польза в стоянии нашем, какой будет у нас успех, кому будем пособлять? Уже наши князья и бояре, все русские сыны жестоко погибают, как трава, клонятся!» И сказал Дмитрий Волынец: «Беда, князь, велика, но еще не пришел наш час» ...Сыны же русские в полку его горько плакали, видя своих друзей, побиваемых погаными, непрестанно стремились они в бой ... Волынец же запрещал им, говоря: «Подождите немного ... будет ваше время» ...Пришел восьмой час, и южный ветер потянул позади нас... И закричал Волынец громким голосом: «Князь Владимир, время приспело!» ... Выехали из дубравы зеленой, точно соколы приученные оторвались от золотых колодок, ударили на великие стада журавлиные... И побежал Мамай сам девятый, как серый волк ... Многие же сыны русские гнались вслед Мамаю, но не догнали его: уже кони их утомились, а сами они сильно устали. Руки русских сынов уже устали, не могли убивать... а мечи их и сабли притупились».

Автор «Сказания» верно описывает перелом, внесенный в ход битвы неожиданным ударом засадного полка. Ордынцы, не ожидавшие удара в тыл, пришли в замешательство. Ударная группировка их конницы была разрезана надвое. Передовые ордынские тысячи, оказавшиеся позади боевого порядка русских полков, побежали дальше, к р. Непрядве, где многие из них погибли — берега реки были крутыми, высокими. Остальная конница побежала обратно, к Красному холму.

Почти одновременно с ударом засадного полка перешли в наступление конные и пешие воины полка правой руки и большого полка. В этом проявилось воинское мастерство воевод, которые правильно оценили обстановку и приняли единственно правильное решение: поддержать

атаку засадного полка активностью остальных полков. После этого отступление ордынцев приняло характер беспорядочного бегства.

Мамай ничем не мог помочь гибнувшей коннице, он уже раньше ввел в прорыв на русском левом фланге все свои резервы. Бегство самого Мамая еще больше усилило панику. Русские всадники «погнались за ними, избивая и рубя без милости... И гнали их до реки Мечи, и там бесчисленное множество бежавших погибло. Княжеские же полки гнали их, избивая, до стана их, и захватили многое богатство и все имущество их». Так заканчивает летописец описание Куликовской битвы [8]. Преследование было всеобщим. Так, в засадном полку «ни один человек не остался под знаменем», все гнались за убегавшим врагом. Русская конница преследовала ордынцев почти 50 километров; главные силы ордынского войска были уничтожены.

Вечером воины стали возвращаться на поле битвы, где уже были подняты полковые стяги. «Уже и день кончился, солнце заходило, затрубили во всех полках русских в трубы,— повествует автор «Сказания».— Грозно и жалостно смотреть на кровопролитие русских сынов: человеческие трупы, точно великие стога, наворочены, конь не может быстро через них перескочить, в крови по колено бродят, а реки три дня текли кровью». Начали считать потери, и они оказались огромными. «Говорит боярин московский, именем Михайло Александрович, а был в полку у Микулы у Васильевича, умел он хорошо считать: „Нет у нас 40 бояринов московских, да 12 князей белозерских, да 13 бояринов-посадников новгородских, да 50 бояринов Новгорода Нижнего, да 40 бояринов серпуховских, да 20 бояринов переяславских, да 25 бояринов костромских, да 35 бояринов владимирских, да 50 бояринов суздальских, да 40 бояринов муромских, да 33 бояринов ростовских, да 20 бояринов дмитровских, да 70 бояринов можайских, да 60 бояринов звенигородских, да 15 бояринов углицких, да 20 бояринов галицких. А молодым людям счета нет...“».

Всего в сражении погибло 12 князей и 483 боярина, что, по подсчетам историков, составляло примерно 60% «командного состава». Что же касается общих потерь, то в летописях на этот счет нет сколько-нибудь достоверных сведений. Историки полагают, что погибла примерно половина русского войска — таким кровопролитным было

это великое сражение. Однако ордынцев погибло еще больше, особенно во время бегства. Летописцы утверждали даже, что «поганых вчетверо избили». Огромные потери Мамая вполне объяснимы. В «прямом» рукопашном бою ордынцы, имевшие слабое защитное вооружение, должны были потерять много воинов. После разгрома на Куликовом поле Мамай так и не сумел собрать нового войска. Вскоре он погиб в междоусобной борьбе со своими соперниками.

Победа на поле Куликовом сразу изменила стратегическую обстановку. Великий литовский князь Ягайло поспешно отступил. По словам летописца, «Ягайло Ольгердович и вся сила его услышали, что у великого князя с Мамаем бой был и князь великий одолел, а Мамай, будучи побежден, побежал, тогда Литва с Ягайло побежали назад с большою быстротою, не будучи никем гонимы». Князь Олег Рязанский поспешно «отъехал» к литовскому рубежу, спасаясь от возможного гнева Дмитрия Ивановича. Победа была полной. Погибших русских воинов похоронили на Куликовом поле, на том месте, где ныне находится село Монастырщина. Из вековых дубов Зеленой Дубравы «срубили» храм в память павшим героям. 21 сентября русское войско вернулось в Коломну, к месту первоначального сбора полков, а 1 октября великий князь Дмитрий Иванович и его соратники торжественно въехали в Москву. Война была закончена.

Куликовская битва явилась триумфом великого князя Дмитрия Ивановича, которого народ в память победы на Дону стал называть Донским. Дмитрий Донской не только разработал блестящий стратегический план войны с Мамаем и сумел последовательно провести его в жизнь, но и показал во время «Мамаева побоища» большое личное мужество и самопожертвование. Как простой ратник, он сражался с мечом в руках на самых опасных местах, сначала в «сторожевом полку», затем в самом центре русского строя. По словам летописца, Дмитрий Донской «бился... став на первом сступе, и много ударяли по голове его, и по плечам его», однако крепкие доспехи спасли жизнь великого князя. «Все доспехи его избиты и пробиты, но на теле его не было ни одной раны. А бился он... лицом к лицу, став впереди в первой схватке, справа и слева от него дружину его били, самого его обступили вокруг, как обильная вода по обе стороны,

много ударов ударялось по голове его и по плечам и по животу, но от всех ударов бог защитил его в день битвы, и таким образом среди многих воинов он сохранен был невредимым».

Сохранили летописи и рассказы очевидцев об участии Дмитрия в битве. Одни видели, как он «шел пешим с побоища, тяжко раненый». И на него наезжали три всадника-ордынца, другие дополняли, что Дмитрия Донского «с коня сбили», но «он же сел на другого коня». Князь Владимир Андреевич после битвы стал расспрашивать очевидцев. «И сказал ему первый самовидец, Юрка-сапожник: «Я видел его, государя, на третьем часу, сражался он железной палицей». Второй самовидец, Васюк Сухоборец, сказал: «Я видел его в четвертом часу, бился он крепко». Третий сказал Сенька Быков: «Я его видел в пятом часу, бился он крепко». Четвертый же сказал Гридя Хрулец: «Я его видел в шестом часу, бился он крепко...» Некто же именем Степан Новосельцев, тот сказал: «Я видел его в седьмом часу, крепко сражавшимся перед самым твоим выездом из дубравы, шел он пеший с побоища, тяжко раненый»».

Не случайно в грозную осень 1941 г. имя Дмитрия Донского было названо среди имен величайших русских полководцев, подвиги которых вдохновляли советских воинов на священную войну с фашизмом: Александра Невского, Александра Суворова, Михаила Кутузова. Память о Дмитрии Донском навечно сохранится в народе.

Глава 5

РУСЬ СТАНОВИТСЯ РОССИЕЙ

Славная победа на Куликовом поле нанесла Золотой Орде тяжелейший удар. Однако свергнуть ордынское иго в 1380 г. не удалось. Новый правитель орды Тохтамыш в 1382 г. неожиданно напал на Русь и сжег Москву. Великому князю Дмитрию Донскому пришлось возобновить выплату ордынской «дани». Ордынский хан по-прежнему считался верховным правителем Руси, но власть его над русскими землями значительно ослабла. Куликовская битва окончательно похоронила веру в «непобедимость»

завоевателей. Зависимость от Золотой Орды русские люди теперь рассматривали как временную и готовились к окончательному освобождению родной земли от иноземного ига.

Новые настроения отразились в духовных грамотах русских князей, составители которых стали предусматривать возможность освобождения от ордынской зависимости, когда «переменит бог Орду». Так, в духовной грамоте великого князя Дмитрия Донского было записано: «А переменит бог Орду, дети мои не будут давать выхода в Орду, и который сын мой возьмет дань на своем уделе, то тому и есть». Такой же формулировкой стали пользоваться и удельные князья [1].

О том, насколько упал престиж хана в начале XV в., свидетельствует ярлык ордынского правителя Едигея сыну Дмитрия Донского великому князю Василию I. Едигей жаловался на невнимание к ханским послам, на нежелание Руси платить дань и даже не требовал, а буквально умолял собрать «старые оброки». Вот текст этого любопытного документа, очень хорошо иллюстрирующий изменение характера русско-ордынских отношений: «От Едигея поклон Василью, да и много поклонов. Как те поклоны придут к тебе, царев ярлык: слышанье учинилось таковое, что неправо у тебя чинят в городах, послы царевы и купцы из Орды к вам приезжают, а вы послов и купцов на смех поднимаете, великую обиду и истому им чините — это недобро. А прежде вы улусом были царевым, и страх держали, и пошлины платили, и послов царевых чтили, и купцов держали без истомы и без обиды. Как царь Темир-Котлуй сел на царство, а ты улусу своему государем стал, с того времени у царя в Орде не бывал, царя в очи не видел и князей его, ни бояр своих, ни иного кого не присылал, ни сына, ни брата, ни с каким словом. А потом Шадибек восемь лет царствовал, и у него ты также не бывал и никого не присылал, и Шадибеково царство также минуло. А ныне Булат-Салтан сел на царство, и уже третий год царствует. Также ты сам не бывал, ни брата своего не присылал, ни боярина. И мы улуса твоего сами своими очами не видели, только слухом слышали. А что твои грамоты к нам в Орду присылал, то все лгал: что собирал в твоей державе с двух сох по рублю, куда то серебро девал? Было бы добро, если бы дань была отдана по старине и по правде...» [2].

Едигей попробовал подкрепить свои требования силой,

в 1408 г. напал на Русь, но встретил достойный отпор. В Москве «в осаде» остались «воеводы и множество народа», а Василий I поехал в Кострому собирать войско. Едигей не решился штурмовать каменную твердыню Кремля. По словам летописца, ордынцы даже «не смели близ града стоять» из-за сильного обстрела со стен. После месячной осады неприятель отступил, опустошив соседние земли и захватив пленных [3]. «Нашествие» Едигея фактически закончилось ничем. Восстановить власть хана над Русью ему не удалось.

Вооруженный отпор, данный великим князем Василием I ордынцам, показал, что Русь быстро восстанавливала силы после кровопролитного «Мамаева побоища», когда «оскудела вся земля Русская воеводами и слугами, и всеми воинствами». Но самое главное заключалось в том, что Куликовская битва не только не ослабила, а, наоборот, ускорила процесс политического объединения Руси. Неизмеримо вырос авторитет Москвы, поднявшей знамя общерусского национально-освободительного движения. Академик Л. В. Черепнин отмечал: «Если на первом этапе процесса объединения земель Северо-Восточной Руси еще решался вопрос о том, какое княжество явится центром этого объединения, то на втором этапе, с последней четверти XIV в., указанный вопрос уже отпал. Московское княжество твердо завоевало роль политического центра формирующегося единого государства» [4]. Показательно, что Дмитрий Донской передал великое княжение своему сыну Василию I без ханского ярлыка, как «свою отчину» [5].

Дмитрий Донской довольно быстро сумел преодолеть внутриполитические трудности, наступившие после «Тохтамышева нашествия», когда подняли голову соперники Москвы — нижегородский, тверской, рязанский князья, и продолжил политику объединения Руси. Дальнейшие успехи этой политики связаны с именем великого князя Василия I Дмитриевича (1389—1425), достойного преемника своего прославленного отца.

В 1392 г. была ликвидирована политическая самостоятельность Нижегородского княжества; в самом Нижнем Новгороде «сели» московские наместники. Тогда же к Москве отошли Городец, Мещера, Таруса. В 1397 г. под власть Москвы временно попала обширная Двинская земля, принадлежавшая Великому Новгороду, а в самом Новгороде усилилось московское влияние, Василий I

проводил решительное наступление на привилегии удельных князей, подчиняя их центральной власти.

Политическое объединение Руси было замедлено феодальной войной, которая вспыхнула при Василии II Васильевиче (1425—1462) и продолжалась около 30 лет. События феодальной войны второй четверти XV в. подробно описаны в книге Л. В. Черепнина [6]. Победа великокняжеской власти в этой войне возобновила процесс централизации. Были ликвидированы почти все уделы. К концу великого княжения Василия II на территории Московского княжества оставался лишь один удел — Верейско-Боровский. Значительно ограничены были привилегии крупных феодалов, их права передавались великокняжеским наместникам и «волостелям». Бурно росло землевладение служилых феодалов, дворян и «детей боярских», которые получали от великого князя землю во временное «держание» при условии несения ими военной службы. Так не только создавалась надежная социальная опора сильной великокняжеской власти, но и ковались кадры для постоянного войска, постепенно заменявшего феодальные дружины и ополчения «удельного периода». Служилые феодалы составляли постоянную армию, находившуюся в непосредственном распоряжении центральной власти.

Плодами победы центральной власти в феодальной войне в полной мере воспользовался Иван III Васильевич (1462—1505), при котором складывание Российского государства пошло ускоренными темпами. Начинался заключительный этап объединения страны, тем самым создавались предпосылки для окончательного освобождения русских земель от власти ордынских ханов.

Будущая война с Ордой требовала подчинения Москве пограничного Рязанского княжества, военно-стратегическое значение которого было весьма велико. Воспользовавшись тем, что рязанский князь Федор Иванович перед смертью «княженье свое Рязанское и сына своего Василия приказал» (т. е. завещал) Москве, великий князь Иван III перевез восьмилетнего Василия в свою столицу, а в рязанские города и волости послал своих наместников. Позднее князя Василия, женившегося на сестре Ивана III, вернули в свое княжество, но московское влияние в рязанских землях сохранилось.

Планомерно велась борьба Москвы с Тверским княжеством, хотя она осложнялась постоянным вмешательст-

вом Литвы. Еще отец великого князя Ивана III подписал с князем Борисом Александровичем Тверским договор о согласованной внешней политике: «А быти нам, брате, на татар, и на ляхи, и на литву, и на немци и заодин, и па всякого нашего недруга». В 1462—1464 гг. этот договор был подтвержден почти без изменений новым тверским князем Михаилом Борисовичем [7]. В дальнейшем до самого свержения ига Тверское княжество находилось в союзе с Москвой, а тверской князь даже послал свою рать на р. Угру против хана Ахмата (Ахмед-хана). Помогал тверской князь великому князю и в военных действиях против отдельных феодальных центров. Известно, например, что тверские полки участвовали в походах на Великий Новгород в 1471 и 1478 гг.

Иван III получил в наследство от отца Яжелбицкий договор 1456 г., по которому новгородские «вольности» значительно ограничивались, правительство этой боярской республики лишалось права вести самостоятельную внешнюю политику, на документах новгородские печати заменялись московскими, великокняжескими. Однако за полное подчинение Великого Новгорода еще предстояло вести длительную и тяжелую борьбу.

После нескольких походов Москве подчинилась Вятская земля. По словам летописца, вятчане «добиша челом» великому князю Ивану III «на всеи его воли» [8].

Крупным успехом политики централизации была ликвидация самостоятельности обширного и богатого Ярославского княжества. «Дело свелось не только к лишению местных князей их власти, но и к замене их земельных владений другими, пожалованными им великим князем. По-видимому, с этих пожалованных вотчин они должны были нести «службу» Ивану III» [9],— считает Л. В. Черепнин. На территории Ярославского княжества всячески поощрялось землевладение московских бояр. В середине 60-х годов в Ярославле появился московский наместник князь И. В. Стрига-Оболенский, хотя там временно оставался и местный князь. После смерти в 1471 г. ярославского князя Александра Михайловича это своеобразное «двоевластие» закончилось, Ярославское княжество окончательно подчинилось Москве. С 1473 г. великий князь Иван III прямо называл Ярославское княжество своей «отчиной».

Вскоре произошло присоединение к Москве и Ростовского княжества. Значительная часть княжества и рань-

ше принадлежала великому князю, но в Ростове еще были местные князья. В 1474 г. последние ростовские князья Владимир Андреевич и Иван Иванович продали Ивану III «свою отчину» — остававшуюся в их руках к тому времени «половину Ростова».

Значительно сложнее было включить в орбиту московской политики Псков. В конкретной исторической обстановке трудно было рассчитывать на полную ликвидацию самостоятельности пограничной Псковской республики. Иван III просто старался поставить ее государственный аппарат под контроль Москвы. Псковское боярство нуждалось в военной помощи великого князя против немецких и шведских феодалов и согласилось принять великокняжеского наместника. Следует учесть и остроту классовых противоречий в Пскове: присутствие великокняжеского наместника с военным отрядом успокаивающе действовало на «чернь». Через своего наместника великий князь контролировал и внешнюю политику Псковской республики. Такой порядок сложился при великом князе Василии III и сохранялся при Иване III, однако московское влияние постоянно усиливалось. По оценке Л. В. Черепнина, «формально московское правительство признавало самостоятельность Псковской республики, в государственном аппарате которой великокняжескому наместнику отводилось законом определенное, весьма ограниченное место. Фактически же наместник в своей повседневной деятельности все более и более выходил из этих законных рамок. Великий князь его молчаливо поддерживал. А псковское правительство часто было лишено возможности протестовать, поскольку нуждалось в военной помощи Москвы для борьбы с внешней опасностью» [10].

Подчинение Псковской республики имело большое военно-стратегическое значение. Псков был стражем северо-западных границ страны. Промосковская ориентация Псковской республики сдерживающим образом действовала на Литву и Ливонский орден, что создавало Ивану III благоприятные возможности для сосредоточения основных военных сил страны на южной границе. Занятый решением первоочередной и главной внешнеполитической задачи — подготовкой к войне за свержение ордынского ига, великий князь Иван III мирился с ограниченной самостоятельностью Псковской республики. Использовал Иван III зависимость Пскова от великокняжеской власти

и во внутренних делах, прежде всего для давления на Великий Новгород.

Необходимым условием для успешного завершения централизации и решения внешнеполитических задач была ликвидация самостоятельности Новгородской феодальной республики. Именно поэтому московско-новгородские отношения занимали так много места во внутренней политике Ивана III. Борьба Ивана III с новгородскими «вольностями» подробно описывалась во многих книгах. Поэтому не будем подробно останавливаться на этом вопросе. Отметим только, что присоединение обширных владений «Господина Великого Новгорода» к Москве и возможность распоряжаться материальными и военными ресурсами бывшей боярской республики относятся к 1478 г., к самому кануну войны за освобождение русских земель от ордынского ига.

В результате централизаторской политики Ивана III большая часть русских земель оказалась под властью великого князя, неизмеримо расширились мобилизационные возможности страны, было создано общерусское войско, подчиненное единому командованию. Все это создавало условия для успешной борьбы с внешними врагами.

Время складывания единого государства было одновременно временем формирования русской (великорусской) народности. Присоединение к Москве других земель и княжеств способствовало объединению языковых диалектов, местных культурных особенностей; русский язык и культура, впитывая эти особенности, все больше обогащались. Росло самосознание русского народа, объединенного великой исторической целью — свергнуть ненавистное ордынское иго и завоевать национальную независимость. Национальный момент в подготовке войны с Ордой играл важную роль, и на одном из аспектов этой проблемы хотелось бы остановиться подробнее.

Вторая половина XV в. была временем большого национального подъема, глубокого осознания русскими людьми необходимости единства родной земли. Внешним проявлением этого было утверждение в народном сознании и в письменных источниках понятия «Россия», которое заменило прежнее название «Русь». В статье «О происхождении названия «Россия»» академик М. Н. Тихомиров пишет: «Термины «Россия» (или «Росия»), «Российский» (или «Росийский») появляются в источниках

только с XV в., постепенно распространяются все больше, пока окончательно не утверждаются в русском языке». Эти термины уже имеются «в одном неизданном кратком летописце, помещенном в рукописи, написанной четким полууставом конца XV в.»; летописец был составлен при Иване III в Москве. На некоторых монетах Ивана III имелась надпись «Государь всея Росии». В так называемом «Еллинском летописце» в записи 1485 г. употребляется титул великого князя с добавлением «всея Росии» и т. д. Официальный термин «Россия», по мнению М. Н. Тихомирова, «опирался на традицию, на распространение этого слова среди русского народа». Как понимать сам термин?

Понятие «Россия», «Росея» (с производным от них «российский») начинает употребляться для «определения всей страны в целом и всего ее населения. «Русский» становится синонимом определенной народности, «росийский» обозначает принадлежность к определенному государству», и «появление термина «Россия» и его утверждение необходимо связывать с образованием русской народности и складыванием централизованного государства в XIV—XV вв.» [11].

Войну с Ахмед-ханом в 1480 г. вела уже не Русь удельного периода, представлявшая собой конгломерат самостоятельных феодальных княжеств, а Р о с с и я, осознавшая свое единство и свою национальную задачу.

Однако, говоря об успехах объединительной политики великого князя Ивана III накануне свержения ордынского ига, нельзя не отметить, что до завершения централизации было еще далеко. Центральный военно-административный аппарат был еще слабым. Сохранялись привилегии крупных феодалов, а на территории самого Московского княжества даже оставались уделы, принадлежавшие братьям великого князя. Эти уделы достались в наследство Ивану III от отца, который последовательно боролся с другими удельными князьями, но перед смертью по старинному княжескому обычаю «облагодетельствовал» уделами своих младших сыновей. По завещанию Василия II Темного его сын Юрий получил в удел Дмитров, Можайск, Медынь, Серпухов и другие города, Андрей Большой — Углич, Бежецкий Верх и Звенигород, Борис — Ржеву, Волоколамск и Рузу, Андрей Меньшой — Вологду с Кубеной и Заозерьем. Существование уделов противоречило самой сути централизаторской политики

Ивана III и в любой момент грозило возможностью серьезных внутренних потрясений.

Так и случилось в начале февраля 1480 г. Против великого князя подняли мятеж его братья Андрей Большой и Борис. Открытое выступление назревало давно. Удельные владетели были недовольны усилением великокняжеской власти, которая ограничивала политическую самостоятельность уделов, распространением общегосударственных налогов и т. д. А поводом для мятежа была смерть удельного князя Юрия Васильевича и решение великого князя не выделять братьям «законной доли» выморочного княжества. Выступая ревнителями удельной старины, князья Андрей Большой и Борис использовали феодальное право «отъезда» к другому сюзерену, против которого боролся Иван III. Они тайно встретились в Угличе, затем переехали в город Ржеву, а затем вместе с семьями, боярами и военными слугами остановились в Великих Луках, поблизости от литовского рубежа. Мятежники обратились к польско-литовскому королю Казимиру IV с просьбой о помощи. В конфликт между Иваном III и братьями, таким образом, вовлекалась враждебная Литва.

Литовской «помощи» Андрей Большой и Борис не получили, однако король поспешил отдать им город Витебск. Дело шло к войне между Иваном III и мятежными братьями. Москва и другие города Московского княжества готовились к обороне от возможного нападения удельных князей и литовцев (враждебная позиция короля Казимира IV была хорошо известна Ивану III). Переговоры не имели успеха, князья Андрей Большой и Борис упорствовали в своих претензиях. С большим трудом Ивану III удалось уладить конфликт с ними.

Мятеж удельных князей, который едва не вылился в феодальную войну, серьезно усложнил внутриполитическую обстановку в России. Тем большей представляется заслуга великого князя Ивана III, который сумел организовать общенародную национально-освободительную войну против Орды в условиях еще не изжитых «удельных порядков».

Глава 6

РОССИЯ И ОРДА

Решительно ломая сопротивление удельных князей, собирая вокруг Москвы «отчины» и «дедины», великий князь Иван III подготавливал образование могучего Российского государства, способного завоевать независимость и отстоять ее от любых внешних врагов. А что происходило в это время в лагере его ордынских недругов?

«Золотая Орда к этому времени давно уже пережила высший подъем своего военно-политического могущества, которого она достигла при Узбеке и Бердибеке, когда она выступала единым сплоченным организмом. Ни Мамай, ни Тохтамыш, ни Едигей не могли остановить процесса усиливавшегося внутреннего распада Джучиева улуса, хотя на короткое время им и удавалось скрепить под сильной властью политическое единство Орды. После Едигея распад возобновился и шел ускоренными темпами» [1],— пишет К. В. Базилевич, автор известного исследования по внешней политике России во второй половине XV в.

Золотая Орда распадалась на отдельные полусамостойтельные улусы, которые в зависимости от успехов или неудач тех или иных ханов то временно объединялись под одной властью, то снова обособлялись, взаимно ослабляя друг друга в военных столкновениях. К середине века в нескольких больших улусах утвердились свои ханские династии и Золотая Орда как единое целое окончательно прекратила свое существование.

Самым большим и сильным улусом была Большая Орда, которая образовалась в 30-х годах XV в. в степях между Волгой и Днепром. Хан Большой Орды Сейид-Мухаммед пытался стать преемником великодержавной политики золотоордынских ханов.

В 1443 г. получило самостоятельность Крымское ханство. Крымский хан Хаджи-Гирей открыто выступил против Сейид-Мухаммеда. В 1455 г. войско Большой Орды было разгромлено, ее владения значительно сократились. Преемники Сейид-Мухаммеда Махмуд и Ахмат (Ахмед-хан) отошли со своими кочевьями к Волге. Однако война между Крымским ханством и Большой Ордой продолжалась. Где-то на Дону в 1465 г. произошла решительная

битва. Махмуд потерпел поражение, которое стоило ему ханского престола. Против Махмуда восстал его брат Ахмат. Махмуд бежал в Астрахань, где образовалось самостоятельное Астраханское ханство.

Ахмату удалось сначала добиться крупных успехов в борьбе с Крымским ханством. Новый крымский хан Менгли-Гирей вынужден был бежать в Турцию, на крымский престол Ахмат посадил своего сына Джанибека. Однако турецкий султан помог Менгли-Гирею возвратиться. Соперничество Крыма и Большой Орды возобновилось.

Кроме этих крупнейших улусов, на обломках Золотой Орды образовалось еще несколько самостоятельных государственных объединений. В начале 20-х годов в бассейне Иртыша и Тобола возникло так называемое Сибирское царство, а в степях Прикаспия — Ногайская Орда. На территории бывшей Волжско-Камской Булгарии, на Средней Волге, в непосредственной близости от русских рубежей, обосновался со своей многочисленной ордой Улуг-Мухаммед.

Конечно, распад Золотой Орды и соперничество между отдельными улусами ослабляли силы завоевателей и давали возможность Ивану III для выгодных дипломатических комбинаций (что он и делал, использовав вражду Большой Орды и Крыма). Однако ордынцы продолжали оставаться опасным и могущественным противником. Военные силы Большой Орды, которая претендовала на власть над Россией, были значительными.

По свидетельствам восточных источников, Большая Орда имела стотысячное войско [2], которое могло увеличиться за счет присоединения других орд. Венецианец Иосафат Барбаро утверждал, что Большая Орда, «когда вся она соберется вместе, составит около 300 тысяч душ» Барбаро сам наблюдал с крепостной стены Азова прохождение войска Большой Орды и так описал свои впечатления: в течение шести дней «все пространство степи, какое только можно окинуть глазом, было усеяно людьми и животными, беспрестанно двигавшимися взад и вперед. Мы целый день стояли на городских стенах (ибо все ворота были заперты), так что к вечеру утомились до бессилия от продолжительной стражи. Диаметр пространства, занятого этою многочисленною толпою людей и скота, составлял 120 миль» [3].

Немногим уступало Большой Орде и войско Крымского ханства (судя по переменному успеху в войнах меж-

ду ними). Непосредственная военная опасность для пограничных русских княжеств после распада Золотой Орды даже увеличилась. С ордынцами теперь было почти невозможно установить сколько-нибудь стабильные политические отношения, даже мир с ханом и уплата дани не гарантировали от опустошительных набегов. По своей инициативе ханы различных улусов, а то и отдельные мурзы со своими ордами нападали на русское пограничье, разоряли села и деревни, а во время крупных походов вторгались глубоко в пределы русских земель. Так часто случалось во время феодальной войны второй четверти XV в., во время великого княжения отца Ивана III Василия II Темного.

В 1437 г. орда Улуг-Мухаммеда, обосновавшаяся на Верхней Оке, в Белеве, и нападавшая на соседние русские земли, нанесла поражение великокняжескому войску, которое привели для разгрома этого разбойничьего гнезда князья Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный.

Летом 1439 г. орда Улуг-Мухаммеда предприняла поход на Москву. Василий II бежал за Волгу, а в Москве остался для обороны города воевода Юрий Патрикеевич. «Махмут-царь» (как называли Улуг-Мухаммеда летописцы) «со многими силами безвестно» подступил к Москве, но взять город ему не удалось. После десятидневной осады ордынцы вынуждены были отступить, но «много зла учини земли Рускои», «множество плени, а иных изсеки».

В 1444 г. Улуг-Мухаммед «приходил ратью к Мурому». На этот раз великокняжеская рать, которую возглавил сам Василий II, отогнала насильников. В том же году ордынский царевич Мустафа ворвался в Рязанскую землю и захватил Рязань. Великокняжеская рать во главе с князем Василием Ивановичем Оболенским и Андреем Голтяевым подошла к Рязани. У стен города произошла битва. Царевич Мустафа был убит, ордынское войско разбито. Остатки ордынцев бежали.

И снова весной 1445 г. войско Улуг-Мухаммеда, которое возглавляли его сыновья Мамутяк и Егуп, вторгается в русские земли со стороны Нижнего Новгорода. Василий II с полками выступает навстречу; 7 июля под Суздалем, на берегу р. Нерли, происходит битва, во время которой Василий II попадает в плен к ордынцам. Москва готовится к обороне, но ордынцы доходят только до Владимира и поворачивают назад.

В 1448 г. снова «царь казанский Мамутек послал всех князей своих со многою силою воевать вотчину великого князя, Владимир и Муром и прочие города». Количество же мелких набегов из орды Улуг-Мухаммеда вообще не поддается учету — их множество.

В 1449 г. ордынцы Седи-Ахмата доходили до р. Пахры и «много зла учинили христианом, секли и в полон имали». В 1450 г. только своевременное выдвижение «в поле» великокняжеского войска предотвратило набег «улана Малымбердея». В 1451 г. царевич Мозовша из «Седи Ахматовы орды» пришел «изгоном» на Москву. Василий II с семьей едва успел «отъехать» за Волгу. Ордынцы осадили столицу, подожгли посады. Огонь со всех сторон охватил кремлевские стены. Первые вражеские приступы были отбиты москвичами, хотя, по словам летописца, «егды же посады погореша, тогда сущии в граде ослабу прияша от великиа истомы огненыя и дыма, и выходяще из града начаша с противными битися». Царевич Мозовша не решился на повторный штурм. Ночью ордынцы отошли от Москвы, «пометаша от меди и железа и прочего много товару», однако обширные области Московского княжества подверглись опустошению.

В 1459 г. мурзы из Большой Орды «похвалився на Русь пошли», однако молодой князь Иван Васильевич отбил их от «берега» р. Оки и заставил отойти обратно «в поле».

В 1460 г. сам «безбожный царь Ахмут» подходил «с всею силою своею» под Переяславль-Рязанский, шесть дней осаждал город, но потерпел неудачу. По словам летописца, «царь Ахмут» «ничтоже успев граду тому, с срамом отступи от него и отъиде в поле».

Подводя итоги серии ордынских нападений на Россию, К. В. Базилевич писал: «Устойчивость этого направления позволяет думать, что целью нападения был не простой захват добычи и пленных, а более серьезные политические стремления» [4].

Опасность со стороны Большой Орды еще больше возросла в великое княжение Ивана III Васильевича. Это было время значительного усиления Ахмед-хана, которому удалось прекратить многовластие и временно объединить всю Большую Орду. На ордынских монетах начали чеканить пышный титул: «Султан верховный Ахмед-хан». Основной соперник Ахмед-хана Улуг-Мухаммед отошел со своей ордой на Среднюю Волгу, и владения

Большой Орды теперь непосредственно примыкали к русским землям. Для Ахмед-хана открывался прямой путь на Москву.

«В лице Ахмед-хана (Ахмата),— пишет К. В. Базилевич,— на развалинах Золотой Орды в последний раз возрождалась власть, претендовавшая на господство над всеми наследственными владениями улуса Джучи и на восстановление прежней зависимости Руси» [5]. Приближалась решительная схватка с завоевателями, которая должна была решить, попадет ли Россия снова под ордынское ярмо «паче Батыева» или окончательно свергнет его.

Намерения Ахмед-хана прослеживаются достаточно ясно: он стремился, добившись объединения под своей властью значительной части территории и военных сил бывшей Золотой Орды, путем опустошительного нашествия полностью восстановить ордынское иго над Русью, обескровить завоеванную страну, чтобы исключить в будущем попытки с ее стороны освободиться от зависимости. Речь шла о судьбе русского народа, о том, удастся ему или нет сохранить условия для самостоятельного исторического развития. Если бы Россия не выстояла в этой борьбе, она была бы отброшена назад на столетия.

Внешнеполитические задачи, стоявшие перед великим князем Иваном III, можно разделить на непосредственные (первоочередные) и перспективные, рассчитанные на длительный период. Эти задачи решались умелой комбинацией дипломатических и военных средств.

Непосредственными задачами были: организация надежной обороны южной границы, способной сдержать военное наступление Большой Орды, а на западе — стабилизация отношений с Литвой и Ливонским орденом, которая должна была хотя бы на время обезопасить этот рубеж.

Перспективными задачами были, во-первых, накопление военных сил и создание таких внешнеполитических условий, которые бы позволили нанести поражение Большой Орде и свергнуть ордынское иго, и, во-вторых, возвращение западнорусских земель, попавших под власть Польско-Литовского государства. Последовательность решения этих задач не вызывала сомнений: успешная борьба за возвращение западнорусских земель была возможна только после свержения ига. Ясно было и то, что Польско-Литовское государство объективно выступает в качестве потенциального союзника Ахмед-хана.

Решение непосредственной внешнеполитической задачи — обеспечение безопасности южного рубежа от Ахматовых орд — осуществлялось в основном военными средствами. Попытки ордынцев прорваться в глубь русских земель предпринимались неоднократно, несмотря на то что соперничество Ахмед-хана с крымским ханом отвлекало внимание первого от русских рубежей. Об одной такой несостоявшейся попытке сообщают Воскресенская и Никоновская летописи под 1465 г.: «Того же лета поиде безбожный царь Махмут на Рускую землю с всею Ордою и бысть на Дону»; однако «прииде на него царь Азигирей (Хаджи-Гирей Крымский), и би его, и Орду взя, и начаша воевати промежь себя, и тако избави Рускую землю от поганых» [6].

Нападение Ахмед-хана ожидалось, видимо, и в 1470 г. Летописец упомянул, что в августе во время большого московского пожара, когда «загореся Москва внутри града» и город «выгорел весь, вста бо тогда и ветер силен с полунощи, и за рекою многи дворы погорели, а головни и береста со огнем добре далече носило, за много верст», «а князь великий был тогда на Коломне» [7]. Иначе, чем подготовкой к отражению ордынского вторжения, объяснить присутствие великого князя в Коломне, главной крепости «берега» и традиционном месте сбора русских полков, трудно.

В 1471 г. в Большой Орде шли переговоры посла короля Казимира, Кирея Кривого, с Ахмед-ханом. Королевский посол настаивал, «чтобы вольный царь пожаловал, пошел на Московского великого князя со всею Ордою своею». Ахмед-хан «тот весь год держал Кирея у себя», потому что, как неопределенно заметил летописец, «не бе бо ему с чем отпустити к королю его, иных ради зацепок своих» [8]. Эти «иные зацепки», связанные, вероятно, с враждебной позицией Крыма, помешали Ахмед-хану использовать удобный момент для нашествия на Россию совместно с королем Казимиром IV. Иван III сумел успешно провести первый поход на Великий Новгород, и его военные силы освободились для обороны южной границы. Когда же в 1472 г. Ахмед-хан все-таки начал поход на русские земли, ситуация явно изменилась не в его пользу.

Первые известия о походе Ахмед-хана были получены в Москве летом 1472 г. Летописцы сообщали, что «того же лета злочестный царь Ордински Ахмут подвижеся

на Рускую землю со многими силами, подговорен королем»[9].

Сообщения о сговоре Ахмед-хана с Литвой представляются вполне достоверными. Из Большой Орды только что возвратился королевский посол Кирей Кривой, которого раньше не отпускали лишь потому, что Ахмед-хану «не бе бо ему с чем отпустити». Теперь же положение изменилось: Ахмед-хан двинулся к русским рубежам «со многими силами».

О сговоре с королем Казимиром IV свидетельствует и маршрут похода — через литовские владения к Алексину, и наличие в ордынском войске местных проводников. Летописцы прямо указывали, что Ахмед-хан «поиде изгоном на великого князя не путма, с проводники, и приведше его проводники под Олексин городок с Литовского рубежа», «приведены бо быша нашими же на безлюдное место»[10]. Показательно, что возле «литовского рубежа» ордынцы оставили свои обозы, жен, больных и слабых, считая это место безопасным[11].

В Москве еще точно не знали о направлении удара Ахмед-хана и приняли обычные меры предосторожности. Великокняжеские полки заняли весь «берег» р. Оки. По свидетельствам летописцев, «князь великы посла воевод своих к берегу со многими силами; преж всех Федора Давыдовича отпусти с Коломничи, а князя Данило да князя Ивана Стрига со многими людьми на риз положение (т. е. 2 июля.— *В. К.*) к берегу посланы. По том же князь велики братью свою отпустил со многими людьми к берегу». Масштабы оборонительных мероприятий были весьма значительными: полки прикрыли все протяжение «берега». Как сообщает Псковская I летопись, тогда было «на полуторастах верстах 100 и 80 тысящь князя великого силы русския»[12]. Эти «полтораста верст» занимали все расстояние от Коломны до Калуги. Главные силы, как и в прошлые ордынские походы, были сосредоточены от Коломны до Серпухова на прямом направлении к Москве. В районе Калуги оставались «малые люди», находились «безлюдные места». Видимо, обходный маневр Ахмата со стороны «литовского рубежа» оказался в какой-то мере неожиданностью для русских воевод.

После получения новых вестей о приближении Ахмед-хана 30 июля сам великий князь «поиде вборзе к Коломне». Но Ахмед-хан даже не пытался форсировать Оку по прямому направлению к Москве, он решил обойти глав-

ные силы русского войска с запада. Летописец отмечал, что «царь со всею Ордою идет к Олексину».

Алексин, небольшой городок на высоком правом берегу Оки, не прикрытый рекой от ордынского нападения, не мог оказать серьезного сопротивления. По словам летописца, «в нем людеи мало бяше, ни пристроя городного не было, ни пушок, ни пищалей, ни самострелов». Однако первый приступ горожане Алексина отбили. На другой день штурм возобновился. Ордынцы «пакы приступи ко граду с многими силами, и тако огнем запалиша его, и что в нем людеи быша все изгореша, а которые выбегоша от огня, тех изнимаша».

Оборона Алексина задержала ордынцев. Пока они штурмовали городские стены, другой, не занятый ими берег Оки уже перестал быть «безлюдным местом». Прикрывая броды через реку, там встали воеводы «Петр Федорович да Семен Беклемишов». Правда, пока что «с малыми зело людьми», но на помощь им уже спешили со своими полками князь Василий Михайлович Верейский и брат великого князя Юрий, а следом за ними двигались главные силы великокняжеского войска.

Своевременное сосредоточение русских полков против Алексина решило исход войны — быстрый маневр полками оказался неожиданным для ордынцев. Предоставим слово летописцу: ордынцы «поидоша вборзе на брег к Оце с многою силою и ринушася вси в реку, хотя перелезти на нашу сторону, понеже же бо в том месте рати не было... но толико стоял туто Петр Федорович да Семен Беклемешов с малыми зело людьми... Они же начаша с ними стрелятися и много бишася с ними, уже и стрел мало бяше у них, и бежати помышляху, а в то время приспе к ним князь Василеи Михаилович с полком своим, и по сем приидоша полци княже Юрьевы Васильевича, в тои же час за ними и сам князь Юрьи прииде, и тако начаша одолети христиане... полци великого князя и всех князеи приидоша к берегу, и бысть многое множство их, тако же и царевича Даньяра (служилого «царевича» Ивана III.— *В. К.*). И се и сам царь прииде на берег и видев многые полкы великого князя, аки море колеблющися, доспеси же на них бяху чисты велми, яко сребро блистающи, и вооружени зело, и начат от брега отступати по малу в нощи тои, страх и трепет нападе на нь, и побеже гоним гневом божиим». Иван III распустил братьев своих «по своим отчинам, тако же и воево-

ды и вся воя своя, и раздидошася кииждо в свояси», «а сам поиде к Москве и прииде в град в неделю месяца августа в 23 день»[13].

Военное поражение Ахмед-хана в 1472 г. (то, что это было именно поражение, несмотря на отсутствие генерального сражения, не вызывает сомнений: ни одна из целей похода не была достигнута, ордынцы понесли значительные потери и поспешно отступили) имело далеко идущие последствия. Власть Большой Орды была значительно ослаблена. Это нашло отражение в существенном уменьшении дани. Известно, что в середине XV в. «ордынский выход» составлял 7 тысяч рублей, а после неудачного похода 1472 г., по сведениям П. Н. Павлова, сократился почти вдвое, до 4200 рублей[14]; в 1475 или 1476 г. выплата дани вообще прекратилась. О том, что «уплата выхода в Орду прекращена в 1476 г.», писал К. В. Базилевич[15].

Именно это время стало переломным этапом в русско-ордынских отношениях, что нашло отражение в записи Казанского летописца. Ахмед-хан послал посольство в Москву с требованием дани и личной явки Ивана III на ханский суд, однако его требования были отклонены. Ахмед-хан «посла к великому князю Московскому послы своя, по старому обычаю отец своих и з басмою, просити дани и оброки за прошлая лета. Великии же князь приим басму его и плевав на ню, низлома ея, и на землю поверже, и потопта ногама своима, и гордых послов всех изымати повеле, а единаго отпусти живе...»[16].

Некоторые историки (В. В. Мавродин, М. Г. Сафаргалиев) относят прекращение «ордынского выхода» еще к более раннему времени: к началу 70-х годов XV в., и есть данные, подтверждающие это мнение. По свидетельству Вологодско-Пермской летописи, Ахмед-хан в 1480 г. упрекал великого князя Ивана III в том, что «ко мне не идет, и мне челом не бьет, а выхода мне не дает девятои год»[17].

Не берусь судить, к началу или к середине 70-х годов XV в. относилось окончательное прекращение даннических отношений, что означало формальный отказ от верховной власти хана. Важнее сам факт, признаваемый большинством историков: великий князь Иван III односторонне разорвал традиционную систему русско-ордынских отношений. Это делало войну неизбежной. Только путем большой войны, причем обязательно с решитель-

ным исходом, Ахмед-хан мог надеяться на восстановление своей власти над непокорными русскими землями. Война стала для него политической необходимостью. С другой стороны, только путем военного отпора Иван III мог окончательно свергнуть ордынское иго. Обе стороны готовились к войне.

Планируя новое нашествие, Ахмед-хан не мог не учитывать урока, полученного им на «перелазах» через Оку возле Алексина. Русская оборона «берега» показала свою надежность, надежды прорваться через широкую и полноводную реку, защищаемую главными силами русского войска, у Ахмед-хана не было. Кроме того, решительный отпор вообще ставил под сомнение возможность победить Россию силами одной Большой Орды. Это, во-первых, заставляло Ахмед-хана искать новое направление похода, чтобы обойти укрепления «берега» Оки, и, во-вторых, заручиться помощью сильных союзников. С этого он и начал подготовку к войне.

Ивану III было необходимо предотвратить складывание антирусской коалиции, прежде всего военного союза Большой Орды и Польско-Литовского государства. Не менее важным было для него воспрепятствовать образованию единого фронта ордынских улусов. Ключ к решению и той и другой внешнеполитической задачи находился в Крыму.

Активную дипломатическую игру с Крымом великий князь Иван III начал сразу же после похода Ахмед-хана к Алексину. Первые шаги были сделаны с помощью некоего Хози Кокоса, связанного с крымским ханом Менгли-Гиреем. Менгли-Гирей сразу же откликнулся на дипломатическую инициативу Москвы, направив своего посла Ази-Бабу. Между Москвой и Бахчисараем было заключено предварительное соглашение «в братской дружбе и любви против недругов стоять за одно». В марте 1474 г. в Крым приехал великокняжеский посол Никита Беклемишев. Целью посольства было утверждение ханом предварительного соглашения и расширение сферы московско-крымского сотрудничества. Иван III хотел добиться включения в число «вопщих врагов» также короля Казимира IV. Правда, на первых порах Менгли-Гирей от такой трактовки «любви» уклонился, но переговоры были продолжены.

В ноябре 1474 г. Никита Беклемишев возвратился в Москву с крымским послом Довлетек-Мурзой. В марте

1475 г. в Крым отправилось московское посольство Андрея Старкова. Дело явно шло к заключению военного союза, но поход Ахмед-хана в Крым и временное свержение с ханского престола Менгли-Гирея прервали так удачно начавшиеся переговоры. Со ставленником Ахмед-хана новым крымским ханом Джанибеком переговоры о союзе были, естественно, бессмысленными. Когда же Менгли-Гирей с помощью турецкого султана вернул престол, московско-крымские контакты восстановились. В 1479 г. шли переговоры в Москве, а в следующем году — в Бахчисарае.

Многолетние и терпеливые дипломатические усилия Ивана III увенчались успехом. Накануне решительной схватки с Большой Ордой московский посол князь Иван Иванович Звенец подписал в Крыму договор с ханом Менгли-Гиреем. Русско-крымский союз имел оборонительно-наступательный характер по отношению к королю Казимиру и оборонительный по отношению к Ахмед-хану [18]. Сущность этого союзного договора формулировалась следующим образом: «А на Ахмата царя быть с нами за один: коли пойдет на меня царь Ахмат, и тобе моему брату, великому князю Ивану, царевичев твоих отпустить на Орду с уланами и с князми. А пойдет на тобя Ахмат царь, и мне Менли-Гирею царю на Ахмата царя пойти или брата своего отпустити с своими людми. Также и на короля, на вопчего своего недруга, быти нам с тобою заодин: коли ты на короля пойдешь или пошлешь, и мне на него пойти и на его землю; или король пойдет на тобя на моего брата на великого князя, или пошлет, и мне также на короля и на его землю пойти» [19].

Заключение военного союза с Крымским ханством было большим дипломатическим успехом великого князя Ивана III. Он исключал возможность совместного выступления против России двух самых сильных ордынских улусов — Большой Орды и Крыма. Угроза возможного нападения на южные литовские и польские земли со стороны Крыма заставляла быть осторожным короля Казимира, препятствовала его полному «единачеству» с Ахмед-ханом.

Все выгоды русско-крымского договора для России бесспорны. Однако преувеличивать военное значение его все же не следовало бы. Военные статьи договора остались фактически не выполненными крымским ханом. Менгли-Гирей вообще не исполнил своего обещания «на

Ахмата царя пойти или брата своего отпустити с своими людми», и в войне России с Большой Ордой в 1480 г. крымское войско фактически не принимало участия. Менгли-Гирей ограничился лишь кратковременным набегом на Подолию, что не оказало сколько-нибудь заметного воздействия на развитие событий. Королю Казимиру не потребовалось посылать на южную границу главные силы своего войска. Военные действия против вторгнувшихся воинов Менгли-Гирея велись местными силами. Фактически Россия сражалась с Ахмед-ханом один на один, своими собственными силами. Больше того, в целом России пришлось начинать войну с Большой Ордой в неблагоприятной внешнеполитической обстановке. Обострилось положение на северо-западных границах страны. Еще осенью 1479 г. начал подготовку к нападению на русские земли Ливонский орден. Как явствует из переписки между магистром Ливонского ордена и немецкими прибалтийскими городами, готовилось вторжение в псковско-новгородскую землю с участием Ганзы и отрядов немецких наемников. По свидетельству ливонской летописи Рюссова, магистр Бернгард фон дер Борх «собрал такую силу народа против русского, какой никогда не собирал ни один магистр ни до него, ни после». Весной и летом 1480 г. ливонцы неоднократно нападали на псковские городки и волости, а в августе, когда Ахмед-хан уже двигался к Оке, в Псковскую землю вторгнулся с большим войском сам магистр.

По данным той же хроники Рюссова, «этот магистр был вовлечен в войну с русскими, ополчился против них и собрал 100 000 человек войска из заграничных и туземных воинов и крестьян; с этим народом он напал на Россию, опустошительно прошел по этой стране и выжег предместье Пскова». Под стенами Пскова немцы потерпели неудачу; не удалось им взять и сильно укрепленный Изборск. Однако крупное немецкое наступление на Псковскую землю, несомненно, отвлекало часть военных сил Ивана III от основной задачи — войны с Ахмед-ханом.

Явно враждебной была и позиция польского короля Казимира IV. Он активно готовился к нападению на Новгород, установил связи с боярской оппозицией. В январе 1480 г. был арестован высший новгородский иерарх церкви архиепископ Феофил, роль которого в системе боярского управления была весьма велика: он ведал

внешними делами, казной, судом. Среди обвинений, предъявленных архиепископу, отмечалось намерение «передать» Новгород королю или «иному государю».

С происками Казимира был, вероятно, в какой-то мере связан и «мятеж» братьев великого князя. Не случайно мятежники направились прямо к литовскому рубежу и вступили в переговоры с королем, чтобы тот «управил их в обидах с великим князем и помогал». Выступление братьев великого князя было, конечно, вызвано в первую очередь внутренними причинами — противодействием удельных князей политике централизации, но в данный момент оно вплеталось в назревавшее столкновение России с Польско-Литовским государством и значительно осложняло положение на западной границе. Война с Литвой казалась вполне реальной.

К. В. Базилевич пишет: «Осенью 1480 г. Иван III стоял перед оформленной или неоформленной коалицией врагов: Ордена, действовавшего в союзе с немецкими городами в Лифляндии и Эстляндии (Рига, Ревель, Дерпт), Казимира, имевшего возможность располагать польско-литовскими силами, и Ахмед-хана, поднявшегося со своей Большой Ордой. Тяжесть положения усугублялась мятежом двух братьев, т. е. опасностью внутренней феодальной войны, которая должна была великому князю напоминать кровавую смуту, поднятую в годы его детства галицкими князьями. В течение всего великого княжения положение его не было более сложным и трудным, чем в эти осенние месяцы 1480 г.» [20].

Реально сложившаяся внешнеполитическая ситуация подсказывала Ивану III единственно верный выход: не полагаясь на результаты дипломатических комбинаций, организовать отпор нашествию Ахмед-хана.

Глава 7

НАКАНУНЕ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ

Непосредственную подготовку к нашествию на Россию Ахмед-хан начал, по мнению К. В. Базилевича, еще зимой 1480 г. [1] Вскоре о военных приготовлениях в Большой Орде стало известно Ивану III. В Московском летописном своде конца XV в. после записи от 13 фев-

раля о возвращении великого князя из Новгорода отмечалось: «В то же время слышашеся нахождение на Русь безбожного царя Ахмута Болшие Орды». В следующей записи, которая относилась к апрелю, об опасности большого ордынского похода говорилось уже более определенно, причем подчеркивались далеко идущие политические цели Ахмед-хана: «злоименитые царь Ахмат Большия Орды по совету братьи великого князя, князя Андрея и князя Бориса, поиде на православное христьяньство на Русь, похваляся разорити святыя церкви и все православие пленити, и самого великого князя, яко же при Батыи беше» [2].

Видимо, о неожиданном нападении со стороны Большой Орды речи быть не может. Великий князь Иван III имел время для организации обороны; причем первые мероприятия по укреплению южной границы были проведены им еще весной. По словам летописца, весной 1480 г., «славяще царя нашествие», Иван III «отпусти въевод своих к брегу (Оки.— *В. К.*) противу Татаром». Предосторожность оказалась не лишней. Вскоре на правом берегу Оки, в районе р. Беспуты, появился ордынский разведывательный отряд. Убедившись, что весь «берег» уже прикрыт московскими воеводами, ордынцы «поплениша Беспугу и отъидоша». Возможно, московское правительство приняло этот отряд за авангард ордынского войска, так как к Оке были немедленно посланы значительные силы. «Князь великий отпусти к брегу на Оку сына своего великого князя Ивана и брата своего меншего князя Андрея с всеми силами, да князя Василиа Михаиловича» [3].

Быстрое выдвижение к берегу большого войска, причем в необычное для таких маневров весеннее время, свидетельствует о том, что Иван III заранее готовился к войне с Большой Ордой и поддерживал военные силы страны в состоянии мобилизационной готовности. В летописных рассказах о событиях 1480 г. нет упоминаний ни о рассылке им гонцов перед походом Ахмед-хана, ни о сборе в Москве ратей из других русских земель и городов, как было, например, накануне Куликовской битвы 1380 г. Ахмед-хана ждали, и войска были уже собраны для отпора завоевателям.

Между тем разведывательный ордынский отряд отошел от Оки. Новых нападений не последовало, и воеводы с войсками были возвращены в столицу.

В чем заключался стратегический план Ахмед-хана? Основные черты его прослеживаются по летописям с достаточной определенностью.

Прежде всего Ахмед-хан постарался выбрать для похода наиболее благоприятный момент, когда военные силы России казались ослабленными («мятежа время» братьев великого князя, удельных князей Андрея Большого и Бориса, мятежа, который грозил перерасти в феодальную войну). Об этом узнал Ахмед-хан и счел момент удобным для решающего удара.

Кроме того, Ахмед-хан рассчитывал на совместное выступление с королем Казимиром IV. Поэтому на первом этапе войны главной целью ордынцев было соединение с польско-литовским войском. На все эти обстоятельства достаточно определенно указывают летописцы. «Братья отступиша от великого князя, а король Польскыи Казимер с царем Ахматом съединися, и послы царевы у короля беша, и съвет учиниша приити на великого князя, царю от себя полем, а королю от себя, и со царем вся Орда, и братаничь его царь Каисым, да шесть сынов царевых, и бесчисленое множество Татар с ними» [4].

Планы Ахмед-хана полностью совпадали с планами короля Казимира. Вологодско-Пермская летопись отмечает: «А Казимир, король Литовскои, слышав великих князей размирку, великого князя Ивана Васильевича с братьею своею не в миру, и слышав гнев великии Ахматов царев на великого же князя Ивана Васильевича, и порадовася тому король Литовскии Казимир, служить ему тогда Ордынскои князь Киреи Амуратович, а посылает его в Орду ко царю Ахмату, что князь великии немирен с братьею, что брат его князь Ондреи и з братом со князем з Борисом из земли вышли со всеми силами, ино земля ныне Московская пуста...» Король прямо призывал Ахмед-хана к немедленному походу на Россию: «ты б на него пошол, время твое, а яз нынече за свою обиду иду на него!» [5].

Сговор Ахмед-хана с Казимиром, а также тот факт, что планы их совместного похода на Россию действительно существовали и начали реализовываться, подтверждает и более поздний источник. В 1517 г. московские послы, перечисляя прошлые «неисправления» «королей польских и великих князей литовских», прямо обвиняли их в том, что «король Казимир, не хотя докончания пра-

вить, начал под государем подискиваться, и учеа бесерменство наводить, и к Ординскому царю Ахмату посылать, и навел его на землю государя, и приходил Ахмат под Угру, в вожех (проводниках.— *В. К.*) у него были королевы люди, Сова Карпов и иные люди» [6].

Главной стратегической целью первого этапа войны, т. е. соединением ордынского и польско-литовского войска, определялся и маршрут похода Ахмед-хана. Соединиться было удобнее всего где-нибудь возле «литовского рубежа». По данным В. Н. Татищева, Ахмед-хан «послал паки к королю, чтобы на межех соединитися» [7]. Вологодско-Пермская летопись уточняла место и время соединения ордынского и польско-литовского войск: «на осень на усть Угры» [8].

Низовье р. Угры действительно было очень удобным местом для встречи противников Ивана III. Из Литвы сюда вела прямая дорога, прикрытая со стороны московских владений Угрой. Ахмед-хан имел возможность подойти сюда, минуя Рязанское княжество, по окраинам литовских владений, что и было им сделано. Для ордынцев это был безопасный и удобный путь, который позволял достигнуть русских рубежей без потерь.

Темпы похода ордынцев были поставлены в полную зависимость от степени готовности короля Казимира к войне с Россией. Московский летописец отметил, что «поиде злоименитыи царь Ахмат тихо велми, ожидая короля с собою» [9].

Трудно сказать, когда Ахмед-хан окончательно решил нанести фланговый удар через Угру; но то, что этот маневр допускался ордынцами с самого начала, несомненно. Возможно, на его решение повлияли «вести», доставленные весной разведывательным отрядом, о том, что московские полки уже стоят на оборонительной линии «берега» р. Оки. Но более вероятно, что Ахмед-хан решил повернуть к р. Угре после того, как на правый фланг «берега», в Тарусу и Серпухов, пришли главные силы русского войска. Именно так трактует поворот ордынцев к западу московский летописец: «Слышав же царь Ахмат, что на тех местех на всех, куда прити ему, стоят противу ему с великыми князи многыя люди, и царь поиде в Литовъскую землю, хоте обойти чрес Угру» [10].

В свою очередь стратегический план великого князя Ивана III предусматривал одновременное решение нескольких сложных и различных по характеру военных

задач, которые в совокупности должны были обеспечить превосходство над Ахмед-ханом и его литовским союзником; дипломатические задачи, как уже говорилось, были в основном решены до начала ордынского похода.

Ивану III необходимо было прежде всего прикрыть войсками прямой путь к столице, для чего на традиционном оборонительном рубеже «берега» Оки были сосредоточены значительные силы. Эти меры были необходимы, так как Ахмед-хан двигался с Волги к Верховьям Дона, откуда одинаково легко было и идти прямо к Оке, и повернуть к «литовскому рубежу». Нужно было считаться с той и другой возможностями. Необходимо было также организовать оборону Москвы и других городов на случай неожиданного прорыва ордынцев: такого поворота событий тоже нельзя было полностью исключать.

Наконец, нужно было ослабить главный удар Ахмед-хана, заставить его раздробить свои силы. Это могло быть достигнуто путем организации отвлекающих ударов по ордынцам на второстепенных направлениях — тактика, которой Иван III успешно пользовался в войне с Новгородской феодальной республикой.

Проводя эти неотложные мероприятия, необходимо было подумать и о том, как выиграть время, чтобы преодолеть внутриполитический кризис и успеть привлечь к военным действиям против Ахмед-хана полки мятежных братьев великого князя. Обстоятельства диктовали выжидательную тактику, и именно эта тактика в конечном итоге была принята Иваном III. Активные наступательные действия сыграли бы на руку Ахмед-хану.

Посмотрим, как практически решались эти задачи.

Планы войны обсуждались на большом совете в Москве, в котором принимали участие сам Иван III, его дядя князь Михаил Андреевич Верейский, мать великого князя «инока Марфа», митрополит Геронтий и все бояре. О решениях совета подробно рассказывал В. Н. Татищев: «положиша тако: на Оку к берегу послать сына своего великого князя Ивана Ивановича да брата Андрея Ивановича Меньшаго, и с ними князей и воевод с воинством, колико вскоре собрать мосчно; а низовые воинства с ханом Удовлетем да со князем Василием Звенигородским послати наспех плавное на град Болгары, зане тамо людей мало, и тако учиниша. А князь великий Иван Васильевич остался в Москве ожидати верховых воинств» [11].

Перед нами предстает развернутый план войны, предусматривавший и прикрытие «берега» р. Оки, и отвлекающий удар «судовой рати» по Волге на владения Большой Орды, и очередность выдвижения войск: сначала — полки, собранные в Москве, затем — «низовые воинства» («Низом» называли Владимиро-Суздальскую Русь) и, наконец, «верховые воинства» из северных городов, что означало завершение мобилизации всех военных сил страны. «Верховые воинства», вероятно, должны были составить стратегический резерв под командованием самого великого князя.

Летописцы не сообщают об этом совете, но данные о фактическом развертывании русского войска летом 1480 г. полностью подтверждают уникальное известие В. Н. Татищева. По свидетельству московского летописца, великий князь Иван III «начат отпускати к Оце на брег своих воевод с силою, а брата своего князя Андрея Васильевича Меньшого отпустил в его отчину в Торусу противу им же, и по том сына своего великого князя Ивана отпустил ко Оце же на берег в Серпухов месяца июня в 8 день, а с ним многы воеводы и воиньство бесчисленое» [12].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что главные силы великокняжеского войска были поставлены на западном участке «берега», в районе Серпухов — Таруса. Отсюда их можно было легко передвинуть к Коломне, если бы Ахмед-хан решился нанести прямой удар на Москву, или к Алексину и Калуге, если бы он попытался обойти «берег» через литовские владения. Таким образом, группировка войска в Серпухове и Тарусе обеспечивала условия для решения сразу двух стратегических задач: и обороны «берега», и прикрытия «литовского рубежа».

Не следует, однако, думать, что лишь этой группировкой ограничивалась оборона «берега» Оки. Войска были поставлены вдоль всего «берега». При всей кажущейся трудности создания сплошной линии обороны вдоль Оки это было делом вполне возможным. Бродов и «перелазов» на глубокой и полноводной реке было сравнительно немного. Немного было и вообще удобных для форсирования мест, с легкими подходами, с пологими берегами. Если ехать на пароходе от Коломны до Серпухова, таких мест можно насчитать немногим более десятка, в основном возле впадения в Оку ее малых

притоков. Бóльшая же часть берега покрыта лесами, мешавшими проходить значительным массам конницы. На многие километры тянутся отвесные обрывы, не очень высокие, но непреодолимые со стороны реки. Такие участки «берега» достаточно было прикрыть сторожевыми разъездами, а полки сосредоточить на немногих, отлично известных русским воеводам бродах и «перелазах». Так и было сделано. По свидетельствам летописцев, «прочии же князи и воеводы по иным местом у Оки по брегу» встали со своими полками [13].

Дальше события развивались так. В Москве были получены сведения о приближении ордынцев к Дону, «и князь великы Иван Васильевич, слышав то, поиде сам противу ему к Коломне месяца июня в 23 день, и тамо стояша и до покрова» (т. е. до 1 октября); другие летописцы называли другую дату — 23 июля; нет единого мнения по этому вопросу и у историков. Для нас важно одно: великий князь Иван III летом допускал возможность прямого удара Ахмед-хана на Москву и выдвинул стратегический резерв в Коломну, в традиционный пункт сбора русских ратей. Все происходит, таким образом, в полном соответствии со «сценарием», написанным В. Н. Татищевым в его рассказе о совете в Москве.

Сложнее обстоит дело с отвлекающим ударом «судовой рати». Кроме В. Н. Татищева, о нем сообщает только «Казанский летописец» — источник, в достоверности которого историки высказывали сомнения. Вот это интересное сообщение: великий князь Иван III «посылает, отаи, царя Златыя Орды пленити служивого своего царя Нурдовлета Городецкого, с ним же воеводу князя Василья Ноздреватого Звенигородцкаго, со многою силою, доколе царь стояше на Руси. Царь же того не ведающи, они же Вольгою в лодиях пришедши на Орду, и обретоша ю пусту без людеи, токмо в неи женеск пол, стар и млад, и тако ея поплениша, жен и детеи варварских и скот весь: овех в полон взяша, овех же огню и воде и мечю предаша, и конечное хотеша юрты Батыевы разорити. И прибегоша вестницы ко царю Ахмату, яко Русь Орду его расплениша, и скоро, в том же часе, царь от реки Угры назад обретися бежати» [14].

Н. С. Голицын считал это сообщение вполне достоверным. Возможность «тайной посылки Иваном III в Большую Орду войска» допускает и Л. В. Черепнин [15].

Тактика отвлекающих ударов была обычной для военного искусства Ивана III, и дерзкий рейд «под Орду» представляется возможным.

Выдвижение русского войска к «берегу» окончательно похоронило надежды Ахмед-хана сокрушить Россию фронтальным наступлением, и он повернул от верховьев Дона к литовским владениям. Об этом имеются прямые свидетельства летописцев: «Слышав же царь Ахмат, что на тех местех на всех, куды прити ему, стоят против ему с великими князи многые люди, и царь поиде в Литовъскую землю, хотя обойти чрес Угру»; «поиде к Литовскои земли, обходя реку Оку, а ожидая к себе короля на помочь или силы» [16].

Война вступила в следующий этап, который потребовал перегруппировки русских войск. Это и было сделано Иваном III во время его пребывания в Коломне. Из Серпухова и Тарусы полки переводились еще западнее, к Калуге, и непосредственно на берег р. Угры. Великий князь велел «ити сыну своему великому князю Ивану Ивановичю и брату своему Андрею Васильевичю Меньшому к Колузе к Угре на берег». Вологодско-Пермская летопись уточняла, где располагались главные силы войска во главе с князем Иваном Ивановичем: «велел ему стояти на усть Угры» [17]. К р. Угре направлялись теперь и подкрепления из различных городов России. Так, Тверской летописец специально отмечал, что «на реце на Угре» тогда «сила была великаго князя Михаила Борисовича Тверскаго, а воеводи были князь Михайло Дмитриевич Холмьский да князь Иосиф Андреевич Дорогобужской» [18].

Опередить ордынцев, успеть раньше их выйти к Угре, занять и укрепить все удобные для переправы места, броды и «перелазы» — это больше всего заботило великого князя.

Фланговый маневр Ахмед-хана представлял серьезную опасность, но позволял Ивану III выиграть время. Непосредственное вторжение ордынцев в пределы России надолго отсрочивалось. После того как главные силы войска были передвинуты к Угре, «коломенское сиденье» великого князя утратило свой смысл. Передышку он использовал для того, чтобы уладить свои отношения с мятежными братьями, и возвратился в Москву. Летописцы единодушны в оценке цели возвращения великого князя: он прибыл в столицу «на совет и думу, к отцу

своему митрополиту Геронтию и к матери своей великой княгини иноке Марфе, и к дяде своему князю Михаилу Андреевичю Верейскому, и к всем своим бояром, все бо тогда беша во осаде на Москве».

Главным вопросом теперь было примирение с братьями, и Ивану III удалось этого достигнуть. «В то время приидоша на Москву послы братьи его, княж Ондреевы и княж Борисовы, о миру,— повествует летописец.— Князь же великы жаловал братью свою, послов отпустил, а самим им велел прити к себе вборзе». Другой целью поездки была, по-видимому, организация обороны самой Москвы. Великий князь «град окрепив, а в осаде в граде Москве сел митрополит Геронтей, да великая княгини инока Марфа, да князь Михаил Андреевич, да наместник Московской Иван Юрьевичь, и многое множество народа от многых градов».

В столице Иван III пробыл недолго: уже 3 октября он отправился к войску [19].

Правда, существуют и другие летописные версии переговоров Ивана III с братьями. Софийская II летопись утверждает, что не братья послали послов к великому князю, а сам он «повеле послати по них, а рекся их пожаловати». Вологодско-Пермская летопись сообщала, что не только великий князь направил послов, но и его мать «послала своего боярина, а митрополит своего боярина с тем, что князь великий братью свою жалует и в докончание их принимает» [20]. Однако эти разночтения в летописях не меняют существа дела. Примирения с братьями великому князю удалось достигнуть, его возвращение в Москву для переговоров полностью оправдало себя. Именно так оценивают смысл и результаты поездки Ивана III из Коломны в Москву историки (Г. Карпов, Л. В. Черепнин, П. Н. Павлов). К. В. Базилевич писал: «Приезд Ивана в столицу вызывался, с одной стороны, необходимостью закончить переговоры о примирении с братьями, а с другой — привести Москву в состояние готовности к осаде. Этот кратковременный отъезд великого князя от войска никакого ущерба военному положению не наносил» [21].

Прибыв к войску, Иван III остановился в г. Кременце (позднее — с. Кременецкое), между Медынью и Боровском, примерно в 50 километрах позади русских полков, стоявших вдоль берега р. Угры. По свидетельству летописца, он «ста на Кременце с малыми людми, а лю-

деи всех отпусти на Угру к сыну своему великому князю Ивану, а сын его князь великы Иван и брат его князь Андреи Меншои стояша на Угре противу царя со многим воиньством» [22].

Военная целесообразность выбора Кременца для ставки великого князя не вызывает сомнений. Из Кременца было удобно руководить обороной всего берега, сюда подходили подкрепления из разных городов страны. «Придоша же тогда братия к великому князю на Кременец, князь Андреи Васильевичь Большои и князь Борис Васильевичь, своими силами на помощь великому князю противу царя Ахмута, князь же великы с любовью прия их» [23].

На выгоды кременецкой позиции в свое время обращал внимание польский историк Ф. Папэ: «Позиция самого Ивана III под Кременецким селом была превосходна, ибо не только служила резервом для корпусов у Угры, но еще заслоняла Москву со стороны Литвы». Польского историка поддерживает К. В. Базилевич, который приводит дополнительные аргументы в пользу «кременецкой позиции» великого князя Ивана III. «Конная масса татар могла быстро передвигаться вдоль берега, выбирая наиболее удобные и хуже защищенные места для переправы. Узкая Угра не представляла сильного естественного препятствия для противника, поэтому со стороны тактических требований было бы неразумно держать все силы у самой реки. В этом случае прорыв на левый берег Угры поставил бы обороняющиеся войска в тяжелое положение. Кременецкая позиция давала возможность быстро перебрасывать войска к угрожаемому участку» [24]. Именно военной целесообразностью можно объяснить стоянку великого князя Ивана III позади р. Угры, в Кременце.

Как была организована оборона р. Угры?

Основная группировка русских войск во главе с сыном Ивана III князем Иваном Ивановичем Меньшим была сосредоточена в районе Калуги и прикрывала устье Угры. Дальнейшие события показали, что русские воеводы правильно оценили обстановку и прикрыли главными силами самое опасное место. Именно здесь произошло генеральное сражение.

Русские полки были расставлены также вдоль всего нижнего течения Угры, по которой проходила тогда русско-литовская граница. Как сообщала Вологодско-Перм-

ская летопись, русские войска «ста по Оке и по Угре на 60 веръстах»[25], на участке от Калуги до района Юхнова, где русско-литовская граница переходила на левый берег Угры и тянулась дальше по суше на северо-запад; конечно, в пределы литовских владений русские «береговые полки» не заходили.

На этом 60-верстном пространстве и состоялось знаменитое «стояние на Угре-реке». Главной задачей «береговых» воевод было предотвращение прорыва ордынской конницы через Угру, для чего необходимо надежно защитить все удобные для переправы места. Это и было сделано. По словам летописцев, русские полки «пришед сташа на Угре, и броды и перелазы отняша»[26].

Никаких подробностей организации обороны на Угре летописцы не сообщают. Однако имеется специальный «Наказ к угорским воеводам», который сохранился в составе Разрядной книги под 1512 г. Несомненно, этот наказ составлялся с учетом опыта происходивших здесь ранее оборонительных сражений против ордынцев и в какой-то мере позволяет судить об общих принципах обороны.

Непосредственная оборона бродов и «перелазов» была поручена пехоте. «Угорским воеводам» предписывалось «пищальников и посошных розделити по полком, сколько где пригоже быти на берегу. А воевод им и людей розставить по берегу, вверх по Угре и вниз по Угре, и до устья, и по всем местам, где пригоже». Ясно, что «пригоже» было ставить полки на местах, удобных для переправы. Там возводились укрепления, занятые постоянными заставами из «пищальников» и «посошных людей».

Несколько иная роль отводилась дворянской поместной коннице. Отряды дворян и «детей боярских» патрулировали берег между пехотными заставами, поддерживали связь между ними. Расположенные поблизости от берега конные полки, обладавшие большой маневренностью, спешили на помощь пехоте, когда определялось направление главного удара ордынцев. Конница предназначалась и для активных наступательных действий. «Угорским воеводам» разрешалось, «будет коли пригоже, посмотря по делу, отделив им воевод с людми от себя, послати за Угру» и даже в случае необходимости самим выдвинуться за реку с главными силами. Однако главной задачей и при таком наступательном варианте оставалась оборона берега. Воеводам строго указывалось на

оборонительной линии «оставити детей боярских не по многу, и пищальников, и посошных»[27].

Вырисовывается картина жесткой обороны на широком фронте, с вылазками конных отрядов «за реку»; причем в качестве силы, удерживавшей позиции, называются пищальники, вооруженные ручным огнестрельным оружием (пищалями), и пехотинцы — «посошные», поддержанные действиями конных дворян и детей боярских.

Естественно возникает вопрос, в какой мере пищальники могли в то время выполнять возложенные на них ответственные задачи по обороне берега. Другими словами, стало ли в последней четверти XV в. огнестрельное оружие реальной силой в русской армии?

Предоставим слово исследователям военного дела на Руси.

По наблюдениям А. Н. Кирпичникова, первые пушки появились в Москве еще за сто лет до «стояния на Угре», накануне Куликовской битвы. Первоначально это было оружие чисто оборонительное, позиционное и использовалось при обороне городов. В середине XV в. уже известны случаи «огнестрельного взятия городов», так называемый «наряд» превращается в наступательное оружие. А в интересующее нас время пушки и пищали применяются и в «полевом бою». По свидетельствам иностранцев, у пушек были «станки на колесах», т. е. колесные лафеты. Введение их означало выделение полевой артиллерии, позволяло ей маневрировать в полевой войне.

О том, что ордынцев отбивали на Угре пищалями, т. е. длинноствольными орудиями, которые обладали прицельным и достаточно эффективным настильным огнем, существуют прямые указания летописцев. На миниатюре Лицевого свода, иллюстрирующей «стояние на Угре», были нарисованы пушки и ручные пищали, противопоставленные ордынским лукам. Вологодско-Пермская летопись называла в составе «наряда» на Угре также тюфяки. Тюфяки были разновидностью огнестрельного оружия, входившего в «походный наряд». Они представляли собой короткие, стрелявшие картечью («дробосечным железом») пушки, которые предназначались для стрельбы преимущественно по живой силе; часто имели коническую форму, приспособленную для веерного разлета картечи. Заблаговременно выставленные на бродах и «перелазах» через Угру, тюфяки являли собой грозное по тем временам оружие.

Достаточное распространение получило в русском войске и ручное огнестрельное оружие. Легкие тюфяки, весом немногим более 4 килограммов, закрепленные на деревянном прикладе, так и назывались «ручницы». Еще более легкие «ручницы», весом всего в полкило, были на вооружении части «детей боярских», т. е. конницы.

Но главную силу, вероятно, все-таки составлял тяжелый «пищальный наряд», который и обслуживали пищальники. А. Н. Кирпичников специально подчеркивал, что эти пищальники, набиравшиеся из посадского населения, широко использовались для «береженья» бродов на пограничных реках.

Выбор оборонительной позиции на берегу Угры, кроме ее выгодного стратегического положения, определялся еще и желанием русских военачальников наиболее эффективно использовать принципиально новый род войск — пищальников и «огненных стрельцов», которые появились в составе русского войска. Учитывалось то, что «полевой наряд», еще не обладавший большой маневренностью, выгоднее было использовать в позиционной войне, поставить тяжелые пищали и тюфяки на заранее подготовленных позициях возле бродов через Угру, по которым ордынская конница могла бы прорваться в русские земли. Здесь она, лишенная свободы маневра, была бы вынуждена наступать прямо на пищали и пушки русского войска. Так Иван III, выбирая позицию на Угре, навязывал Ахмед-хану свою стратегическую инициативу, вынуждал его начинать бои в невыгодных для ордынцев условиях, максимально использовал превосходство русского войска в огнестрельном оружии.

Этими же соображениями диктовалась необходимость строго оборонительных действий. При наступательных операциях за Угрой (на чем так настаивали политические противники Ивана III, особенно архиепископ Вассиан) русское войско теряло свое важнейшее преимущество — «огненный бой». «Ручницы», которые были на вооружении части пехотинцев и «детей боярских», не компенсировали отсутствия тяжелого «наряда» в полевом сражении с ордынцами.

Организация обороны Угры показала, что Иван III был искусным военачальником, умевшим максимально использовать сильные стороны своего войска и создавать такие условия, при которых сильные стороны войска противника не могли бы проявить себя в полной мере.

Иван III умело использовал также особенности вооружения и выучки русского войска. Во второй половине XV в. уменьшается роль копейщиков. В связи с развитием дворянской поместной конницы основным наступательным оружием становятся сабля и лук, однако копья еще остаются на вооружении многих пехотинцев. Наибольшее распространение получают единообразные копья с узколистными наконечниками, с пером удлиненно-треугольной формы, с массивной граненой втулкой. Широко применяются и дротики-«сулицы», которые называют «копье пешее, малое». Это универсальное оружие: и метательное, и ударного действия.

Массовым оружием «пеших воев» еще остаются рогатины и топоры. Новым же видом холодного оружия становятся длиннолезвийные топоры-бердыши, которые используются «огненными стрельцами» как подставки для «ручниц». Однако и сами бердыши — достаточно грозное оружие. Бердыш с длинным полулунным лезвием предназначается для размашистого удара двумя руками, им же можно наносить уколы. Более широкое распространение, чем раньше, получают сабли, которые в массовом масштабе находятся теперь на вооружении дворянской конницы. Саблями удобнее, чем мечами, биться с быстрыми, но легковооруженными ордынскими всадниками.

Улучшается и защитное вооружение русских воинов. Кольчуги заменяются панцирями, «дощаными бронями», в которых кольчужная сетка комбинируется с железными пластинками. Панцирь, или «наборная броня», лучше защищает от ордынских сабель и стрел. Щиты преимущественно небольшие, круглые, легкие; более надежная броня позволяет отказаться от тяжелых длинных щитов [28].

Совершенное по тем временам защитное вооружение было важным преимуществом русского войска перед ордынским. Одетые в доспехи русские воины имели явное преимущество в «прямом бою». Организуя жесткую оборону на Угре, Иван III стремился максимально использовать и это преимущество. Для фланговых и обходных маневров у ордынцев не было достаточного простора. Они вынуждались к «прямому бою», к фронтальному наступлению на пищали и тюфяки, на сомкнутый строй тяжеловооруженных русских воинов.

Если верно ходячее выражение, что истинный полководец выигрывает сражение до его начала, то Иван III,

выбрав наиболее выгодный для русского войска способ действий, заблаговременно заняв сильные позиции на Угре и вынудив ордынцев к фронтальному наступлению, к «прямому бою», в котором они не были сильны, подготовил благоприятные условия для победы.

Но победу эту еще предстояло добывать в жестоких сражениях: конные орды Ахмед-хана неумолимо надвигались на русские рубежи.

Глава 8

УГРА — РЕКА ПОГРАНИЧНАЯ

Как двигался Ахмед-хан к р. Угре? Свидетельства летописцев позволяют достаточно определенно ответить на этот вопрос. Ахмед-хан «поиде со всеми своими силами мимо Мченеск, и Любутеск, и Одоев» [1].

Ордынцы, таким образом, двинулись к русским рубежам по водоразделу между верховьями Дона и Оки, где было меньше, чем в соседних областях русской «украи́ны», водных преград.

Но не только удобствами самого пути определялся выбор Ахмед-хана. Не меньшее значение имели политические и военные соображения. Правитель Большой Орды хотел соединиться с «литовской помощью», а до этого стремился избегать сражений. Поэтому он пошел через «верховские княжества» (так называли княжества в верховьях Оки), которые находились тогда в вассальной зависимости от Литвы. Граница подвластных Литве «верховских княжеств» тянулась восточнее линии Новосиль—Мценск—Любуцк до самой Оки [2]. Несколько западнее этой линии и шли на север полчища Ахмед-хана.

Ордынцы обошли стороной Елецкое княжество, которое уже находилось в подчинении Москвы, совершенно не затронули соседний Тульский край, тоже принадлежавший к московским владениям. Ахмед-хан явно старался не ввязываться в бои, обходить укрепленные города.

Вопрос о том, почему Ахмед-хан не прошел еще дальше в литовские владения, на левый берег Оки, где тоже были «верховские княжества», отпадает сам собой, если

учитывать географические особенности этого района. «Заоцкий край» представлял собой лесную холмистую равнину, перерезанную множеством мелких рек, покрытую лесами и болотами, которые были почти непроходимы для ордынской конницы. Население «Заоцкого края» привыкло к войнам со степняками, здесь было много укрепленных городов. По наблюдениям М. Н. Тихомирова, ордынская конница «предпочитала обходить эти районы из-за большого количества естественных препятствий» [3].

По восточным окраинам литовских владений ордынцы дошли до г. Любуцка, который стоял на правом берегу Оки, между Калугой и Алексиным. Здесь литовские владения на протяжении примерно 60 километров непосредственно примыкали с юга к «берегу» Оки, и Ахмед-хан мог спокойно сосредоточить силы для прямого удара.

Однако форсирование ордынцами Оки в районе Любуцка не состоялось. Противоположный берег был надежно прикрыт русскими полками, заранее передвинутыми в район Калуги и близлежащих городов. Литовская помощь, на которую так рассчитывал Ахмед-хан, запаздывала. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что сама Ока выше Калуги представляла серьезную естественную преграду для ордынской конницы. Ока против самой Калуги имела ширину 100—130 сажен (200—260 метров) при глубине в летнее время до 3—4 сажен (6—8 метров). Ниже Калуги, в пределах бывшего Калужского наместничества (до района Тарусы), ширина реки увеличивалась до 200 сажен (более 400 метров), а глубина — до 7 сажен (14 метров) [4]. Бродов на этом участке вообще не было. Широкая и глубокая река преградила путь ордынскому войску, и Ахмед-хан повернул на запад, чтобы совершить давно задуманный обходный маневр через Угру.

Чтобы выйти к Угре, ему все же пришлось форсировать Оку, но там, где не было русских полков и где река представляла не такую серьезную преграду. Это было сделано в пределах литовских владений, выше устья р. Угры. Здесь в 2,5 и в 4,5 версты от устья Угры имелись два удобных брода, по которым ордынская конница могла перейти на левый берег. Видимо, по ним и пошел Ахмед-хан.

Такой маршрут ордынского войска подтверждается данными летописцев. В Ермолинской летописи читаем:

«приде царь Ахмат и стоял в начале у Оки, а оттоле иде на Угру»[5]. Уточняли летописцы и место сосредоточения ордынцев на самой Угре. Они «придоша к Угре реце, иже близ Колуги»[6]. Это был район угорского устья.

Пограничная Угра в прошлом не раз была местом военных столкновений. Еще в 1147 г., по сообщению московского летописца, половцы «повоеваша Угры верх». В 1168 г. великий киевский князь «иде на половци з братьею, своею», и именно здесь нанес им поражение. Он «пришедше на станы их на Угре реще, и взяша вежи их, а самих угониша у Чернаго леса, и избиша, а иных изымаша, и полона бесчислено множество взяша»[7].

В 1352 г. московский князь Семен Иванович Гордый «събравше силу многу, идоша ратью к Смоленску». Именно на Угре его встретили смоленские послы. Семен Гордый «сам подвижеся еще по Угре, хотя ити к Смоленьску, и ту приидоша к нему послы смоленьскиа. Он же стояв на Угре осмь дней, и своя послы посла в Смоленеск, и взям мир». В 1409 г. на берегах Угры сошлись русские и литовские рати. По словам летописца, «изходящу нестроения великому князю Василию Дмитриевичю с Витовтом, и приидоша обои ко Угре реце, и мало постоявше, взяша мир по старине и разыдошася кождо во свояси»[8].

Осенью 1480 г. берега Угры стали местом событий неизмеримо большего исторического значения: здесь решался вопрос о том, останется ли Россия данницей Орды или превратится в независимое, суверенное государство.

Где же проходили на Угре решающие события свержения ига?

На этом вопросе необходимо остановиться подробно, потому что в исторической литературе он не нашел однозначного решения.

Н. С. Голицын писал неопределенно, что «стояние» было где-то «между Юхновым и Калугой»[9].

А. Е. Пресняков упоминал о попытке Ахмед-хана форсировать Угру в районе Юхнова, «под Опаковым городищем»[10]. Это мнение поддержал впоследствии Д. И. Малинин, отметив, что ордынцы пытались «переправиться через Угру под Опаковым (недалеко от Юхнова)»[11]. Следует отметить, что «Опаково городище» находилось на расстоянии 10 верст от Юхнова, выше по течению Угры.

П. Орловский переносил место боев на Угре еще выше по течению. «При устье Вори — село Городец или Дмитровец с высоким городком. В 1480 г. здесь стоял хан Ахмат, боясь перейти Угру» [12].

Из современных авторов эту точку зрения разделяет В. Е. Маслов. Он пишет в своей книге по истории города Юхнова: «Ахмат сделал попытку переправиться через Угру у Опакова и Дмитровца... Особенно большое сражение развернулось в устье Вори» [13].

Другая точка зрения была изложена в конце прошлого века в обобщающем труде по географии России под редакцией П. П. Семенова [14]. Там говорится: «Слияние Угры с Окой есть тот интересный исторический пункт, на котором в 1480 г. разрешился вопрос об окончательном освобождении России от татарского владычества. Место впадения Угры в Оку, где сошлись противники, очень живописное. Здесь и доныне стоит церковь — остаток древнего Спасского монастыря, а около нее с. Спасское. Это место и было, вероятно, занято пришедшими сюда в июле (?) татарами, а русские, оборонявшие левые берега Оки и Угры, уже до прихода татар завладели всеми переправами и бродами». После неудачной попытки форсировать реку Угру близ ее устья Ахмед-хан «решился выжидать рекостава в своем лагере, на правом берегу Угры, у слияния ее с Окой», где даже в конце XIX в. были «заметны еще остатки укреплений у д. Городца»; «все это, вероятно, остатки укрепленного лагеря Ахмата».

Такого же мнения придерживался и К. В. Базилевич. «Ахмед-хан приблизился к месту впадения в Оку р. Угры», где и произошло сражение, после чего «Ахмед-хан отошел от реки и остановился в двух верстах от нее в Лузе» [15]. В другой своей работе К. В. Базилевич тоже отмечал, что Ахмед-хан подходил к Угре «неподалеку от Калуги» [16].

Та и другая точки зрения основывались на летописном материале: первая — на свидетельстве Вологодско-Пермской летописи о попытке Ахмед-хана перейти Угру «под Опаковым городищем», вторая — на летописных известиях о сосредоточении главных сил великокняжеского войска под Калугой и о движении ордынцев к устью Угры. К анализу этих летописных текстов мы еще вернемся. А пока остановимся на важном моменте, который почему-то не привлек внимания исследователей, на характеристике района Угры с военно-географической точки зре-

ния как театра военных действий, оценке позиций на берегах Угры на общем фоне войны.

Стратегически устье Угры было наиболее выгодным для сосредоточения ордынского войска и для броска через реку. К этому месту имелись удобные подходы с юга по левому берегу Оки, которыми воспользовались ордынцы. Удобные подходы были и с запада, со стороны Литвы, а если вспомнить, что главной стратегической целью Ахмед-хана на первом этапе войны было соединение со своим литовским союзником, то это обстоятельство приобретает решающее значение. К устью Угры вдоль ее правого, «литовского» берега тянулась сухопутная дорога из Вязьмы, по которой ожидалась литовская помощь и которую ордынцы могли использовать для маневров. Даже в середине XIX в. Российский генеральный штаб рекомендовал эту дорогу для передвижения войск от Вязьмы к Калуге через Знаменское, Климов завод, Юхнов, Зубовскую, Роговичевскую к устью Угры [17]. Кроме того, близ устья Угры находилось самое удобное место для форсирования водной преграды. На север от устья Угры вела сухопутная дорога через Калугу, Малоярославец, Медынь в глубь русских земель.

Обратимся теперь к географическим описаниям района Угры.

Площадь бассейна р. Угры 15 700 квадратных километров, длина реки 447 километров; она уступает по длине только трем другим притокам Оки: Клязьме, Мокше и Москве-реке [18]. Угра берет начало в Ельнинском уезде, течет по Смоленской губернии, потом служит границей между губерниями и, наконец, течет по Калужской губернии, впадая в Оку возле Калуги. В географических описаниях середины прошлого века отмечалось, что «Угра протекает по узкой луговой долине шириною от 40 до 60 сажен, в берегах крутых и местами обрывистых».

Описывая «перелазы» и броды через Угру, составитель географического обзора то и дело отмечает, что возле них «спуски к переправе круты и затруднены для обозов», «спуск с правого берега крутой и затруднителен» и т. д. Отдельные участки берега достигали высоты более 200 метров над уровнем моря. Выходы известняка на береговые обрывы отмечались во многих местах Угры: у деревень Павлово, Королево, Коноплевка, Алоньи Горы, Палатки, в окрестностях Юхнова. Рельеф Угры представлял серьезное естественное препятствие для перепра

вы больших масс конницы. Кроме того, подходы к Угре затруднялись множеством притоков, мелких речек и ручьев. Например, только в Юхновском уезде в Угру впадали речки: Вербиловка, Гордота, Слоча, Еленка, Ливоничевка, Волста, Сигоста, Воровка, Жижала, Вуйка, Воря, Ужатка, Ремиж, Кунова, Сохна, Полынка и другие.

Угра была раньше довольно глубокой и широкой рекой. Сохранились данные о ее промерах, относившиеся к середине прошлого века, причем к участку реки, представляющему для нас особый интерес — от Юхнова до устья. На всем протяжении этого пути Угра имела глубину от 2,5 до 5 метров и ширину от 80 до 150 метров. В прошлом веке она была судоходной, в г. Юхнове имелась пристань. В архивном «Атласе Смоленской губернии» указывалось, что «на ней бывает судовой ход полубарками из города Калуги вверх до Юхнова, а вниз до Калуги гонка строевого и дровяного леса» [19].

В связи с этим переправа на всем протяжении Угры от Юхнова до устья была возможна только по бродам. Недаром русские полки так спешили занять броды. К бродам стремились и ордынцы. Софийская II летопись подчеркивает, рассказывая о походе Ахмед-хана, что «знахари ведяху его ко Угре реце на броды» [20].

На участке от Калуги до Юхнова в географических описаниях прошлого столетия перечислено более десятка бродов: у Дворца, у Комельгина, возле устья р. Сечна, у Звизжей, у Пахомова, у Смагина, севернее Бикасова, у Плюскова (два брода), у Велина, у Горячкина, у Колыхманова. Выше г. Юхнова броды были у Барановки, возле устья Вори, у Кобелева. Глубина воды на этих бродах колебалась от 1,5 до 3 футов (до 1 метра). Однако лишь этой характеристики недостаточно, чтобы определить пригодность бродов для прохода масс конницы. Имеет значение также ширина брода. Большинство бродов на Угре были весьма узкими, непригодными для форсирования большими массами конницы.

Решающее значение для определения пригодности брода имели подходы к нему. А они почти повсеместно на Угре были затруднены из-за крутизны берегов, множества оврагов и речек. Например, правый берег Угры против бродов у Дворца и Сечни был высоким и обрывистым, а левый хоть и низкий, но заболоченный. Болота тянулись от Дворца к Старой и Новой Скаковской на юг, к Комельгиной — на запад. О переправе возле Звизжи

прямо говорилось, что «спуски к переправе круты»; то же самое говорилось о бродах у Велина и Горячкина. Несколько довольно удобных бродов (у Пахомова, Смагина, Бикасова, Велина) вели внутрь петли Угры, далеко выдававшейся к югу, в местность, обильную лесами и возвышенностями. Дальнейший путь на север проходил оттуда через узкую горловину. С военной точки зрения форсировать реку по этим бродам было бы, конечно, неразумно.

Вызывает сомнение и целесообразность переправы по бродам выше Юхнова. Переправившееся через них ордынское войско уводилось бы далеко на запад, в сторону от кратчайшего пути на Москву, в местность, вообще трудную для движения конницы. Ордынцам пришлось бы пересекать несколько рек — Изверю, Шаню, Лужу, Протву и двигаться по дремучим лесам Медынского уезда, о котором в «Топографическом описании Калужского наместничества» (1785 г.) было записано, что он «в лесе красном и черном имеет великое обилие»; причем один из двух основных лесных массивов находился «по рекам Воре, Извере, по речкам Цветушке и Кисловке от Юхновского до Гжатского уезда», т. е. именно там, куда пошла бы после переправы ордынская конница [21].

Обобщая известные данные о бродах на Угре, можно сделать вывод, что ни один из них по тем или иным причинам не был удобен для общей переправы ордынского войска. На бродах были вполне возможны действия отдельных ордынских отрядов, которые пытались «искрасти берег», совершить неожиданный прорыв в незащищенном или плохо защищенном месте, но для переправы главных сил Ахмед-хана нужно было искать другое место, отвечающее трем основным условиям: удобные подходы, низкие берега, выход в результате переправы на важное стратегическое направление. Ни один из бродов на Угре не отвечал всем этим требованиям. Поэтому представляется, что следует искать не броды, а «перелазы», т. е. удобные для переправы места с достаточно большой глубиной.

Такое место было выше Юхнова, возле устья Ворп, но попытка форсирования там реки требовала длительного рокадного маневра и, что самое важное, увела бы ордынцев далеко в сторону от основного направления похода. С военной точки зрения это представляется нецелесообразным.

Другое такое место находилось возле устья Угры. Берег здесь от самого устья и до впадения в Угру речки Росвянки был низким, песчаным, удобным для переправы. Примерно в версте проходила большая дорога, имелась переправа через Угру. Перевоз при «Угорских постоялых дворах» описан в середине XIX в.: «в мелководье барку ставят посередине реки и с обоих берегов кладут на нее доски, что и составляет мост».

В случае успешной переправы через Угру в этом месте ордынцы имели все условия для дальнейшего движения на север. От Угры вдоль берега Оки тянулись на несколько верст луга; равнина была и на подступах к Угре, от Оки до речки Росвянки, за которой находились холмы, поросшие лесом. На этой местности, на пятикилометровом участке реки вверх от устья Угры, очевидно, и происходили главные военные события кампании 1480 г.— отчаянная попытка ордынцев «перелесть» Угру.

Особенности театра военных действий допускали две основные возможности для Ахмед-хана в организации наступления на русские позиции. Во-первых, это могла быть попытка большими силами форсировать Угру в удобном месте. Таким местом могло быть устье Угры. Во-вторых, это могли быть попытки отдельных ордынских отрядов прорваться в разных местах через Угру по бродам, которые не были пригодны для прохода больших масс конницы, но были преодолимы небольшими отрядами; накапливаясь на русском берегу, ордынцы могли бы создать плацдармы для дальнейшего наступления.

Соответственно, видимо, строилась и оборона берега Угры русскими воеводами. Они надежно прикрыли большими силами устье Угры, где ожидался главный удар Ахмед-хана, и одновременно поставили «заставы» с пушками и пищалями на всех бродах, чтобы воспрепятствовать проникновению ордынских отрядов за реку.

Таким образом, местом генерального сражения мог быть пятикилометровый участок низкого песчаного берега от устья до впадения в Угру речки Росвянки. В других местах, на бродах и «перелазах», военные действия, по-видимому, имели второстепенное значение, русские заставы отражали там нападения отдельных ордынских отрядов.

Вернемся к летописям. Сторонники версии «генеральное сражение в районе Юхнова» в основном ссылаются на запись Вологодско-Пермской летописи о попытке ор-

дынцев форсировать Угру «под Опаковым городищем». Внимательно проанализируем эту запись. Прежде всего бросается в глаза, что сам Ахмед-хан вообще не ходил к «Опакову городищу», а «посла князеи своих»; причем перед ними не была поставлена задача прорываться через Угру с боем: Ахмед-хан «хоте искрасти», «не чая туто силы великого князя». Это совсем непохоже на удар главными силами. Сам Ахмед-хан оставался во время событий под «Опаковым городищем» на своем прежнем месте, в Лузе, в двух километрах от устья Угры, и «посланнии воеводы возвратишася ко царю», когда им не удалось «искрасти» русский берег Угры[22]. Видимо, ссылки на Вологодско-Пермскую летопись для обоснования точки зрения о попытке ордынцев нанести главный удар в районе Юхнова недостаточно убедительны.

Нам кажется, речь здесь может идти о другом. После поражения в генеральном сражении и многочисленных попыток проникнуть через Угру отдельными мелкими отрядами Ахмед-хан попробовал прорваться на крайнем западном краю русской обороны. Возможно, это была последняя попытка форсировать Угру, оттого она и запомнилась летописцу. Но главные события происходили в другом месте и гораздо раньше.

Глава 9

ВЕЛИКОЕ ПРОТИВОБОРСТВО

Бурные военные события, которые произошли на Угре осенью 1480 г., можно назвать «противоборством» двух огромных ратей — русской и ордынской. Первая, русская, сражалась за будущее, за независимость родной земли, за возможность самостоятельного исторического развития; вторая, ордынская, добивалась исторически нереальной цели — восстановить тяжкое иго над огромной страной, в которой уже складывалось могучее централизованное государство. На осенних берегах Угры спор был окончательно решен.

Ордынская конница появилась на берегах Угры-реки в начале октября 1480 г. Источники по-разному определяли дату подхода Ахмед-хана к Угре. В Разрядной кни-

ге отмечалось, что «пришол царь к Угре октября в 2 день»[1]. Владимирский летописец называет другую дату: «месяца октября в 6 день, в пятницу»[2]. Вологодско-Пермская летопись утверждает, что Ахмед-хан «прииде на Угру октября в 8 день, в неделю, в 1 час дня»[3]. А автор «Казанского летописца», явно ошибаясь, называет дату «ноября, в 1 день»[4]: к этому времени Угра уже стала, и бои могли бы развернуться не на бродах и «перелазах», а прямо на льду.

Исследователи считают наиболее вероятной дату 8 октября.

Намерения Ахмед-хана не вызывают сомнений; он хотел сходу форсировать Угру и двинуться дальше на Москву. Об этом дружно свидетельствуют летописцы: «ста царь на брезе на Угре со многою силою на другой стране противу великого князя, хотя преити реку»; «приступиша к берегу к Угре, хотеша перевоз взяти»[5]. Напомним, перевоз находился близ устья Угры, в районе Калуги, и здесь, как уже говорилось, были заблаговременно сосредоточены значительные силы русского войска под командованием князя Ивана Ивановича Меньшего — сына великого князя. На них и обрушился со своими главными силами Ахмед-хан, пытаясь прорваться через русскую оборонительную линию.

О том, что именно на Ивана Ивановича Меньшего шли главные силы, свидетельствует запись Софийской II летописи, хотя военные действия ордынцы развернули в нескольких местах: «иние же приидоша против князя Ондрея, а инии *против великого князя* (Ивана Ивановича.— *В. К.*) *мнози* (курсив мой.— *В. К.*), а овии против воевод вдруг приступиша»[6].

Другие летописцы также подтверждают сосредоточение главных сил Ахмед-хана против Калуги: «искаху дороги, куда бы тайно перешед, да изгоном ити к Москве, и приидоша к Угре-реке, *иже близ Колуги* (курсив мой.— *В. К.*), и хотяше пребрести», но против них вышел «сын великого князя, додвинувся с вои своими, ста у реки Угры на березе».

Противники сошлись лицом к лицу. На левом, русском, берегу Угры, против «перелаза», выстроились русские лучники, были расставлены тяжелые пищали и тюфяки, притаились со своими легкими «ручницами» отряды «огненных стрельцов». Русские воеводы постарались максимально использовать превосходство своего войска в

огнестрельном оружии и не допустить переправы ордынцев на левый берег, расстреливая их в воде. В них полетели стрелы, ядра, картечь. Грохот пушек устрашающе действовал на степняков, пороховой дым заволакивал берег, на котором позади «наряда» и «огненных стрельцов» выстроились возле угорского устья конные полки дворян и «детей боярских» в доспехах, с саблями и «ручницами». Конница была готова обрушиться на врага, если бы он сумел переправиться через Угру.

Сражение на переправе через Угру, начавшееся в час дня 8 октября, продолжалось четыре дня. Судя по летописным рассказам, ордынцам так и не удалось преодолеть водную преграду и завязать рукопашный бой на левом берегу. Решающую роль сыграли «полевой наряд», пищали и тюфяки, которые на зарапее подготовленной позиции, прикрытые широкой и глубокой рекой от быстрых конных атак, оказались весьма эффективным оружием. Медленно плывущие к русскому берегу ордынцы стали удобной мишенью для русских пищальников и «огненных стрельцов». Сами же они не имели возможности использовать свое излюбленное оружие — массированную стрельбу из луков. Барахтающимся в угорской воде врагам стрелять было невозможно, а стрелы с противоположного берега не долетали до русского строя.

Летописные рассказы о непрерывном четырехдневном сражении кратки, но очень выразительны. Более подробен рассказ Вологодско-Пермской летописи: «князь великии Иван Иванович, сын великого князя, да князь Ондрей Васильевич Меншой, брат великого князя, сташа крепко противу безбожнаго царя и начаша стрелы пущати и пищали и тюфяки и бишася 4 дни. Царь же не возможе берег взяти и отступи от реки от Угры за две версты, и ста в Лузе»[7]. Софийская II летопись специально подчеркивала полное превосходство русского войска в дальнем бою, что предопределило неудачу Ахмед-хана: «наши стрелами и пищалми многих побиша, а их стрелы меж наших падаху и никого же не уезвляху»[8]. Попытки ордынцев переправиться через Угру были отбиты, несмотря на то что они продолжались и после отступления самого Ахмед-хана от устья. Ордынцы «по многи дни приступаху бьющеся и не възмогоша»[9]. Составители «Степенной книги» тоже представляли оборону «берега» как многодневное непрерывное сражение: «по многы дни бьехуся с погаными»[10]. Так же представляет «стояние на

Угре» и «Казанский летописец». Ордынцы сражались «против воевод», которые повсюду «сташа на Угре и броды и перевозы отняша», потому что «Ахмед-хан покушашеся *многажды* перелести реку *во многих местех* (курсив мой.—*В. К.*), а не могоша воспрещением от русских вои. И много паде срацын его ту, и без числа претопоша в реце» [11].

Так и не удалось ордынцам прорваться через Угру. Наступление Ахмед-хана было повсеместно отражено русскими воеводами. Понеся серьезные потери, он вынужден был отойти от берега и отложить на время попытки форсировать Угру.

Между тем военные события начали развиваться в направлении, заранее не предусмотренном Ахмед-ханом, но, безусловно, желанном для русских. Повернув свои конные отряды на юг и запад, Ахмед-хан начал опустошать близлежащие литовские владения. По словам летописца, «царь же не возможе берегу взяти и отступи от реки от Угры за две версты, и ста в Лузе, и распусти вои по всеи земли Литовскои», и «всего в Литовьскои земли стоял 6 недель, а градов Литовских пленил: Мченеск, Белев, Одоев, Перемышль, два Воротинска, старои да новои, два Залидова, старои и новои, Опаков, Серенеск, Мезыск, Козелеск. А всех градов плени 12... а волости все плени и полон вывел» [12].

Чем был вызван внезапный поворот Ахмед-хана от Угры, форсирование которой по-прежнему оставалось его основной целью, и его нападение на владения своего литовского союзника?

К. В. Базилевич объясняет этот поворот так: «Разорение Ахмед-ханом перечисленных выше городов, находящихся во владении русских князей — вассалов Казимира, вызывает вопрос: не было ли оно обусловлено выступлением русского населения в тылу Ахмед-хана или отказом русских князей выступить на соединение с татарами? Такое предположение кажется нам вполне вероятным... Разорив долину верховьев Оки на протяжении около 100 км от Опакова городища до Мценска, Ахмед-хан мог быть спокоен за свой ближайший тыл» [13]. Это предположение кажется нам обоснованным и вот по каким соображениям.

«Верховские княжества» образовались в XIV—XV вв. в верховьях Оки в процессе феодального раздробления Черниговского княжества. Удельными князьями здесь

стали размножившиеся потомки бывших черниговских удельных князей (Одоевские, Воротынские, Мосальские, Мезецкие, Новосильские, Трубчевские и другие). В начале XV в. эти русские княжества попали в вассальную зависимость от Великого княжества Литовского, платили ему годовую дань — «полетнее», однако, по наблюдениям И. Б. Грекова, «верховные права последнего в отношении этих земель были ограниченны... По договору 1449 г. великий князь литовский не имел права произвольно увеличить размер дани и пошлин с этих земель. В отношении «верховских» князей установился «двойной вассалитет», в силу которого сюзеренные права великого князя литовского сталкивались с такими же правами великого князя московского. По утверждению Ивана III, эти князья служили «на обе стороны»»[14]. Русское население «верховских княжеств» больше тянуло к Москве. Недовольны были литовским владычеством даже князья и боярство. В самой Литве развернулось в это время широкое движение русско-литовских феодалов за воссоединение с Москвой, получившее в исторической литературе название «заговора князей». Эти князья намеревались со своими владениями «отсести» от великого князя литовского и перейти «под руку» московского князя.

К. В. Базилевич писал: «есть основания полагать, что движение против Казимира в 1480 г. охватило и территорию, непосредственно граничившую с Московскими землями в верховьях Оки», потому что «в системе Литовского государства православные „верховские княжества" занимали особое положение, являясь не столько подданными, сколько вассалами литовского князя, взаимоотношения с которыми устанавливались на договорных началах. Московское влияние здесь было сильным еще в первой половине XV в. В экономическом и национально-культурном отношениях население бассейна верхней Оки тяготело к русским землям»[15].

Русское население «верховских княжеств», таким образом, внесло свой вклад в общерусскую борьбу за свержение ордынского ига. Не сумев с ходу прорваться через Угру, Ахмед-хан вынужден был повернуть свои конные отряды для усмирения «верховских княжеств», в которых, как предполагают историки, начались антиордынские выступления. В результате Иван III получил передышку, которую и использовал максимально. Активные военные

действия на Угре ордынцы смогли возобновить только после разорения «верховских княжеств».

Наиболее серьезной после сражения на угорском устье попыткой форсировать Угру было, по-видимому, сражение «под Опаковым городищем», на крайнем западном фланге «противостояния». Весь расчет Ахмед-хана строился на внезапности нападения из глубины литовских владений. Для нападения был выделен сильный отряд ордынского войска, но сам хан оставался в своем стане неподалеку от устья Угры.

Рассказ о сражении «под Опаковым городищем» сохранился только в составе Вологодско-Пермской летописи. Приведем его полностью: «Царь же хоте искрасти великого князя под Опаковым городищем, хотя перелести Угру, а не чая туто силы великого князя. И посла князеи своих... Прилучи же ся туто множество князеи и бояр великого князя, не дадяше перелести Угру» [16]. Остается предположить, что русские воеводы внимательно следили за действиями ордынцев и по мере их передвижения за Угрой на запад передвигали вдоль русского берега Угры свои войска. В результате «под Опаковым городищем» ордынцев встретила не малочисленная застава, а изготовившиеся к бою великокняжеские полки, которые успешно отразили последнюю отчаянную попытку Ахмед-хана прорвать неприступную для него оборону. «Послании князи» возвратились к Ахмед-хану без успеха.

Видимо, после сражения при устье Угры, когда выявилась вся сложность прорыва в глубь русских земель, между Ахматом и Иваном III происходили какие-то переговоры. Сам факт этих переговоров в дальнейшем послужил поводом для обвинений в адрес Ивана III в нерешительности, брошенных его политическими противниками. Наиболее подробный рассказ о русско-ордынских переговорах имеется в Вологодско-Пермской летописи. С него мы и начнем. Как видно по летописным известиям, первыми начали переговоры сами ордынцы. Когда их отбили от берега, они «приежжати начаша к реце и глаголюще Руси: „даите берег царю Ахмату, царь бо не на то прииде, что ему великого князя не доити!“».

Иван III охотно откликнулся на попытку Ахмед-хана завязать переговоры — это соответствовало его общей стратегической линии на отсрочку вторжения ордынского войска в пределы России и на выигрыш времени. Но Ахмед-хан вынужден был начать переговоры, потерпев неудачу

в наступательной операции по форсированию Угры, а для Ивана III переговоры являлись логическим продолжением его прежней стратегической линии.

К Ахмед-хану отправилось русское посольство во главе с Иваном Федоровичем Товарковым «с челобитьем и с дары». Летописец сообщает, что Иван III «послал тешь великую», но Ахмед-хан подарки не принял, обвинив великого князя в неповиновении: «мне челом не бьет, а выхода мне не дает де пятый год, придет ко мне Иван сам, почнутся ми о нем мои рядци и князи печаловати, ино как будет пригоже, так его пожалую»[17].

Переговоры зашли в тупик, да иного исхода и не могло быть: на сколько-нибудь серьезные уступки ордынцам Иван III идти не собирался. Об этом свидетельствует и сам состав посольства, и отсутствие с русской стороны каких-нибудь конкретных предложений. П. Н. Павлов писал по этому поводу: «Переговоры, безусловно, играли вспомогательную роль, о чем свидетельствует тот факт, что к хану был отправлен не боярин или князь, как это было принято в отношениях с Ордой, а сын боярский Иван Товарков», причем и он «никаких конкретных предложений о переговорах не сделал»[18].

К. В. Базилевич пишет о том, что нельзя считать, будто попытка переговоров с Ахмед-ханом вызывалась нерешительностью и даже трусостью: «Такой взгляд на поведение Ивана III, сложившийся под влиянием враждебной ему литературной повести о приходе Ахмед-хана, нам представляется совершенно несправедливым», «Иван III старался выиграть время», и «лучше всего он мог достигнуть этого путем переговоров». Вместе с тем исследователь допускает, что «переговоры с Ахмед-ханом расценивались в Москве как проявление слабости и нерешительности со стороны великого князя» и «вызвали гневное послание архиепископа Вассиана». Это «послание», по мнению К. В. Базилевича, было написано между 15 и 20 октября[19].

Вассиан требовал от великого князя активных действий в тот период, когда Ахмед-хан был отбит возле устья Угры и лихорадочно искал слабые места «берега», чтобы все-таки навязать Ивану III полевое сражение. Наступательные действия со стороны русского войска не соответствовали сложившейся обстановке. В этот период реальной опасности наступления со стороны Ахмед-хана (в середине октября) не было: ордынцы были заняты ра-

зорением «верховских княжеств». Поэтому Иван III, несмотря на гневную проповедь Вассиана и упреки своих политических противников, все же продолжал проводить заранее намеченную стратегическую линию. Вскоре общая обстановка, быстро изменившаяся в пользу России, подтвердила правильность его действий.

Ахмед-хану удалось в результате похода на «верховские княжества» обеспечить свой тыл, но изменить в свою пользу общую стратегическую обстановку он так и не сумел. Главным для него было получить «литовскую помощь», но этого-то как раз он и не добился. Не сумел он воспрепятствовать и прекращению «мятежа» братьев великого князя. А без этих двух благоприятных условий надеяться на победу было трудно.

В исторической литературе стало традиционным мнение, что выжидательная позиция Казимира IV была вызвана прежде всего нападением на его владения союзника Ивана III крымского хана Менгли-Гирея. Действительно, военный союз Москвы и Крыма был реальностью, оказавшей значительное влияние на общую обстановку. Московский летописец подчеркивал: «Тогда бо воева Минли Гиреи царь Крымскыи королеву землю Подольскую, служа великому князю». Но тот же летописец обращал внимание и на другую причину пассивности короля: «понеже бо быша ему свои усобици» [20].

Итак, нападение Менгли-Гирея на королевские владения или внутренние затруднения в Литве предотвратили соединение ордынских и литовских сил в 1480 г.?

О соотношении этих двух факторов писал в свое время А. Е. Пресняков: «Набег на южные области литовских владений не был сколько-нибудь значителен, не вызвал Казимира на выступление в поход с силами великого княжества; оборона осталась, видимо, местной, и 20 октября хан, также лично не выступавший в поход, уже возобновил мирный договор с великим князем литовским». Решающим для позиции Литвы было другое — «внутренние обстоятельства литовско-польского государства», напряженные отношения короля «с крупнейшими представителями местного княжья», что «связывает энергию Казимира, особенно в отношении к Москве, у которой обруселые и русские недовольные элементы Великого княжества Литовского искони искали опоры» [21].

Примерно также считал и К. В. Базилевич. Он соглашался с мнением польского историка Ф. Папэ о не-

значительном влиянии крымского набега на Подолию на общую ситуацию и добавлял: «остается, следовательно, предположить, что Казимир был задержан внутренними затруднениями» [22]. Еще более определенно писал об этом И. Б. Греков. «„Заговор князей" действительно имел место, в 1480 г. для его осуществления не хватало только одного звена: начала военных действий между Литвой и Московским государством», и Казимир, который «располагал информацией об общих настроениях», «решил отказаться от совместных с Ордой выступлений против Москвы в октябре-ноябре 1480 г.». По мнению исследователя, «заговор князей» был очень опасным, потому что «превратить польского короля в пассивного наблюдателя мог только действительно широкий размах подготавливавшегося движения, а в этом большую роль сыграла политическая и дипломатическая деятельность московского государя Ивана III» [23].

К причинам, заставившим короля Казимира отказаться от совместного с Большой Ордой похода на Россию, на наш взгляд, можно было бы прибавить еще одну чисто военного характера. Под Кременцом в это время находился стратегический резерв Ивана III, подкрепленный с 20 октября сильными полками его братьев Андрея Большого и Бориса. Этот резерв надежно заслонял Москву с запада. Ахмед-хан, прочно застрявший перед угорским порогом, не смог бы прийти на помощь своему союзнику в случае литовского похода на Москву. А идти на соединение с ордынцами южнее Угры было с военной точки зрения бессмысленным. Угра, как показали предыдущие сражения, была надежно защищена русскими полками. Поэтому можно сказать, что не только внешнеполитическая и внутриполитическая обстановка не благоприятствовала вступлению Казимира в войну на стороне Ахмед-хана, но и обстановка стратегическая.

Признавая большое значение дипломатического искусства Ивана III, на первое место при описании событий осени 1480 г. все-таки следовало бы поставить его деятельность как военачальника и организатора войны. Фактически судьба войны была предрешена в четырехдневном упорном сражении на переправах через Угру, которое остановило продвижение Ахмед-хана. Дальнейшая жесткая оборона Угры и сосредоточение большого резервного войска в Кременце довершили создание той стратегической обстановки, в которой Ахмед-хан вынужден был

топтаться на месте, лишенный поддержки своего союзника. Выигранное время позволило Ивану III преодолеть внутриполитический кризис, связанный с мятежом его братьев, и собрать под своим знаменем все военные силы страны. Война была выиграна еще до того, как Ахмед-хан побежал от Угры.

Анализируя положение, в котором оказался Ахмед-хан во второй половине октября 1480 г., Л. В. Черепнин писал: «Теперь общая политическая ситуация изменилась явно не в пользу Ахмед-хана. Прекращение феодальной войны на Руси, активное выступление московского посада... отсутствие обещанной военной помощи со стороны Казимира, начавшиеся морозы — вот комплекс причин, вызвавших отступление Ахмед-хана». А если сюда прибавить «тайную посылку Иваном III в Большую Орду войска» [24], т. е. удар по глубокому тылу ордынцев, то положение Ахмед-хана выглядит действительно безнадежным.

Приближалась зима. По-прежнему впереди была осенняя река, все броды и «перелазы» через которую надежно защищали русские полки. Надежды на форсирование Угры больше не оставалось. Стратегическая инициатива была уже окончательно утрачена Ахмед-ханом, для него началось бессмысленное и изнурительное «стояние». Даже прорыв через Угру, если бы его вдруг удалось совершить, не сулил ордынцам ничего обнадеживающего. Впереди были леса и водные преграды левобережья Угры, а за ними — большое резервное войско Ивана III. На пути к Москве их неминуемо ожидали новые сражения, исход которых трудно было предугадать.

Нетрудно представить себе обстановку уныния, которая царила в ордынском стане. Король Казимир с «литовской помощью» не приходил. Менгли-Гирей угрожающе навис с тыла, со стороны «Дикого Поля». Он еще не перешел к активным действиям против Большой Орды, но мог сделать это в любой момент. Из собственных улусов на Волге к Ахмед-хану приходили вести о страшном разгроме, учиненном русской «судовой ратью». Окрестности Угры были совершенно разорены самими же ордынцами во время похода на «верховские княжества», не хватало продовольствия и корма для коней. Приближались холода, которые несли с собой новые лишения. Зима в 1480 г. наступила раньше, чем обычно, и была очень суровой. Уже «з Дмитриева же дни (26 октября) стала

зима, и реки все стали, и мразы великыи, яко же не мощи зрети» [25]. Сила Большой Орды таяла без боев. Пришло время думать об отступлении, чтобы сохранить остатки войска.

О дальнейших событиях на Угре летописец повествует так: «Егда же ста река, тогда князь велики повеле сыну своему великому князю, и брату своему Андрею и всем воеводам со всеми силами приите к себе на Кременец... яко да совокупльшеся брань створят с противными». Потом русское войско отступило еще дальше, к Боровску, тоже с намерением дать ордынцам полевое сражение: «на тех полех бой с ними поставим». На намерение дать сражение под Боровском указывают многие летописцы; именно для этого сражения отзывались все русские полки с берега. «Егда же река ста, тогда князь велики повеле сыну своему и брату своему князю Андрею и всем воеводам со всеми силами отступити от брега и приити к себе на Кременец», а оттуда «князь же великы с сыном и з братьею и со всеми воеводами поидоша к Боровьску, глаголюще, яко на тех полях с ними бой поставим» [26].

Таким образом, отвод русских войск от Угры начался немедленно после ледостава, т. е. с 26 октября. С военной точки зрения этот маневр вполне объясним. Угра перестала быть преградой для ордынской конницы, и растянутая линия русских полков становилась уязвимой для ордынских ударов. Фактически Ахмед-хан, сосредоточив в одном месте подавляющие силы, мог бы легко прорваться почти на любом участке берега, и русское войско сразу бы оказалось в тяжелом положении. Оттянув полки сначала к Кременцу, а затем к Боровску, великий князь приготовился дать сражение в выгодных для себя условиях.

Ахмед-хан не двинулся через оголенную Угру, хотя всего две недели назад просил «дать берег» для битвы. О причинах такой пассивности предводителя Большой Орды, когда перед его войском уже не было водной преграды, хорошо говорил С. М. Соловьев: «Казимир не приходил на помощь, лютые морозы мешали даже смотреть, и в такое-то время надобно идти вперед на север с нагим и босым войском, и прежде всего выдержать битву с многочисленным врагом... наконец, обстоятельства, главным образом побудившего Ахмата напасть на Иоанна, именно усобицы последнего с братьями, теперь более не существовало» [27].

Летописная версия о том, что оба войска, «страхом гонимы», одновременно отошли от Угры, представляется нам недостоверной. Вологодско-Пермская летопись прямо утверждает, что «прочь царь пошол от Угры в четверг, канун Михаилову дни», т. е. накануне 7 ноября [28]. Ту же дату называет и Разрядная книга: «побежал от Угры в ночи ноября в 6 день» [29]. С этой датой соглашаются и исследователи (М. Н. Тихомиров, П. Н. Павлов). Сведения же некоторых других летописей (Московский летописный свод конца XV в., Новгородская IV и Владимирская летописи) об отступлении Ахмед-хана 11 ноября относятся, вероятно, не к самому отходу, а ко времени получения известий об этом в великокняжеском стане под Боровском.

Отступление от Угры планировалось Ахмед-ханом заранее, судя по тому, что он «полон отпусти за многи к Орде». Конное же войско ордынцев покинуло район Угры поспешно. Ахмед-хан даже не «поиде», а «побежал от Угры в ночи». В. Н. Татищев добавлял, что ордынцы при бегстве побросали обозы: «хан помета вся тяжкая». Маршрут отступления Ахмед-хана прослеживается по летописям: он «проиде Серенск и Мченеск» [30].

На обратном пути ордынцы пробовали разграбить пограничные русские земли, но неудачно. По словам летописца, Ахмед-хан «московские земли нимало не взял, развее прочь идучи, приходил царев сын Амуртоза на Конин да на Нюхово, пришед в вечере, а князь великии отпустил братию свою, князя Ондрея да князя Бориса да князя Ондрея Меншого со множеством воевод своих». Ордынцы «ночи тое поимаша человека и начаша мучити его, а спрашивая про великого князя, он же муки не мога терпети, и сказа им, что князи близко». Поэтому они «не могы зла сотворити месту тому и побеже тое же ночи на раннеи зоре, а князи приидоша на станы его на обед» [31].

Действия русской конницы по преследованию ордынцев показывают, как смело Иван III переходил от оборонительных действий к наступательным. Да и стоит ли вообще осуждать великого князя за оборонительный план войны?

В одной из военных работ Ф. Энгельса есть интересные рассуждения о соотношении оборонительного и наступательного образа действий, о правомерности и даже выгодности при определенных условиях чисто оборони-

тельных операций или даже кампаний: «...Обороняющаяся армия имеет своей задачей, меняя место и театр военных действий, расстраивать расчеты неприятеля, отвлекать его подальше от его операционной базы и принуждать сражаться в такие моменты и в таких местах, которые совершенно не соответствуют тому, что он ожидал и к чему готовился, и которые могут быть для него определенно невыгодны... История величайших сражений мира показывает, как нам кажется, что в тех случаях, когда атакуемая армия обладает стойкостью и выдержкой, достаточными для того, чтобы обеспечить ее непрекращающееся сопротивление до тех пор, пока огонь нападающих не начнет ослабевать и не наступят истощение и упадок их сил, а затем оказывается в состоянии перейти в наступление и в свою очередь атаковать, оборонительный способ действий является самым надежным» [32].

Не так ли действовал Иван III в 1480 г., не предпринимая активных действий, вынуждая ордынцев наступать на заранее подготовленные позиции на берегу Угры, а затем будто предлагая Ахмед-хану переправиться через замерзшую реку под удар своего объединившегося «на полях» под Боровском войска?

В сложной международной и внутренней обстановке Иван III принял оборонительный, «самый надежный» план войны — в полном соответствии с законами военного искусства. Принял, последовательно провел в жизнь и добился победы с минимальными потерями.

Глава 10

КОНЕЦ БОЛЬШОЙ ОРДЫ

28 декабря 1480 г., во вторник, великий князь Иван III возвратился в Москву, торжественно встреченный ликующими москвичами. Еще раньше он, по словам летописца, «распусти воя своя кождо в свои град» [1]. Война за освобождение России от ордынского ига была закончена.

Остатки воинства Ахмед-хана, «наги и босы», «страхом гонимы», бежали в степи «невозвратным путем». Против побежденного хана Большой Орды, борясь за власть, немедленно выступили его соперники. Борьба закончилась

гибелью Ахмед-хана. Летопись так рассказывает об этих событиях: «Егда же прибежа в Орду, тогда прииде на него царь Ивак Нагайский и Орду взя, а самого безбожного царя Ахмета убил шурин его Нагайской мурза Янгурчей» [2]. По свидетельствам некоторых других летописцев, Ахмед-хана убил сам Ивак.

«Со смертью Ахмед-хана,— писал К. В. Базилевич,— закончилась полной неудачей попытка... восстановить ханскую власть над Русью. Поэтому в истории почти двух с половиной-вековой борьбы русского народа за национальное освобождение от иноземной зависимости поражение Ахмед-хана — последнее, крупное по политическим последствиям событие... Переход улуса Ахмед-хана к его сыновьям увеличил и без того значительные центробежные силы внутри Большой Орды. Хотя в отдельные моменты она еще представляла некоторую опасность в смысле грабительских нападений для южнорусских порубежных земель, но ее активная способность быстро уменьшалась» [3].

И после поражения Ахмата в продолжение более двух десятилетий отношения России с Большой Ордой часто регулировались военными акциями достаточно крупного масштаба. Анализ событий на южной границе России в 80—90-х годах XV в. убедительно свидетельствует об этом. От стратегической обороны, характерной для предшествующего периода, Иван III переходит к активным наступательным действиям. Походы против Большой Орды и других улусов, организованные им в этот период, решали важные внешнеполитические задачи, завершая дело освобождения России. Дипломатические маневры, которые Иван III по-прежнему искусно использовал, имели успех только потому, что их подкрепляли успешные военные действия против Большой Орды.

Так, союз крымского хана Менгли-Гирея с Москвой поддерживался не богатыми «поминками» хану и дружественными посольствами, а той реальной военной помощью, которую ждал Менгли-Гирей от великого князя Ивана III в столкновениях с наследниками Ахмед-хана — «Ахматовыми детьми». Выбирая между Россией и Польско-Литовским государством, тоже стремившимся заключить мирный договор с Крымом, Менгли-Гирей учитывал, видимо, реальный вклад того или другого союзника в вооруженную борьбу с остатками Большой Орды, борьбу тяжелую и изнурительную, несмотря на

страшный удар, нанесенный улусу Ахмед-хана в 1480 г.

В середине 80-х годов «Ахматовы дети» даже усилили свой натиск на Крымское ханство. В 1485 г. «царь Ордынский Муртоза, Ахматов сын», вторгнулся ордой в Крым, но потерпел неудачу и попал в плен. Однако в том же году в Крымское ханство пришел с войском следующий «ордыньский царь Махмут, Ахматов сын», разгромил войско Менгли-Гирея и «брата своего отнем у него». Менгли-Гирей сумел восстановить свою власть над Крымом только при помощи турецкого султана: «Турской же силы ему посла и к Ногаям посла, велел им Орду воевати». «Ахматовым детям» пришлось покинуть Крым, но они продолжали господствовать в степях, подвергнув Крымский полуостров настоящей блокаде и угрожая новыми нападениями.

Чтобы поддержать своего крымского союзника и одновременно ослабить Большую Орду, Иван III то предпринимал конные рейды «детей боярских» и отрядов служилых татарских «царевичей» далеко в степи, «под Орду», то просто ограничивался военными демонстрациями на своей южной границе. Как бы то ни было, но военное давление со стороны России «Ахматовы дети» ощущали постоянно.

Активные военные действия против «Ахматовых детей» велись и в 1485 г. Иван III писал Менгли-Гирею, что «посылал под Орду уланов и князей и казаков всех, колко их ни есть в моей земле. И они под Ордою были все лето и делали, сколько могли». В 1487 г. снова «ходили под Орду наши люди, и брата твоего Нурдовлатовы царевы люди, да там под Ордою улусы имали и головы поимали». В своем послании Менгли-Гирею Иван III разъяснял, что «послал брата твоего Нурдовлата царя со всеми с его людми и своих людей с ним, а приказал есми ему так: пойдут на тобе Муртоза и Садехмат цари, и он пошел бы на их Орду» [4].

Очень тревожная обстановка сложилась весной 1491 г., когда ордынцы подошли к самому Перекопу. Крымского хана спасла тогда военная помощь, оказанная его русским союзником.

Весенний поход 1491 г. в степи может служить примером тщательно спланированной и блестяще осуществленной наступательной операции, когда два сильных русских войска двинулись в «Дикое Поле» по сходящимся направлениям, соединились в заранее назначенном месте

и своим маневром вынудили ордынцев прекратить наступление на Крым. Кампания была выиграна стратегически, без сражений. Вот как описывала этот поход Никоновская летопись: «Тоя же весны, месяца Майа, прииде весть к великому князю Ивану Васильевичю, что идут Ординские цари Сеит-Ахмет и Шиг-Ахмет с силою на царя Мин-Гиреа Крымскаго. Князь же великий на помощь Крымского царю Мин-Гирею отпустил воевод своих в Поле под Орду, князя Петра Микитичя Оболенскаго да князя Ивана Михайловича Репню Оболенского же, да с ними многих детей боярских двора своего, да Мердоулатова сына царевича Сатылгана с уланы и со князи и со всеми казаки послал вместе же со своими воеводами. А Казанскому царю Махмет-Аминю велел послати воевод своих с силою вместе же со царевичем и с великого князя воеводами, а князю Андрею Васильевичю и князю Борису Васильевичю, братии своей, велел послати своих воевод с силою вместе же с своими воеводами... И снидошася вместе великого князя воеводы со царевичем Сатылганом и с Казанского царя воеводами, со Абаш-Уланом и со Бураш-Сеитом, в Поли, и княже Борисов воевода туто же их наехал, и поидоша вместе под Орду. И слышавше цари Ординские силу многу великого князя в Поли и убоявшеся, възвратишася от Перекопи; сила же великого князя възвратися в свояси без брани»[5].

Некоторые подробности этого похода содержатся к «Крымских делах». 21 июня 1491 г., вскоре после похода, великий князь Иван III писал своему крымскому союзнику: «Саталгана царевича на поле послал с уланы и со князми и с казаки, да и руских есми воевод с русскою ратью с ними послал, да и в Казань... к Магмед-Аминю царю послал... а велел есми ему послати рать свою на поле... И царь Магмед-Аминь и прислал ко мне с тем, что отпустил свою рать на поле. А вышли из Казани июня месяца в осьмой день, а царевич Саталган вышол июня месяца в третий день».

В другой грамоте, направленной московскому послу в Крыму Василию Ромодановскому, уточнялось: «в воеводах есми отпустил с русскою ратью князя Петра Никитича да князя Ивана Михайловича Репню-Оболенских, а людей послал с ними не мало, да и братни воеводы пошли с моими воеводами и сестричичев моих резанских обеих воеводы пошли», а всего «великого князя людей» в походе было «рати 60 000». Пока крымский хан «сидел

в осаде» за Перекопом, отбиваясь от «Ахматовых детей», русские полки «под Ордою улусы у них имали и люди и кони отганивали» [6].

Таким образом, поход 1491 г. «в поле» был очень значительным по своим масштабам, включал силы и самого великого князя, и его братьев-вассалов, и служилых «царевичей», и даже казанскую «помощь». Есть основания полагать, что великий князь Иван III послал «в поле» и артиллерию, «полевой наряд», что по тому времени было новинкой в военном искусстве. В «Описи царского архива» сохранилась короткая запись о «наряде на берегу лета 6998» [7]. Видимо, «наряд» заранее сосредоточивался на р. Оке, которая являлась основной оборонительной линией с юга. Предположить, что «наряд» был выставлен для обороны берега р. Оки, было бы неверным, так как вторжение ордынцев не предполагалось, все их внимание было привлечено к Перекопу, и ставить пушки на бродах и «перелазах» не было никакой необходимости. Кстати, хан просил прислать русское войско «с пушками».

Попытки отдельных мурз из Большой Орды «искрасти» русскую «украину» неожиданными набегами тоже отражались активными действиями русской конницы. Так, в 1492 г. «приходили Татарове Ординскиа казаки, в головах приходил Темешом зовут, а с ним 200 и 20 казаков, в Алексин на волость на Вошань, и пограбив, поидоша назад. И прииде погоня великого князя за ними Федор Колтовской до Горяин Сидоров, а всех их 60 человек да 4, и учинился им бой в Поли промеж Трудов и Быстрые Сосны, и убиша погони великого князя 40 человек, а татар на том бою убили 60 человек, а иные идучи Татарове во Орду ранены на пути изомроша». В 1499 г. «приидоша Татарове, Ординские казаки и Азовскиа, под Козелеск и взяша селцо Козелское Олешню», но снова русская погоня, «догонив их, побиша и полон свой отняша, а иных Татар, изымав, приведоша на Москву к великому князю» [8].

В начале XVI в. в обстановке начавшейся войны России с Польско-Литовским государством из-за «верховских княжеств» опасность со стороны Большой Орды значительно усилилась. В это время фактически оформляется военный союз нового короля Александра и Ших-Ахмеда, ставшего ханом Большой Орды. Этому союзу противостоял союз Москвы и Крыма. На южной границе России назревала большая война.

Летом 1500 г. Большая Орда подошла к Дону и остановилась близ устья Тихой Сосны, в непосредственной близости от русской «укра́ины». Одновременно Ших-Ахмед угрожал и Крымскому ханству: по прямой расстояние от его кочевий до Перекопа было небольшим. Менгли-Гирей в страхе писал Ивану III, что войско Ших-Ахмеда превышает 20 тысяч, и срочно просил «на пособь» русских воевод с пушками.

Иван III сразу оценил опасность и в начале августа «послал на улусы царя Магмедамина (находившегося в это время в России на положении «служилого царя».— *В. К.*), а с ним князя Василья Ноздроватого». К великокняжескому войску присоединились рязанские полки. Однако после пятидневного боя возле Дона Менгли-Гирей неожиданно отступил, не предупредив своего русского союзника, спешившего ему на помощь. Начинать большое сражение «в поле» без поддержки крымцев было неразумно, и русское войско возвратилось к своим рубежам. Нужно было подумать об обороне самих русских земель, на которые ордынцы стали совершать нападения В августе русский посол Иван Кубенский писал из Крыма: «сказывают, государь, Азовских казаков и Ордынских человек с восмь сот пошли на Русь, а того, государь, неведомо, под твои земли пошли или под литовского». В сентябре «к великому князю пришла весть изо Мченска от князя Ивана от Белевского, что на поле многие люди Татарове, а их вотчину, на Белевские места, на украины приходили немногие люди» [9]. Однако мелкими нападениями дело и ограничилось: Ших-Ахмед повернул свои орды на Крымское ханство.

Осенью 1500 г. Ших-Ахмед с 60-тысячным войском двинулся на юг, чтобы вернуть приморские пастбища, очень удобные для зимовки. Менгли-Гирей укрылся за Перекопом. Прорваться на Крымский полуостров Ших-Ахмеду не удалось. Зима в этот год выдалась необычайно суровая, в Большой Орде начался голод и падеж скота. Отдельные мурзы начали откочевывать со своими ордами, покидая хана. Тогда Ших-Ахмед ушел к Киеву под защиту своих литовских союзников и только в следующем году снова объявился в степях. В 1501 г. он снова пытался ворваться в Крым с 20-тысячным войском и снова неудачно. Осенью его орда отошла для зимовки в район Белгорода [10]. Теперь Большая Орда угрожала уже не Крыму, а русским границам.

30 августа 1501 г. великий князь Иван III писал Менгли-Гирею: «наш недруг Ших-Ахмет царь пришел к наших князей отчине к Рылску. И наши князья, князь Семен Ивановвичь и князь Василей Шемячич, и наши воеводы со многими людми пошли против них». В посольском наказе 7 ноября того же года сообщалось: «Ших-Ахмет царь пришел на наших князей отчину к Рылску, и нынеча тот наш недруг Ших-Ахмет царь наших князей княж Семенову Ивановича и княж Васильеву Шемячича вотчину воюет, а с нашим недругом с Литовским ссылается. А наши князи и наши воеводы стоят против их, и мы ныне к своим князем послали воевод своих со многими людми»[11].

Это была настоящая большая война. По свидетельству «Хроники Быховца», осенью 1501 г. «выехал царь Заволжский Ших-Ахмет, сын Ахматов, со всею ордою Заволжскою, с многими силами», «и приехал в землю Северскую и стал под Новогородом Северским и под другими городами, землю же всю, почти до Брянска, заполнил бесчисленным воинством». Новгород-Северский и еще «несколько других городов» были взяты и разрушены ордынцами, прежде чем хан Ших-Ахмед отошел «в поле» и «стал между Черниговым и Киевом по Днепру и по Десне». Он ожидал «литовскую помощь», чтобы возобновить войну «против царя перекопского Менгли-Гирея и великого князя московского» [12]. «Хроника Польши» утверждала даже, что «заволжский царь Сахмат» приходил на Северщину «со 100-тысячной армией» [13].

Видимо, ордынцы встретили в Северской земле достаточно сильный отпор — их успехи оказались весьма скромными. Все ограничилось взятием Новгорода-Северского и нескольких других городов. Ших-Ахмед пытался завести переговоры о мире с великим князем Иваном III, но неудачно. Великий князь предпочел сохранить военный союз со своим старым союзником крымским ханом Менгли-Гиреем. Можно сказать, что последняя попытка Большой Орды оказать в 1501 г. военное давление на Россию закончилась неудачей. Ордынцам не удалось заставить Ивана III порвать союз с Крымом ни военными, ни дипломатическими средствами. А затем активизация Крымского ханства заставила Большую Орду окончательно отказаться от серьезных нападений на русские пограничные земли.

В январе 1502 г. Менгли-Гирей писал в Москву, что Большая Орда остановилась «зимовать на усть Семи, а около Белгорода» и что он уже начал против нее военные действия, «велел пожары пускать, чтобы им негде зимовать, ино рать моя готова вся» [14].

Автор «Хроники Быховца» утверждал, что именно зимой 1502 г. Большой Орде было нанесено решительное поражение: «в ту же зиму царь перекопский Менгли-Гирей, собрав свои силы, втайне пошел на Ших-Ахмата царя Заволжского и разгромил его наголову, и цариц и детей, и всю орду его взял, сам же царь Заволжский Ших-Ахмат со своим братом Хазак-Султаном и с некоторыми князьями и уланами примчался к Киеву и, став недалеко от Киева, послал к князю Дмитрия Путятича, киевского воеводу, сообщая ему плохую весть» [15]. Казалось бы, с Большой Ордой покончено. Но автор «Хроники», по-видимому, преувеличивает масштабы поражения Ших-Ахмета в зимней кампании, потому что вскоре хан вернулся к Белгороду, где начал собирать остатки своих орд. Видимо, это ему удалось, так как есть сведения, что в Крыму готовились к возобновлению войны с Большой Ордой. 3 мая 1502 г. русский посол в Крыму И. Г. Мамонов даже писал в Москву о настоятельной просьбе крымского хана к Ивану III послать «рать свою нам на пособь». Хан сообщал своему союзнику: «волошский Стефан» тоже обещал выступить против Большой Орды «со всеми своими людми»; видимо, крымские послы с просьбой о помощи побывали и в Валахии [16]. Разве потребовались бы такие серьезные приготовления, если бы Большая Орда уже была разбита, как утверждает «Хроника Быховца»?

Только в мае 1502 г., когда крымское войско выступило за Перекоп, «в поле», начался действительно последний поход против Большой Орды. В начале июня посол Алексей Заболотский доносил из Крыма: «Орду, государь, кажут на усть реки Сулы», и «царь Менли Гиреи на Орду идет спешно, и пушки, государь, и пищали с ним идут же». Положение Большой Орды было в то время бедственным: «Орда, кажет, охудала добре, а кочюют порознь». Где-то около устья р. Сулы и произошли решительные битвы. Подробности нам неизвестны. В сообщении русского посла из Крыма от 28 июня 1502 г. говорилось только, что «царь Менли-Гиреи Шиг-Ахметя царя прогонил и Орду его и улусы взял».

3 июля о победе над Большой Ордой написал в Москву сам Менгли-Гирей: «Ших-Ахметя, недруга нашего, разогонив, орду его и все его улусы бог в наши руки дал» [17]. Русский летописец об этих событиях, завершивших многолетнюю и тяжелую борьбу с Большой Ордой, тоже сообщал предельно кратко: «Того же лета, июня, Крымский хан Менли-Гиреи побил Шиахмата царя Болшиа Орды и Орду взял» [18].

Смертельно раненная на Угре-реке, теснимая Крымским ханством, отбитая в прошедшие годы от русских рубежей и растратившая в этой безнадежной попытке последние силы, Большая Орда окончательно рассыпалась. Борьба русского народа за свое национальное освобождение пришла к закономерному итогу.

Впереди будут еще упорные войны с другими ханствами, которые в первой половине XVI в. попытались под эгидой турецкого султана создать единый антирусский фронт и резко усилили военное давление на русские границы. 48 крымских и около 40 казанских походов отразит за эту половину столетия Россия, создав на своей «укра́ине» мощную общегосударственную систему обороны, прикрывшись со стороны «поля» многочисленными полками, «сторожами» и «станицами», укрепленными «градами» и «засеками» [19].

Будут опасные нападения крымцев во второй половине XVI в., когда они, пользуясь отвлечением русских полков на поля Ливонской войны, прорвутся даже к самой Москве. И снова России придется налаживать оборону южной, «крымской укра́ины» [20]. Будут многочисленные набеги и в первой половине XVII в., вынуждавшие Российское государство прилагать огромные усилия к укреплению южной границы, создавать мощные оборонительные «черты», протянувшиеся на сотни верст [21].

Однако эта борьба будет иметь принципиально иной характер: больше никогда не встанет вопрос о том, быть или не быть России независимым, суверенным государством. Этот вопрос был окончательно решен на Угре-реке осенью 1480 г.

Глава 11

БЫЛА ЛИ ВОЙНА С АХМЕД-ХАНОМ?

В исторических сочинениях прошлого столетия настойчиво проводилась мысль, что «высвобождение» России из-под власти ордынских ханов произошло будто бы «само собой», без особых усилий со стороны Ивана III и, во всяком случае, без большой войны. Даже те историки, которые высоко оценивали его государственную и дипломатическую деятельность, считали Ивана III нерешительным полководцем, даже чуть ли не трусом и искали причины победы над Большой Ордой в ее «самораспаде», в «дипломатическом искусстве» Ивана III или вообще «в благоприятных обстоятельствах».

В первом обобщающем сочинении по русской военной истории, изданном в 1839 г., война 1480 г. представлена в таком виде: ордынцы «в виду россиян стали искать переправы через Угру», но, потерпев неудачу, отступили «версты на две для собрания съестных припасов», «около двух недель прошло с двух сторон в бездействии», а затем «вдруг каким-то чудом обе армии побежали одна от другой без малейшего с чьей-либо стороны нападения». И как итоговая оценка событий 1480 г. высказывается мысль, что Ивану III «провидение предоставило свергнуть навсегда это иго, которое в последнее время, конечно, было уже только *мнимое* (курсив автора.— *В. К.*), а не действительное» [1].

В дальнейшем рассуждения о «мнимом» характере ига и о «мирном высвобождении» России из-под власти ордынских ханов были подхвачены многими дореволюционными историками.

М. П. Погодин в 1846 г. утверждал, что «слабые оковы монгольские свалились с наших рук сами собою» [2]. С. М. Соловьев в 1855 г. ставил под сомнение даже правомерность самого термина «иго». Он писал: «Орда падала сама собою от разделения, усобиц, и стоило только воспользоваться этим разделением и усобицами, чтобы так называемое татарское иго исчезло без больших усилий со стороны Москвы» [3]. Н. И. Костомаров в 1874 г. отмечал как совершенно очевидный факт, что, «собственно говоря, великий князь Московский на деле уже был независим от Орды; она пришла к такому ослаблению, что вятские

умельцы, спустившись по Волге, могли разграбить Сарай, столицу хана. Освобождение Руси от некогда страшного монгольского владычества совершилось постепенно, почти незаметно» [4].

В обширном университетском «Курсе русской истории» В. О. Ключевского событиям свержения ордынского ига вообще не нашлось места. И даже Н. Г. Чернышевский, следуя традиционной для того времени трактовке событий свержения ига, мимоходом отмечал, что Орда была побеждена «собственным одряхлением и размножением русского населения», и само иго пало «не от борьбы с великороссами», что даже перед Куликовской битвой, не говоря уже о 1480 г., ордынцы «совершенно уже охилели», а поход Мамая был «предсмертной конвульсиею умирающего зверя» [5].

Итак, выходило, что Ивану III воевать, собственно говоря, было не с кем, а если не было противника, то какая могла быть война? Не случайно кампания 1480 г. почти не привлекала внимания дореволюционных военных историков. Даже Н. С. Голицын, который высоко оценивал деятельность Ивана III и довольно подробно описывал поход Ахмед-хана, считал необходимым оговориться, что «русские войны при Иоанне более важны в политическом отношении, чем замечательны в военном» [6]. В «Истории военного искусства» Н. П. Михневича (1895) и «Курсе истории русского военного искусства» А. К. Баиова (1909) о походе Ахмед-хана вообще не упоминалось. В обширном коллективном сочинении по военной истории «История русской армии и флота» всем военным событиям 1480 г. уделены следующие четыре строчки: «при несомненном влиянии второй жены Иоанна III, Софии Палеолог, в 1480 г. получает, наконец, 100 лет спустя после Куликовой битвы, полное свое осуществление *спадение* (курсив мой.— *В. К.*) татарского ига» [7].

В работах советских историков свержение ордынского ига справедливо оценивается как событие огромного исторического значения, как закономерный итог освободительной борьбы русского народа за свою национальную независимость. Однако в освещении военных событий 1480 г. и сейчас порой встречаются «традиционные» для дореволюционной историографии мнения и оценки, рассуждения о чуть ли не «мирном высвобождении» России из-под власти ордынских ханов, о будто бы ставшем

к этому времени номинальным характере ордынского ига, о преобладании дипломатических средств борьбы с ордынцами над военными и т. д. и т. п.

Мнение о том, будто к 1480 г. силы Золотой Орды были настолько ослаблены, что ордынское иго было свергнуто без особых усилий со стороны русского народа, главным образом лишь дипломатическими ухищрениями московского великого князя, было подвергнуто справедливой критике в уже упоминавшейся статье П. Н. Павлова. Однако статья, опубликованная в 1955 г. в ученых записках провинциального института, осталась не замеченной историками. В книге И. Б. Грекова по истории международных отношений в Восточной Европе (1962) снова на первый план выдвигаются «политический и дипломатический опыт московского государя», а военные аспекты событий 1480 г. почти не затрагиваются. На «политическом мастерстве» Ивана III акцентируют внимание и авторы нового университетского учебника по отечественной истории (1975). Со схожих позиций подходили к освещению событий 1480 г. некоторые военные историки. Видимо, не случайно обстоятельный и интересный раздел «Военное дело» в «Очерках истории русской культуры XIII—XV веков» заканчивается описанием Куликовской битвы 1380 г.

Не меньше противоречивых мнений высказывается в исторической литературе и по вопросу о роли великого князя Ивана III в свержении ордынского ига и вообще в оценке его как военного деятеля и полководца.

Попробуем проследить, как складывался традиционный взгляд на этого незаурядного деятеля отечественной истории.

Для дворянских историков XVIII — начала XIX в. создатель Российского государства и победитель Ахмед-хана — это прежде всего «Иван Великий», «Иван Грозный» (как и его прославленный внук), который «совершенную монархию восстановил» (В. Н. Татищев) и «сделался одним из знаменитейших государей в Европе» (Н. М. Карамзин). И государственные, и военные способности Ивана III оценивались ими весьма высоко.

Однако в историографии второй половины XIX в. личность великого князя Ивана III как бы «раздвоилась»: признавая его заслуги в качестве государственного деятеля и дипломата, некоторые историки начали отказывать Ивану III в качествах полководца.

Уничижающую критику великого князя Ивана III давал в книге «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» Н. И. Костомаров. Иван III «по природе не был храбр»; к месту сбора войска в Коломну выехал будто бы только по настоянию матери и духовенства, «но там окружили его такие же трусы, каким он был сам», и великий князь «поддался их убеждениям, которые сходились с теми ощущениями страха, какие испытывал он сам», и вернулся в Москву. Только боязнь «народного возмущения» якобы вынудила Ивана III поехать на р. Угру. В Боровске «на него опять нашла боязнь», и он начал «вместо битвы просить милости у хана» и т. д.[8]

Военные историки XIX в., признавая заслуги Ивана III как государственного деятеля, полностью отказывали ему в качествах полководца. В обобщающем официальном сочинении «Русская военная сила. История развития военного дела от начала Руси до нашего времени» содержалась такая общая оценка Ивана III: «Иоанн III выказал замечательный государственный ум; но нельзя сказать о нем того же в отношении его военных предприятий, в которых не замечается проявление таланта... Действия всегда отличались медлительностью и нерешительностью... В походе же 1480 года против Ахмата он выказал даже трусость и, совершенно против своей воли, был принужден народом вернуться в армию, откуда он было уехал»[9].

К концу XIX в. в трудах некоторых историков Иван III уже представал этаким безликим историческим статистом, наделенным многими отрицательными чертами, вплоть до «черствого сердца» и личной трусости.

Но была и другая точка зрения на личность Ивана III. Серьезное и исторически прогрессивное осмысление этой проблемы связано с революционным направлением в русской историографии.

Декабрист Н. И. Тургенев писал: «Я вижу в царствовании Иоанна счастливую эпоху для независимости и внешнего величия России, благодетельную даже для России по причине уничтожения уделов», «Россия достала свою независимость... мы видим Россию важною, великою в отношении к Германии, Франции и другим государствам»[10]. Такая оценка тем более для нас важна, что, по справедливому замечанию Л. В. Черепнина, «для дворянских революционеров самодержавие всегда, на всех

этапах его существования, было явлением отрицательным» и «в нарисованных ими портретах московских князей преобладали черные краски» [11].

Весьма высоко оценивал Ивана III В. Г. Белинский, который считал его одним из выдающихся людей своего времени. В рецензии на сочинения И. И. Лажечникова (1839) великий критик писал: «Русская история есть неистощимый источник для романиста и драматика... Какие эпохи, какие лица! Да их стало бы нескольким Шекспирам и Вальтерам Скоттам... А характеры?... Вот могучий Иоанн III, первый царь русский... Душа отдыхает и оживает, когда выходит на сцену этот могучий человек, с его гениальною мыслию, с железным характером, непреклонною волею... ум глубокий, характер железный, но все это в формах простых и грубых».

Как государственного деятеля Белинский ставил Ивана III выше Петра I, считал характерной особенностью России «обилие в таких характерах и умах государственных и ратных, каковы были Александр Невский, Иоанн Калита, Симеон Гордый, Дмитрий Донской, Иоанн III»; «Иоанн III, которого не без основания некоторые историки называют великим», не только обнаружил «твердую волю, силу характера», но и был «гением в истории». Понятие «гения в истории» Белинский расшифровывал так: «В какой бы сфере человеческой деятельности ни появился гений, он всегда есть олицетворение творческой силы духа, вестник обновления жизни. Его предназначение — ввести в жизнь новые элементы и через это двинуть ее вперед на высшую ступень. Явления гения — эпоха в жизни народа. Гения уже нет, но народ долго еще живет в формах жизни, им созданной, долго — до нового гения. Так, Московское царство, возникшее силою обстоятельств при Иоанне Калите и утвержденное гением Иоанна III, жило до Петра Великого. Тот не гений в истории, чье творение умирает вместе с ним: гений по пути истории пролагает глубокие следы своего существования долго после смерти».

Возражая против распространенного в исторической литературе мнения о «смирении» и «мирном характере» московских князей, Белинский писал: «Иоанн Калита был хитер, а не смирен; Симеон даже прозван был «гордым», а эти князья были первоначальниками силы Московского царства. Дмитрий Донской мечом, а не смирением предсказал татарам конец их владычества над Русью;

Иоанн III и IV, оба прозванные «грозными», не отличались смирением...»[12].

А. И. Герцен в работе «О развитии революционных идей в России» признавал историческую обусловленность и прогрессивность государственной деятельности Ивана III. «Необходимость централизации была очевидна: без нее нельзя было ни свергнуть монгольское иго, ни спасти единство государства... Москва спасла Россию...»[13].

Попытку позитивно оценить действия Ивана III в событиях 1480 г. предпринял в 1867 г. историк Г. Карпов, автор труда «История борьбы Московского государства с Польско-Литовским». Г. Карпов первым представил действия Ивана III в 1480 г. как определенную стратегическую линию, объясняя их военной целесообразностью, первым обратил внимание на «враждебный к Ивану III» характер летописных текстов, их тенденциозную окраску. В частности, он считал недостоверными летописные известия о вторичном возвращении Ивана III из войска в Москву, которые давали повод для обвинения его в нерешительности и трусости[14].

С точки зрения военной целесообразности пробовал анализировать события 1480 г. и Н. С. Голицын. По его мнению, Иван III «принял меры, которые нельзя не одобрить, хотя они, кажется, недостаточно оценены современниками»; причем «эти мудрые меры Иоанна имели полный успех», даже «без особых пожертвований с его стороны и подвержением себя неверным случайностям битвы с Ахматом». В целом, по мнению Н. С. Голицына, в войне с Ахмед-ханом «обнаружилось явное торжество Иоанна и его мудрой политики осторожного образа действий». Н. С. Голицын решительно отводил обвинения в трусости, которые предъявляли великому князю тенденциозные летописцы и следом за ними историки. Он писал: «медление и выжидание его возбуждали в Москве все большее недовольство, если и понятное с одной стороны, то несправедливое с другой. Иоанну вменяли в слабость, нерешительность, даже боязнь и страх — то, что, напротив, изобличает в нем большую твердость в исполнении задуманного им, но непонятого общим мнением»[15]. Но выводы Н. С. Голицына не нашли отражения в обобщающих сочинениях по отечественной истории.

Первое специальное исследование по интересующему нас вопросу, проведенное в XX в., принадлежит

А. Е. Преснякову. В работе «Иван III на Угре», опубликованной в 1911 г., он подчеркивает огромное историческое значение свержения ордынского ига: «1480 год — критический момент в выступлении Москвы на более широкое историческое поприще... Москва становится суверенным, самодержавным — в исконном смысле этого слова — государством, сметая последние черты „улуса“ татарского». А. Е. Пресняков указывает на то, что «фактическая сторона событий 1480 г. приобретает особый интерес для историка», и впервые делает попытку источниковедческого анализа летописных текстов. Исследованием этой источниковедческой стороны дела он и ограничился, оставив воссоздание действительно картины военных событий 1480 г. будущим историкам [16].

Исследования Г. Карпова, Н. С. Голицына и А. Е. Преснякова действительно выделили основные направления дальнейшей разработки проблемы: критический анализ летописного материала и объяснение событий 1480 г. с точки зрения военной целесообразности.

Советские историки высоко оценивают государственную деятельность великого князя Ивана III, возглавившего исторически прогрессивный процесс образования централизованного государства, его дипломатическое искусство, которое обеспечивало благоприятные внешнеполитические условия для завершения этого процесса. Личностью великого князя Ивана III советские историки заинтересовались в грозные годы Великой Отечественной войны, когда мужественные образы наших великих предков вдохновляли советских людей в борьбе за свободу и независимость Родины.

В. Снегирев, автор научно-популярной книги «Иван III и его время» (1942), увидел в Иване III выдающегося военного деятеля своего времени. При отражении нашествия Ахмед-хана он действовал «с разумной осторожностью»; несмотря на нападки своих политических противников, «сохранял полное спокойствие», «не увлекаясь перспективой блестящей битвы, проявил необычайную выдержку характера» и «предоставил хану риск наступления». В результате «торжество Ивана Васильевича было полное, его тактика оказалась правильной: хан был побежден без великой битвы. Современники, не поняв соображений, которыми руководствовался Иван, несправедливо обвинили его в трусости. Он, правда, был очень осторожен в своих действиях и всегда опасался каким-

либо неосмотрительным шагом нанести ущерб начатому делу, но своей осторожности он никогда не простирал до того, чтобы упустить существенный успех. Нельзя также подозревать Ивана в недостатке личного мужества: мы уже видели, что детство его и отрочество прошло в суровой военной обстановке, а позднее, совершая несколько больших походов, он лично стоял во главе своих войск, разделял с ними все опасности и сам руководил военными операциями» [17].

Примерно так же оценивал поведение великого князя Ивана III осенью 1480 г. Д. С. Лихачев: великий князь «с холодной молчаливостью презрел крикливые обвинения в трусости и в забвении интересов народа» [18], его действия не были в достаточной мере поняты современниками.

Решительно отметал обвинения Ивана III в нерешительности и трусости К. В. Базилевич. Он указывал, что «такой взгляд на поведение Ивана III, сложившийся под влиянием враждебной ему повести о приходе Ахмед-хана, нам представляется совершенно несправедливым». В тактике великого князя К. В. Базилевич видел разумную осторожность и возражал против версии о вторичном возвращении Ивана III в Москву, которая послужила основным доводом для обвинения великого князя в трусости. «Не заслуживающим доверия представляется сообщение „повести" о враждебной встрече Ивана III, якобы устроенной московским населением и „духовным отцом" великого князя архиепископом Вассианом» [19].

Научная критика враждебных Ивану III летописных версий является несомненной заслугой К. В. Базилевича. Однако в Иване III он прежде всего видел выдающегося дипломата и в своих исследованиях почти не касался разбора его военной деятельности.

В 1955 г. появилась большая статья П. Н. Павлова «Действительная роль архиепископа Вассиана в событиях 1480 г.». П. Н. Павлов отмечал, что «в советской исторической литературе летописные рассказы о событиях 1480 г. по существу не подвергались исследованию, поэтому вопрос о роли архиепископа Вассиана не был пересмотрен и обычно освещается в духе летописной традиции». «Послание» Вассиана, считает Павлов, не свидетельствует ни об его «централистских настроениях», ни об его патриотизме. «Есть основания считать Вассиана выразителем интересов церковной и светской феодаль-

ной верхушки», которая настаивала на генеральном сражении с Ахмед-ханом без учета военной обстановки. «Это желание Вассиана и всей московской группы высших церковников объективно совпадало с интересами внешних врагов страны... Кровопролитная битва... была бы на руку Литве и Ливонии, а также мятежным братьям Ивана III, так как даже при благоприятном для русской армии исходе не могла не ослабить военные силы Русского государства... Вассиан не мог не понимать, что тяжелая борьба... невозможна без объединения всех русских сил, и рассчитывал, что во имя этого объединения великий князь пойдет на уступки феодальной знати». П. Н. Павлов считает организацию обороны страны от Ахмед-хана заслугой прежде всего самого великого князя Ивана III, который победил «в результате блестяще проведенных военных и дипломатических мероприятий» [20]. Насколько нам известно, эта аргументация не опровергалась в исторической литературе.

В университетском учебнике отечественной истории (1956) автор соответствующего раздела А. М. Сахаров высоко оценивал заслуги Ивана III в организации обороны страны и разгрома Ахмед-хана. «В сложной исторической обстановке Иван III проявил большую твердость и решимость, обеспечив сосредоточение всех усилий на борьбе с главным врагом — Ахмед-ханом». А. М. Сахаров подчеркивал правильность основной тактической линии Ивана III и несостоятельность критики его действий со стороны политических противников. Великий князь «не начинал активных наступательных действий, желая выиграть время в целях сосредоточения новых сил и даже послал к Ахмед-хану своего представителя для ведения переговоров. Такое поведение Ивана III было расценено некоторыми московскими политиками как проявление его слабости и нерешительности... Но Иван III не мог выступить против Ахмед-хана, пока не был ликвидирован мятеж его братьев» [21]. Л. В. Черепнин во «Всемирной истории» тоже соглашается с правильностью тактической линии Ивана III, который «стремился достигнуть победы без больших потерь и поэтому старался выиграть время, не прибегая к решительным действиям» [22].

Для выяснения спорных вопросов, касающихся отдаленного прошлого, историки-исследователи прежде всего обращаются к источникам, стараясь на этой стадии работы абстрагироваться от противоречивых и зачастую

дискуссионных мнений своих предшественников. Это позволяет найти свой подход к оценке выводов и целых концепций, опирающихся на известный круг источников и отражающих теоретические и политические позиции, а также субъективное отношение авторов. Таков общий путь исторического познания.

Применительно к нашему вопросу традиционный подход весьма затруднен самим характером источников. Дело приходится иметь в основном не с историческими остатками, которые обычно более или менее объективно отражают действительное положение вещей, а с исторической традицией, представленной различными летописными рассказами, имевшими явную политическую окраску.

На тенденциозность летописных известий о событиях 1480 г. и о роли в них великого князя Ивана III указывал еще в середине прошлого столетия Г. Карпов. Он обращал внимание на две летописные версии: «Официальный рассказ», представленный Никоновской летописью, и явно «враждебный к Ивану III» рассказ Софийской II летописи; причем, по мнению исследователя, даже официальная версия «все-таки подверглась влиянию талантливого враждебного летописца». В подтверждение своего вывода Г. Карпов указывал на множество существенных противоречий в летописных текстах, например в оценке «советников» великого князя Ощеры и Мамонова, которых некоторые летописцы прямо обвиняли в «измене». На самом деле, замечает Г. Карпов, они «являлись лучшими дипломатами по степным делам, и в крымских статейных списках дошли до нас записки об их посольствах, совершенно оправдывающие их от данного им названия изменников».

Г. Карпов считал недостоверными именно те летописные известия, на которых позднейшие историки основывали свои выводы о нерешительности или даже трусости Ивана III. Перу «враждебного летописца» принадлежали сведения и о вторичном возвращении великого князя в Москву, и о его приказе войску отступить от р. Угры, и о восстании горожан в Москве, и т. д. «Послание» архиепископа Вассиана Г. Карпов считал явно тенденциозным и добавлял, что оно составлялось с определенной политической целью — дискредитировать великого князя. Послание, «если только оно не подделка, давало основу написать рассказ о нашествии Ахмата и подшу-

тить над Иваном III так, чтобы потомки не очень-то благоговели перед первым русским государем».

«Враждебная версия» была вставлена «в летопись очень ловко, хотя и может броситься в глаза то, что официальный рассказ сокращен и находится перед посланием Вассиана. В нем уже рассказано, что Иван III находится в Кременце, а потом следует послание, и после него вдруг начинаются подробности о том, как Иван Васильевич въезжал в Москву и т. д.», т. е. ситуация нереальная.

Причины фальсификации событий Г. Карпов видел в оппозиции феодальной знати политике централизации, которую последовательно проводил великий князь Иван III. «Когда государственный порядок коснулся и интересов князей, то в это время, в минуту раздумья, они захотели взять себе всю славу знаменитых дел и указать потомству, что руководитель народа не так уж велик, как можно судить по его делам, случившимся при нем» [23].

А. Е. Пресняков, который специально подчеркивал важность для историка «фактической основы событий 1480 г.», вообще пришел к выводу, что в данном случае «состояние источников не дает возможности восстановить ее во всех подробностях, ясно и убедительно». Он также обратил внимание на тенденциозность и недостоверность церковной версии, которая придавала летописным рассказам «фальшивую окраску». Ссылаясь на работу польского историка Папэ, А. Е. Пресняков утверждал, что Вассиан и его окружение «с преувеличенной риторикой требовали битвы в самый неподходящий момент, а затем по-своему окрасили изложение всей этой истории» [24].

К. В. Базилевич тоже отмечал тенденциозность и противоречивость летописных рассказов о событиях 1480 г., а Софийскую II летопись, на которую чаще всего ссылались «критики» Ивана III, попросту квалифицировал как «ненадежный и недостоверный источник» [25].

Обстоятельный анализ всей суммы летописного материала был сделан П. Н. Павловым. Он считает, что Софийская II летопись — «откровенно враждебный по отношению к великокняжеской власти рассказ», составленный, видимо, в Ростове и отражавший позицию церковной верхушки (митрополит Геронтий, архиепископ Вассиан и их окружение). «Примыкают к этой враждеб-

ной версии и рассказы Типографской, Ермолинской, Воскресенской летописей, хотя в них нет прямых выпадов против Ивана III». Даже в официальные летописи — Московский летописный свод конца XV в., Никоновскую и Симеоновскую летописи — вошла «новая редакция этого рассказа, несколько приспособившая его для нужд официального летописания»; «официальная редакция несколько сгладила тенденциозность ростовского рассказа». Рассказ Вологодско-Пермской летописи, который «содержит много интересных подробностей, показывающих хорошую осведомленность его автора, и написан без полемического задора», тоже проникнут, по мнению автора, «явным сочувствием к московской оппозиционной группе и даже к мятежным князьям». П. Н. Павлов полагает, что подлинный «официальный рассказ великокняжеского летописания мог быть уничтожен, как было уничтожено немало ценных документов в истории любой страны» [26].

Трудно судить, насколько справедливо это предположение, но то, что летописные известия о событиях 1480 г. крайне тенденциозны и противоречивы, не вызывает сомнений, как не вызывает сомнений и явно враждебная по отношению к Ивану III окраска многих летописных рассказов. Наличие противоречивых летописных версий о роли Ивана III в событиях 1480 г. признавал и Л. В. Черепнин.

Таким образом, правильно оценить деятельность Ивана III, опираясь только на свидетельства летописей, порой трудно из-за тенденциозности многих из них в подходе к этому вопросу. Однако и здесь дело не представляется совсем уж безнадежным. Разрозненные и фрагментарные свидетельства источников, в том числе иностранных, дают представление о личности великого князя и об его оценке современниками и ближайшими потомками. Наконец, можно осмыслить личность Ивана III через призму исторических результатов его деятельности. А эти результаты огромны.

Глава 12

ВОЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ЭПОХИ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

По летописям известны два прозвища Ивана III — «Грозный» и «Великий», что очень знаменательно. Прозвища, которые добавлялись к княжеским именам, никогда не были случайными в русской истории. Почетным прозвищем «Невский» отмечены ратные доблести великого владимирского князя Александра Ярославича; за то же назван «Донским» его потомок, великий князь Дмитрий Иванович, победитель Мамая в Куликовской битве на Дону 1380 г. Прозвище «Калита» неплохо раскрывало сущность политики московского князя Ивана Даниловича. Ярославский князь Федор, ордынский «прислужник», был заклеймен в летописях прозвищем «Черный», а ничем не примечательного и нерешительного костромского князя Василия летописцы презрительно называли «Квашней».

Иван III был в представлении летописцев «Грозным» подобно внуку своему «грозному государю» Ивану IV и «Великим», как его более отдаленный преемник на российском престоле Петр I [1]. В крымской посольской книге за 1498 г. упомянуто еще одно прозвище Ивана III — «Правосуд» [2]. Великого князя называли также «Горбатым». С. М. Соловьев замечал, что «из прозвища Горбатый, которое встречается в некоторых летописях, можно заключить, что он при высоком росте был сутуловат» [3].

Сохранилось описание внешности великого князя Ивана III, сделанное его современником Амвросием Контарини. Венецианский посол Контарини проезжал в 1476 г. через Москву и был принят великим князем. Контарини писал: «Великому князю на вид около 35 лет. Он высок ростом и худощав, но со всем тем красивый мужчина» [4].

Попытка оценить военную деятельность Ивана III и его борьбу против ордынского владычества была сделана в середине XVI в., когда «Казанская война» снова сделала весьма актуальным вопрос о русско-ордынских отношениях. Автор «Казанского летописца» восторженно писал, что Иван III «восприет велие дерзновение, поба-

рая по крестьянстеи вере, и презре, преобиде... царя Ахмата Златия Орды, и страх и буесть всех варвар в плюновение худое вмени, и крепце вооружися, и мужественне ста; против неистовства царева и гордаго шатания послов его отнюдь не восхоте, и до конца отложи дани и оброки давати ему, ни сам во Орду приходити к нему»[5]. Решительным и дерзким борцом с ордынцами, победителем Ахмед-хана и освободителем России от иноземного ига представляет автор «Казанского летописца» (возможно, ближайший потомок одного из русских воинов, сражавшихся на Угре) великого князя Ивана III.

Царь Иван Грозный в своих знаменитых посланиях называл своего деда Ивана III «мстителем неправдам», вспоминал «великого государя Ивана Васильевича, собирателя Руския земли и многим землям обладателя»[6].

Весьма высокую оценку деятельности Ивана III находим и в иностранных источниках, причем в них особо подчеркивались именно внешнеполитические и военные успехи великого князя. Даже король Казимир IV, постоянный противник Ивана III, характеризовал его как «вождя, славного многими победами, обладающего огромной казной», и предостерегал от «легкомысленного» выступления против его державы[7]. Польский историк начала XVI в. Матвей Меховский писал о великом князе Иване III: «Это был хозяйственный и полезный земле своей государь. Он... своею благоразумною деятельностью подчинил себе и заставил платить дань тех, кому раньше сам ее платил. Он завоевал и привел к покорности разноплеменные и разноязычные земли Азиатской Скифии, широко простирающиеся к востоку и к северу»[8].

В сочинении Михаила Литвина (1550) подчеркивались заслуги великого князя Ивана III в свержении ордынского ига и в расширении границ своего государства. «Великий князь Иоанн освободил себя и свой народ от... тирании... Сверх того, он распространил свои владения, подчинив себе Рязань, Тверь, Суздаль, Волок и другие соседние уделы. Он же отнял и присоединил к своим наследственным владениям литовские провинции: Новгород, Псков, Северщину и другие...» Особенно важно для нас указание Михаила Литвина на огромную популярность Ивана III как освободителя от ордынского ига в России. «Этот великий князь *причтен своими к числу святых подвижников, как монарх, освободивший и расширивший свое отечество*»[9] (курсив мой.— *В. К.*)

Даниил Принц из Бухова, побывавший в «Московии» в 1576 г., писал в своем сочинении, что Иван III, «одаренный великим духом, чрезвычайно расширил свое государство к востоку и затем мало-помалу присоединил к себе обширнейшие области... Он первый принял титул великого князя Владимирского, Московского и Новгородского и назвал себя государем всея Руси» [10].

Рейнгольд Гейденштейн, известный историк и дипломат, статс-секретарь короля Стефана Батория, подчеркивал, что именно Иваном III были заложены основы могущества России. В своих «Записках о Московской войне» он писал: «Василию наследовал сын его Иоанн, который первый положил основание тому могуществу, до которого теперь дошли московитяне»; он «достиг такого могущества, что прочие князья от страха стали уступать ему и не было никого, кто бы противился его стремлениям... Он же первый свергнул и татарское иго» [11]. Кстати, именно Р. Гейденштейну принадлежит «авторство» выдумки о том, что к свержению ига Иван III был побужден «речами умной женщины Софии Греческой». Ю. А. Лимонов замечал по этому поводу: «Сообщение о том, что татарское иго было свергнуто благодаря Софье Палеолог, которая была умной и энергичной женщиной, заставившей своего супруга бросить вызов Золотой Орде, есть плод фантазии самого Гейденштейна» [12]. Однако выдумка Гейденштейна, подхваченная известным французским историком де Ту, получила впоследствии самое широкое распространение в исторической литературе.

Сам Жак Огюст де Ту высоко оценивал государственную и военную деятельность Ивана III, особо подчеркивая его заслуги в свержении ордынского ига. В «Истории своего времени» он писал: «Его (Василия Темного.— *В. К.*) наследником был его сын Иван, который принял титул „Государь всея Руси“ и который был назван великим», потому что «стряхнул гнусное ярмо» ордынского ига и подчинил «всех других князей России» [13].

Во французской генеалогии некоторые авторы вообще начинали родословную русских правителей «от Иоанна III». Французские историографы конца XVI в. братья С. и Л. Мартес писали, что Иван III «принял титул великого князя Владимира, Московии и Новгорода и государя Руси... и стал очень грозен после многих побед над соседями: поляками, татарами и другими, будучи счастлив в войне с ливонцами. Процарствовав 28 лет и

увековечив свое имя громкими делами, умер в 1505 г.» [14].

Известный английский писатель, публицист и историк XVII в. Джон Мильтон в своем трактате «Московия» указывал, что именно с княжения Ивана III Россия стала известна в Европе как сильное и грозное государство. «Иван Васильевич первый прославил русское имя, до тех пор неизвестное» [15].

Таким образом, отношение историков XVI и XVII вв. к великому князю Ивану III единодушно: это крупный государственный и военный деятель, «государь всея Руси», «Великий», прославивший свою страну, освободивший ее от ордынского ига.

Большой интерес для нас представляют «Записки о московитских делах» С. Герберштейна. И не только потому, что он дважды, в 1517 и 1526 гг., лично побывал в «Московии» и имел возможность из первых рук получить сведения об Иване III. Наблюдательный иноземец сумел понять то принципиально новое, что отличало Ивана III как военного деятеля от его предшественников.

После общих рассуждений о том, что «Иоанн был очень счастлив» во всех делах, что ему «стали подчиняться все другие князья», Герберштейн переходит к описанию стиля Ивана III руководить военными событиями:

«Лично сам он только раз присутствовал на войне, именно, когда подвергались захвату княжества Новгородское и Тверское; в другое время он обыкновенно никогда не бывал в сражениях и все же одерживал победу; так что великий Стефан, знаменитый палатин Молдавии, часто вспоминал про него на пирах, говоря, что тот, сидя дома и предаваясь сну, умножает свою державу, а сам он, ежедневно сражаясь, едва в состоянии защитить свои границы...» [16].

Не в этих ли особенностях военной деятельности Ивана III следует искать одну из причин непонимания современников?

Дело в том, что для предшествовавшего великому князю Ивану III времени идеалом был князь-воин, самолично ведущий в битву полки, как Александр Невский, или даже сражавшийся в боевом строю, «на первом сступе», подобно Дмитрию Донскому в Куликовской битве. Великий же князь Иван III выступал не в качестве воеводы, а как организатор войны, т. е. в роли, присущей не князю «удельного периода», а правителю складывавшегося централизованного государства. И его военная

деятельность во время войны с Ахмед-ханом в 1480 г. была не следствием какой-то «нерешительности» или «колебаний», а твердой тактической линией, придерживаясь которой, он в определенные моменты считал более важным заниматься неотложными внутренними делами, оставив войско под командованием своих ближайших родственников и надежных воевод. Такое непривычное поведение великого князя могло показаться непонятным и даже тревожным его современникам.

Княжение Ивана III было временем, когда происходили коренные изменения в самом характере русского войска. Сущность этих изменений состояла в постепенном переходе от феодальных ополчений, свойственных периоду уделов, к общерусской армии складывавшегося Российского государства, на что единодушно указывают военные историки[17]. Новейший исследователь военного дела на Руси А. Н. Кирпичников отмечает: «Если в XIV столетии войско состояло из княжеских городских полков — «коинждо ис своих градов с своими полки служачи великому князю», то веком позже армия в значительной мере набирается за счет отрядов дворовой челяди и мелких землевладельцев — детей боярских и их воев «из всех городов и изо всех отчин». Право свободного отъезда или отделения постепенно заменяется регламентированным прикреплением целых групп людей и их дворов к земле и высшему феодалу. Растет класс военнослужилых людей, что расширило мобилизационные возможности страны». Развитие поместной системы выдвигает на смену младшим дружинникам, детским, отрокам, «молодцам» своеобразное кадровое офицерство: окруженных дворней служивых детей боярских и дворян. Для своего времени это — прогрессивное явление, так как вместо своевольных боярских дружин собиралась организованная сила, подчинявшаяся центральной власти. Инициатором созыва общерусского профессионального войска, состоящего из воевод, детей боярских и «прочих воев», выступила великокняжеская Москва, по мере объединения русских земель создававшая и наиболее боеспособную «полевую армию». Изменилась и структура вооруженных сил страны. «Вместо копейщиков действует сабельная кавалерия, в лице артиллеристов и «огненных стрельцов» создаются новые для средневековья формирования». Вне связи со всеми этими переменами, которые А. Н. Кирпичников называет «крутой ломкой традицион-

ной системы вооружения и тактики боя»[18], нельзя рассматривать военную деятельность Ивана III.

Общерусское войско находилось под единым командованием «государя всея Руси». Во главе отдельных ратей и полков стояли воеводы, назначенные великим князем и послушно проводившие в жизнь его приказы. Это делало необязательным личное присутствие Ивана III на театре военных действий. К тому же неизмеримо расширились масштабы военной деятельности великого князя: верховный командующий вооруженными силами, каким являлся великий князь, должен был охватить своим руководством всю страну. Увеличилось значение дипломатической подготовки войны в связи с выходом России на мировую арену. Создание выгодных для ведения войны внешнеполитических ситуаций требовало постоянных забот со стороны правителя государства, и это часто было важнее, чем непосредственное руководство военными действиями. Заботой великого князя являлось также то, что военные историки называют «политическим обеспечением» войны.

В новых условиях было естественно, что великий князь Иван III выступал в первую очередь как организатор войны, передоверяя своим воеводам проведение отдельных операций или даже целой кампании. Война 1480 г. не была в этом отношении каким-то исключением. Подобным образом поступал Иван III и во время других войн, которыми так богато его княжение.

Попробуем проследить особенности военного искусства Ивана III на примере его войны с Новгородской феодальной республикой в 1471 г., в отношении которой летописцы не так тенденциозны, как в освещении событий свержения ордынского ига.

Планирование войны проводилось с тщательным учетом внешнеполитической ситуации. В Новгороде тогда резко активизировала свою деятельность антимосковская боярская партия во главе с вдовой посадника Борецкого Марфой и ее детьми. Тайное новгородское посольство заключило договор с королем Казимиром IV. В ноябре 1470 г. в Новгород приехал литовский князь Михаил Олелькович. Опасность перехода Новгорода под власть Литвы стала вполне реальной. Обстановка требовала немедленной военной акции против боярской республики, хотя в этом случае не исключалось прямое вмешательство в новгородско-московский конфликт Казимира IV.

В договоре Новгорода с Литвой был пункт о том, что король должен «всести на конь за Великий Новгород, и со всею своею радою литовскою, против великого князя, и боронити Великий Новгород».

Иван III быстро собрал войско, выбрав для начала похода такой момент, когда прямая военная помощь новгородским боярам со стороны Казимира IV казалась наименее вероятной. Великий князь Иван III учитывал, что на открытую войну с Россией король мог решиться, только располагая объединенными силами Литвы и Польши, а в тот момент внутреннее положение не давало ему возможности объявить «посполитое рушение» и привлечь к походу польскую шляхту. Кроме того, обострились польско-венгерские отношения, которые отвлекали внимание Казимира IV от новгородских рубежей. Внешнеполитические расчеты Ивана III оказались правильными. Литва не помогла новгородским боярам [19].

Характерной чертой Ивана III — военачальника было умение найти нужное «политическое обеспечение» войны. Так, подготовка к походу на Новгород велась им под лозунгами борьбы против «измены», за православную веру против «латинства». Самому походу он постарался придать характер большого общерусского политического акта. «Князь великий разосла по всю братью свою, и по все епископы земли своея, и по князи и по бояри свои, и по воеводы и по вся воя своя; и якоже вси снидошася к нему, тогда всем возвещает мысль свою, что ити на Новгород ратию, понеже бо и всем измениша и накоежды правды обретеся в них ни мало». В грамотах, направленных в Псков и в Тверь, великий князь подробно перечислял «вины» новгородцев: «Отчина моя Новгород Великий отступают от мене за короля, а архиепископа свово поставити им у его митрополита Григория Латынина суща». Перед выступлением из Москвы Иван III «прием благословение от митрополита Филиппа, и такоже от всех святителей земли своеа и от всего священного собора». Все эти политические мероприятия способствовали сплочению войска, оправдывали в глазах народных масс военную акцию против Новгорода, обеспечивали крепкий тыл для ведения войны.

События самого похода 1471 г. подробно описаны и проанализированы Е. А. Разиным, который прежде всего отмечает тщательную предварительную разработку плана похода, обсуждавшегося в Москве с привлечением «под-

ручных» князей, бояр и воевод. Поход с самого начала планировался как общерусское предприятие. Великий князь умело воспользовался внутренними противоречиями в Новгородской феодальной республике. На его стороне выступили военные силы из отдельных областей Великого Новгорода (псковичи, устюжане, вятчане).

Основная идея стратегического плана Ивана III заключалась в том, чтобы охватить Новгород с запада и востока, перекрыть все пути, ведущие в Литву, и отрезать город от его восточных владений, откуда могла подойти помощь. Это была идея изоляции Новгорода.

В самом плане войны была заложена ставка на инициативу и самостоятельность московских воевод, которые должны были действовать со своими ратями на большом удалении друг от друга.

Из самого существа плана вытекала роль великого князя как организатора войны, который разработал общий стратегический план наступления на Новгород, добился уяснения его воеводами отдельных ратей, обеспечил внешнеполитическую и внутриполитическую подготовку войны и должен был выступить с главными силами в благоприятный момент, подготовленный самостоятельными действиями воевод, наступавших на новгородские владения с разных сторон.

Московские рати двигались по сходящимся направлениям к главной цели похода — Новгороду. Две сильные рати должны были выйти к городу с запада и востока, а третья — начать «воевать» восточные владения боярской республики. Эта последняя рать выступила в поход раньше других, уже в конце мая.

В начале июня из Москвы выступила 10-тысячная рать Д. Д. Холмского и Ф. Д. Пестрого-Стародубского. Она направлялась через Старую Руссу к р. Шелони, чтобы там соединиться с псковичами и вместе наступать на Новгород с запада. Вторая рать под командованием князя Оболенского-Стриги пошла на Вышний Волочок, чтобы дальше наступать на Новгород вдоль р. Мсты с востока.

Главные силы Ивана III начали поход 20 июня и медленно двигались через Тверь и Торжок к южному берегу озера Ильмень. По дороге к ним должно было присоединиться тверское войско.

Новгородские бояре собрали для обороны города большие силы. По летописным известиям, только в «конной

рати» насчитывалось 40 тысяч воинов (правда, Е. А. Разин считает эту цифру завышенной). Кроме того, была собрана «судовая рать».

Видимо, новгородские военачальники рассчитывали разгромить великокняжеское войско по частям. Движение великокняжеского войска отдельными ратями, казалось, благоприятствовало успеху этого плана. Новгородская конная «кованая» рать выступила к р. Шелони, чтобы не допустить соединения москвичей с псковичами и разбить князя Холмского. 12-тысячный отряд был выделен для обороны Заволочья, что объективно ослабило новгородские силы на главном направлении. Стратегический замысел Ивана III, направленный на разъединение новгородских сил, начал приносить свои плоды. Московские воеводы уже шли на Новгород «разными дорогами со всех рубежев». Особенно успешными были действия рати князя Холмского. Она сожгла Старую Руссу и двигалась к р. Шелони.

Новгородцы решили воспользоваться отрывом этой рати от главных сил великокняжеского войска и уничтожить ее. Новгородская «судовая рать» пересекла озеро Ильмень. Часть войска высадилась у с. Коростына, а остальные новгородцы на судах поплыли вверх по р. Полисти, чтобы выйти в тыл князю Холмскому. Одновременно с фронта, со стороны р. Шелони, должна была подоспеть «конная рать» новгородцев. Задумано было неплохо, однако несогласованность между новгородскими ратями наряду с решительными действиями москвичей превратили этот хитроумный план в ловушку для самих новгородцев. Князь Холмский разгромил их по частям.

13 июля рать князя Холмского подошла к р. Шелони. На другом берегу, возле устья р. Дрянь, стояла новгородская конница. Несмотря на большое численное превосходство новгородцев, князь Холмский решил атаковать. 14 июля по бродам и вплавь москвичи неожиданно форсировали реку и напали на новгородцев. Отряд служилых татар, входивший в состав московской рати, обошел новгородский лагерь и внезапно напал с тыла.

Решительный натиск москвичей и обходный маневр татарской конницы внесли замешательство в ряды новгородцев. Немаловажную роль опять сыграла несогласованность в действиях новгородских воевод. Многочисленный и хорошо вооруженный «владычный полк» вообще уклонился от боя. Не выдержав натиска, новгородцы

обратились в бегство. Путь на Новгород был открыт.

В это время Иван III с главными силами находился в Яжелбицах, примерно в 150 километрах от р. Шелони, но исход кампании был предрешен.

Неудачно складывались для новгородцев и военные действия в Заволочье. 12-тысячная новгородская рать, посланная туда на судах, была разгромлена на Северной Двине войском Василия Образца. В самом Новгороде обострилась внутренняя борьба, «разделишася людие: инеи хотяху за князя, и инии за короля литовьского».

В этой обстановке по инициативе архиепископа Феофила начались мирные переговоры. Они закончились подписанием в Коростыни нового московско-новгородского договора. «Литовская партия» в Новгороде была ослаблена, самостоятельность боярской республики значительно стеснена. Политические цели войны были достигнуты полностью, и Иван III, по словам летописца, «не поиде к Новугороду и возвратися оттуду с усть Шелони с честию и победою великою». Таким образом, после удачных действий передовых московских ратей для того, чтобы противники Москвы в Новгороде запросили мира, оказалась достаточной лишь демонстрация военной силы, которая заключалась в движении к городу главных сил великокняжеского войска. Сам великий князь так и не принял участия в боях [20]. Но можно ли из этого факта делать выводы о его нерешительности или трусости? Место руководителя военных сил Российского государства было не в первых рядах ратников.

Примерно так же действовал Иван III и в других крупных военных кампаниях. В 1481 г. 20-тысячную великокняжескую рать, вторгнувшуюся во владения Ливонского ордена и захватившую крепости Феллин и Тарваст, возглавлял не сам Иван III, а его воеводы. Во время пограничных войн с Литвой в конце XV — начале XVI в. из-за «верховских княжеств» московские рати водили воеводы Даниил Щеня, Юрий Кошкин, князья Патрикеевы и другие опытные русские военачальники, а Иван III опять ограничился общим руководством войной и ее дипломатической подготовкой.

Великому князю удалось заключить союз с молдавским господарем, установить дружественные отношения с венгерским королем, сохранить военный союз с крымским ханом Менгли-Гиреем, активизировать деятельность сторонников Москвы в самом Великом княжестве Литов-

ском. Внешнеполитическая изоляция Литвы сыграла важную роль в победе России. Война ознаменовалась блестящими успехами русского оружия. Разгром в 1500 г. 40-тысячного королевского войска под командованием гетмана Острожского справедливо выделяется военными историками как образец инициативы русских воевод, искусного управления войсками и умелого использования общего резерва [21].

В войнах с Литвой проявились основные черты военного искусства Ивана III: стремление вести военные действия за пределами своей страны, наличие общего стратегического плана ведения войны, разработка серии ударов с разных направлений (что приводило к распылению сил противника), понимание необходимости постоянно владеть инициативой.

Несомненно, эти черты формировались десятилетиями, и их становление можно проследить и в событиях войны с Ахмед-ханом в 1480 г. В этих событиях следует искать прежде всего роль Ивана III как общего руководителя военных сил страны и организатора войны. Попытки оценивать военную деятельность великого князя с точки зрения его личного участия в тех или иных операциях представляются ошибкой его «критиков». Возникает вопрос: почему в 1480 г. Иван III должен был действовать иначе, чем в других победоносных войнах своего времени?

При объективном анализе военных событий 1480 г. можно проследить и тщательность дипломатической подготовки Иваном III войны с Большой Ордой, и стремление к «политическому обеспечению»; можно наблюдать, как настойчиво проводил он общерусскую мобилизацию войска, вырабатывал общий стратегический план, наиболее отвечающий конкретной исторической обстановке, и последовательно, не взирая на непонимание и упреки современников, проводил этот план в жизнь. В определенные моменты политическая сторона войны оказывалась более значимой, чем чисто военная, и требовала личного участия великого князя; этим объясняется возвращение его в Москву для переговоров с мятежными братьями, вызвавшее впоследствии столько нареканий в его адрес. Правильно расставить акценты при описании событий 1480 г.— основная задача исследователей этого сложного и противоречивого, но столь важного для истории нашей Родины времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., М., 1949, т. IX, с. 184.

[2] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1949, т. XIV, с. 48.

[3] *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: Феодальная Русь и кочевники. М., 1967, с. 218—261.

[4] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., с. 48.

Глава 1

[1] Подробнее см.: *Каргалов В. В.* Освободительная борьба Руси против монголо-татарского ига.— Вопр. ист., 1969, № 1, с. 145—151.

[2] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. Извлечения из персидских сочинений. М.; Л., 1941, с. 22, 34. (Далее: Тизенгаузен, II).

[3] В исторической литературе встречаются другие цифры. Наши расчеты численности войска Батыя см.: *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы..., с. 73—76.

[4] Полное собрание российских летописей (далее: ПСРЛ), т. XV, стб. 366.

[5] См.: Очерки истории СССР. IX—XIII вв. М., 1953, с. 832.

[6] ПСРЛ, т. I, стб. 515—516; т. II, стб. 779; Тизенгаузен, II, с. 36.

Там же, т. I, стб. 461, 519; т. II, стб. 779; т. X, с. 109—110.

[8] Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949, с. 14, 26—28.

[9] ПСРЛ, т. I, стб. 460—461.

[10] ПСРЛ, т. I, стб. 461—464; т. II, стб. 780; т. III, с. 51; Тизенгаузен, II, с. 36.

[11] ПСРЛ, т. I, стб. 521—522; т. III, с. 52.

[12] Тизенгаузен, II, с. 37; ПСРЛ, т. I, стб. 552.

[13] ПСРЛ, т. II, стб. 782—786.

[14] Там же, т. 1, стб. 469—470; т. II, стб. 781—782; т. IV, с. 51, 178; т. X, с. 115; т. XV, стб. 374.

[15] Тизенгаузен, II, с. 37.

[16] ПСРЛ, т. I, стб. 470.

Глава 2

[1] *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X—XIII веках. М.; Л., 1959, с. 162—164.

[2] Очерки истории СССР. IX—XIII вв. М., 1953, с. 860—861.

[3] ПСРЛ, т. I, стб. 475; т. X, с. 141; т. XXVI, с. 88 и др.

[4] Там же, т. I, стб. 476, 524.

[5] Там же, т. X, с. 143.

[6] *Карпини Плано.* История монголов. СПб., 1911, с. 34.

[7] Подробнее см.: *Каргалов В. В.* Баскаки. — Вопр. ист., 1972, № 5, с. 212—216.

[8] ПСРЛ, т. I, стб. 526, 530.

[9] Там же, т. X, с. 194.

[10] См.: *Зимин А. А.* Народные восстания 20-х годов XIV в. и ликвидация системы бас-

качества в Северо-Восточной Руси.— Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос., 1952, ч. IX, № 1, с. 65.
[11] ПСРЛ, т. X, с. 166.
[12] Там же, т. XV, стб. 410; т. X, с. 181.
[13] *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва XIV—XV вв. М., 1957, с. 165.
[14] Советская историческая энциклопедия. М., 1966, т. 9, стб. 742.
[15] См.: *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северо-Восточной Руси в татарский период. СПб., 1891. Т. 2.
[16] ПСРЛ, т. I, стб. 482—483.
[17] Там же, т. I, стб. 526; т. X, с. 166.
[18] *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. М.; Л., 1940, с. 73.
[19] ПСРЛ, т. X, с. 171; т. XXV, с. 158.
[20] Там же, т. X, с. 173.
[21] *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1922, с. 40.
[22] *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва. М., 1947, с. 24.
[23] ПСРЛ, т. XXV, с. 393.
[24] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, с. 475.
[25] Там же, с. 510, 512.

Глава 3

[1] См.: *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 545—582.
[2] *Рыбаков Б. А.* Военное искусство.— В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв. М., 1969, ч. 1, с. 381—382.
[3] *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976, с. 16.
[4] *Разин Е. А.* История военного искусства. М., 1957, т. 2, с. 272—273.
[5] *Строков А. А.* История военного искусства. М., 1955, с. 287.
[6] Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 352.
[7] *Рыбаков Б. А.* Указ. соч., с. 387.
[8] Повести о Куликовской битве, с. 293.

Глава 4

[1] *Ашурков В. Н.* На поле Куликовом. 3-е изд. Тула, 1976; *Карасев А. В., Оськин Г. И.* Дмитрий Донской. М., 1950; *Уклеин В. Н.* Куликово поле. М., 1971; и др.
[2] См.: Очерки истории СССР. XIV—XV вв. М., 1953, с. 222—226; История СССР: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1966, т. II, с. 91—94.
[3] *Строков А. А.* Указ. соч., с. 286—297; *Разин Е. А.* Указ. соч., с. 283—288; *Кирпичников А. Н.* Указ. соч., с. 17—18.
[4] *Луцкий Е. А.* Куликово поле.— Истор. журн., 1940, № 9; *Тихомиров М. Н.* Куликовская битва.— Вопр. ист., 1955, № 8; К 575-летию Куликовской битвы.— Вопр. ист., 1955, № 12; *Каргалов В. В.* Куликовская битва.— Препод. ист. в школе, 1972, № 5.
[5] *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва XIV—XV вв. М., 1957, с. 368—372; *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 612—622; *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963, с. 61—65 и др.
[6] Повести о Куликовской битве, с. 335.
[7] Повести о Куликовской битве, с. 212.
[8] Повести о Куликовской битве, с. 235.

Глава 5

1 Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М.; Л., 1950, с. 36, 44, 49, 74 и др. (Далее: ДДГ).
2 Собрание государственных грамот и договоров. М., 1819, ч. 2, с. 16—17.
3 ПСРЛ, т. XI, с. 205—209.
4 *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 627.
5 ДДГ, с. 34.
6 *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 743—808.
7 ДДГ, с. 186—192, 201—207.
8 ПСРЛ, т. IV, с. 492; т. XII, с. 112.
9 *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 828.
10 Там же, с. 854.
11 *Тихомиров М. Н.* Российское государство XV—XVII вв. М., 1973, с. 13, 14, 16, 17.

Глава 6

1 *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М., 1952, с. 50.
2 *Березин И.* Библиотека восточных историков, т. 1, с. 56.
3 *Семенов В.* Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836, с. 18—19, 28.
4 *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 51—53.
5 Там же, с. 55.
6 ПСРЛ, т. VIII, с. 151; т. XII, с. 116—117.
7 Там же, т. XII, с. 124.
8 Там же.
9 ПСРЛ, т. XXV, с. 297.
10 Там же, т. XXIII, с. 160; т. XVIII, с. 242.
11 *Карпов Г.* История борьбы Московского государства с Польско-Литовским, 1462—1508. М., 1867, с. 103.
12 ПСРЛ, т. XXV, с. 297; т. XII, с. 148; т. IV, с. 244.
13 ПСРЛ, т. XXV, с. 297, 298; т. XXVI, с. 249, 250; т. XII, с. 149, 150; т. IV, с. 244; т. VI, с. 195; т. VIII, с. 174; Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950, с. 91.
14 *Павлов П. Н.* Решающая роль вооруженной борьбы русского народа в 1472—1480 гг. в окончательном освобождении Руси от татарского ига.— Учен. зап. Краснояр. пед. ин-та, 1955, т. IV, вып. 1, с. 190—191, 194.
15 *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 118.
16 ПСРЛ, т. XIX, стб. 6—7.
17 Там же, т. XXVI, с. 265.
18 Сб. РИО, т. 41, с. 5—8.
19 *Греков И. Б.* Указ. соч., с. 184—187; *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 102—118.
20 *Базилевич К. В.* Указ. соч., т. 134.

Глава 7

1 *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 130.
2 ПСРЛ, т. XXV, с. 326, 327.
3 Там же, т. VIII, с. 204.
4 Там же, т. XXV, с. 327; т. IV, с. 153; т. VI, с. 20 и др.
5 Там же, т. XXVI, с. 263.
6 *Карпов Г.* Указ. соч., с. 111.
7 *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1966, т. VI, с. 69.
8 ПСРЛ, т. XXVI, с. 263.
9 Там же, т. XXV, с. 327.
10 Там же.
11 *Татищев В. Н.* Указ. соч., с. 69.
12 ПСРЛ, т. XXV, с. 327.
13 Там же, т. VI, с. 223.
14 Там же, т. XIX, стб. 7—8.
15 *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 881.
16 ПСРЛ, т. XXV, с. 327; т. VIII, с. 206 и др.
17 Там же, т. XXV, с. 327; т. XXVI, с. 263.
18 Там же, т. XV, стб. 498.
19 Там же, т. XXV, с. 327, т. IV, с. 153, т. VI, с. 20; т. XVIII, с. 268; т. XII, с. 200, т. XXVI,

с. 263; т. XX, ч. 1, с. 338 и др.
[20] Там же, т. VI, с. 224; т. XXVI, с. 265.
[21] *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 142.
[22] ПСРЛ, т. XXV, с. 327.
[23] Там же, с. 327—328.
[24] *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 158.
[25] ПСРЛ, т. XXVI, с. 265.
[26] Там же, т. VI, с. 224; т. VIII, с. 206; т. XII, с. 200 и др.
[27] Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966, с. 47.
[28] *Кирпичников А. Н.* Указ. соч., с. 77, 79—80, 81, 85—90, 92—94, 19—27, 33—42.

Глава 8

[1] ПСРЛ, т. XXV, с. 328; т. XII, с. 201; т. VIII, с. 206 и др.
[2] Историческая география СССР. М., 1973, с. 88.
[3] *Тихомиров М. Н.* Средневековая Россия на международных путях, XIV—XV вв. М., 1966, с. 29.
[4] Топографическое описание Калужского наместничества. СПб., 1785, с. 4—5; Описание и алфавит к Калужскому атласу, ч. 1, с. 2.
[5] ПСРЛ, т. VI, с. 231; т. XX, ч. 1, с. 346; т. XXIII, с. 162.
[6] Там же.
[7] Там же, т. XXV, с. 20; т. IX, с. 235.
[8] Там же, т. X, с. 223; т. XI, с. 207.
[9] *Голицын Н. С.* Указ. соч., т. 83.
[10] *Пресняков А.* Иван III на Угре.— В кн.: С. Ф. Платонову... СПб., 1911, с. 288.
[11] *Малинин Д. И.* Калуга: Опыт исторического путеводителя. Калуга, 1912, с. 3.
[12] *Орловский П.* Краткая география Смоленской губернии. Смоленск, 1907, с. 178.
[13] *Маслов В. Е.* Юхнов. Тула, 1975, с. 18.
[14] Россия: Полное географическое описание. СПб., 1899, т. 1, с. 395—396.
[15] *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 156.
[16] Очерки истории СССР. XIV—XV вв. М., 1953, ч. 2, с. 290.
[17] Маршрут от Вязьмы через Юхнов, Калугу.— ЦГВИА, ф. ВУА, № 24880.
[18] *Давыдов К. Л.* Гидрогеография СССР. Л., 1955, с. 169.
[19] Атлас Смоленской губернии. — Военно-исторический архив, ф. 416, д. 191.
[20] ПСРЛ, т. VI, с. 223; т. VIII, с. 206.
[21] Топографическое описание Калужского наместничества. СПб., 1785, с. 66.
[22] ПСРЛ, т. XXVI, с. 266.

Глава 9

[1] Разрядная книга..., с. 24.
[2] ПСРЛ, т. XXX, с. 137.
[3] Там же, т. XXVI, с. 263.
[4] Там же, т. XIX, стб. 7.
[5] Там же, т. XXV, с. 338; т. XXVI, с. 264.
[6] Там же, т. VI, с. 224.
[7] Там же, т. XXVI, с. 263.
[8] Там же, т. VI, с. 224.
[9] Там же, т. XII, с. 201; т. VIII, с. 206; т. XXIII, с. 181.
[10] Там же, т. XXI, с. 564.
[11] Там же, т. XIX, стб. 7.
[12] Там же, т. XXVI, с. 264, 273.
[13] *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 154—155.
[14] *Греков И. Б.* Указ. соч., с. 285.
[15] *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 153—154.
[16] ПСРЛ, т. XXVI, с. 266.
[17] Там же, с. 265.
[18] *Павлов П. Н.* Действительная роль архиепископа Вассиана в событиях 1480 г.— Учен. зап. Краснояр. пед. ин-та, 1955, т. IV, вып. 1, с. 209—210.
[19] *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 155, 156.
[20] ПСРЛ, т. XXV, с. 328.
[21] *Пресняков А.* Указ. соч., с. 292—293.

[22] *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 150.
[23] *Греков И. Б.* Указ. соч., с. 191, 194.
[24] *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 881.
[25] ПСРЛ, т. XX, ч. 1, с. 346.
[26] Там же, т. XII, с. 201; т. XXVI, с. 273; т. XXV, с. 328; т. VI, с. 224.
[27] *Соловьев С. М.* Указ. соч., кн. III, т. 5, с. 82.
[28] ПСРЛ, т. XXVI, с. 273.
[29] Разрядная книга..., с. 24.
[30] ПСРЛ, т. VI, с. 231.
[31] Там же, т. XXVI, с. 274.
[32] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 14, с. 71—72.

Глава 10

[1] ПСРЛ, т. XXVI, с. 274.
[2] Там же, т. XII, с. 203.
[3] *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 167—168.
[4] Сб. РИО, т. 41, с. 44, 46, 58, 62.
[5] ПСРЛ, т. XII, с. 228—229.
[6] Сб. РИО, т. 41, с. 115—116, 141.
[7] Опись Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960, с. 33.
[8] ПСРЛ, т. VIII, с. 224—225; т. XII, с. 233.
[9] Сб. РИО, т. 41, с. 324; Разрядная книга..., с. 32.
[10] *Сафаргалиев М. Г.* Разгром Большой Орды. К вопросу освобождения Руси от татарского ига. Саранск, 1949, с. 95.
[11] Сб. РИО, т. 41, с. 370, 372—373.
[12] Хроника Быховца. М., 1966, с. 115—116.
[13] *Дзира Я. И.* Татаро-турецьки напади на Украину XIII—XVI ст. за хрониками Бельських та Стрийковськаго.— Укр. ист.-геогр. сб. Киев, 1971, вып. 1, с. 93.
[14] Сб. РИО, т. 41, с. 377.
[15] Хроника Быховца..., с. 116.
[16] Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI вв. М., 1887, с. 195, 205.
[17] Сб. РИО, т. 41, с. 417, 419, 420.
[18] ПСРЛ, т. XII, с. 256.
[19] См.: *Каргалов В. В.* На степной границе: Оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. М., 1974.
[20] См.: *Марголин С. Л.* Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века.— Тр. Гос. ист. музея. Вып. XX: Военно-ист. сб. М., 1948.
[21] *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948; *Загоровский В. П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969.

Глава 11

[1] *Зотов Р. М.* Военная история Российского государства. СПб., 1839, ч. 1, с. 99—100.
[2] *Погодин М. П.* Историко-критические отрывки. М., 1846, кн. 1, с. 28.
[3] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960, кн. 3, с. 8.
[4] *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб., 1874, вып. 2, с. 272.
[5] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1950, т. VII, с. 703—705.
[6] *Голицын Н. С.* Русская военная история. СПб., 1878, т. 2, с. 67.
[7] История русской армии и флота. М., 1911, с. 43.
[8] *Костомаров Н. И.* Указ. соч., с. 273—276, 308, 250—251.
[9] Русская военная сила: История развития военного дела от начала Руси до нашего времени. 2-е изд. М., 1897, т. 1, с. 116.

[10] Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921, вып. 5, с. 123.
[11] *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 38.
[12] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1953, т. 3, с. 19—22; т. 2. с. 110; 1954, т. 5, с. 135; 1955, т. 7, с. 506, 516; Избр. соч. М., 1947, с. 552.
[13] *Герцен А. И.* Полн. собр. соч. Пг., 1917, т. 6, с. 313—319.
[14] *Карпов Г.* История борьбы Московского государства с Польско-Литовским, 1462—1508. М., 1867, с. 114—115.
[15] *Голицын Н. С.* Всеобщая военная история. СПб., 1878, ч. 2, с. 160, 162, 165; Русская военная история. СПб., 1878, ч. 2, с. 82, 83, 86.
[16] С. Ф. Платонову: Ученики, друзья и почитатели. СПб, 1911, с. 280—281.
[17] *Снегирев В.* Иван III и его время. М., 1942, с. 21, 31, 32.
[18] *Лихачев Д. С.* Культура Руси эпохи образования Русского национального государства. Л., 1946, с. 12.
[19] *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 155, 143.
[20] Учен. зап. Красноярск. пед. ин-та, 1955, т. IV, вып. 1, с. 197—198, 201, 205, 209—211.
[21] История СССР. М., 1956, т. 1, с. 199—200.
[22] Всемирная история. М., 1957, т. III, с. 789.
[23] *Карпов Г.* Указ. соч., с. 112, 113, 115—118.
[24] *Пресняков А. Е.* Указ. соч., с. 281, 289.
[25] *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 147.
[26] Учен. зап. Краснояр. пед. ин-та, 1955, т. IV, вып. 1, с. 202—204, 212.

Глава 12

[1] *Лихачев Н. П.* Прозвища великого князя Ивана III-го. СПб., 1897, с. 3.
[2] Сб. РИО, т. 41, с. 269.
[3] *Соловьев С. М.* История России. М., 1960, кн. 3, с. 9.
[4] Библиотека иностранных писателей о России, отд. 1. СПб., 1836, т. 1, с. 112—113.
[5] ПСРЛ, т. XIX, стб. 199.
[6] Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951, с. 10, 202.
[7] См.: *Греков И. Б.* Указ. соч., с. 192.
[8] *Меховский Матвей.* Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936, с. 26—27.
[9] Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 1, Киев, 1890, с. 27.
[10] Начало и возвышение Московии: Соч. Даниила Принца из Бухова. М., 1877, с. 8.
[11] *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне. СПб., 1889, с. 23.
[12] *Лимонов Ю. А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV—XVII вв. Л., 1978, с. 181.
[13] Там же, с. 218, 219.
[14] *Тураева-Церетели Е.* Французская генеалогия XVI—XVII вв. о русских государях.— В кн.: С. Ф. Платонову..., с. 82, 90.
[15] *Толстой Ю. В.* Московия Джона Мильтона. М., 1875, с. 19.
[16] *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 12, 16.
[17] *Строков А. А.* Указ. соч., с. 344—347; *Разин Е. А.* Указ. соч., с. 303—308.
[18] *Кирпичников А. Н.* Указ. соч., с. 13, 101.
[19] См.: *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 91—99.
[20] См.: *Разин Е. А.* Указ. соч., с. 312—318.
[21] Там же, с. 319—326.

СОДЕРЖАНИЕ

Вадим Викторович Каргалов
КОНЕЦ ОРДЫНСКОГО ИГА

Утверждено к печати редколлегией серии научно-популярной литературы Академии наук СССР

Редактор издательства Ю.Г.Гордина. Художник М.М.Бабенков
Художественный редактор Н. А. Фильчагина
Технические редакторы Т. Д. Панасюк, Р. Г. Грузинова
Корректоры Р. С. Алимова, М. И. Карасева

ИБ № 18465

Сдано в набор 30.07.80. Подписано к печати 27.10.80. Т-19601.
Формат 84×108[1]/[32]. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,98
Уч.-изд. л. 8,6. Тираж 200000 (2-ой завод 100 001—200.000) экз.
Тип. зак. 3711. Цена 55 коп.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука» 121099. Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ КНИГА:

ЗИМИН А. А.,
ХОРОШКЕВИЧ А. Л.

Россия времен Ивана Грозного.

10 л. 35 к.

Книга посвящена времени Ивана Грозного, т. е. тому периоду русской истории, когда Россия, как и другие страны Европы, шла по пути к абсолютизму. Авторы показывают закономерности и своеобразие этого процесса, сильные и слабые стороны растущего самодержавия, роль народных масс в сложных и противоречивых событиях русской истории середины и второй половины XVI в. Рассчитана на широкий круг читателей.

